ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

PROLOGUE

Law Journal

2025

1 (2) 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. | **№ 2 • 2025** | **Выходит четыре раза в год**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора — Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко — д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова — д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов — д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков — канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

Е. Л. Васянина — д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев — д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов — д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер — д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душакова — д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин — канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент — главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао САР, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Суслова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: http://www.prolaw38.ru/.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (дата включения — 20 июля 2022 г.), категория К2.

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 2 • 2025** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief — Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief — Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Docent, Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova — Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov — Cand. Sci (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO) (Moscow, Russia).

Elena L. Vasyanina — Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer — Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin — Cand. Sci (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev — Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina — Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin — Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra StateUniversity (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko — Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova — Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Ilya V. Nikitenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Boris A. Revnov — Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova — Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:
4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number Эл № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (date of inclusion — July 20, 2022), Quartile 2.

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library — www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board´s point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. **№ 2 • 2025** **Выходит четыре раза в год**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Сафонов М. А. Забытые принципы Нюрнберга: скорость и безотлагательность суда .... 7 – 17

Скоробогатов А. В. Юридизация памяти о Великой Отечественной войне ..... 18 – 28

Окунева М. О. Организационно-правовые формы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в области управления наукой в 1990-е годы ..... 29 – 42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Шейкин А. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2) ..... 43 – 56

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Самарцева М. В. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом ..... 57 – 67

Мирзоев Э. В. Правовые проблемы, возникающие при наследовании бизнеса индивидуального предпринимателя ..... 68 – 76

Суслова С. И., Сенотрусова Е. М. О доступности процедуры оценки аварийности дома для собственников жилых помещений ..... 77 – 84

Хрулева В. В., Мануковская А. Н. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве ..... 85 – 96

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Зарубина К. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений: вопросы квалификации в свете Федерального закона от 29 мая 2024 года № 111-ФЗ ..... 97 – 104

Чистилина Д. О. О различиях в подходах к определению критериев оценки эффективности уголовного процесса ..... 105 – 113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Нестолий В. Г. Торговое право и судопроизводство (Рецензия на сочинение Тарасенко Юрия Александровича «Судъ торговый» (Брянск : Аверс, 2023. 192 с.) ..... 114 – 124

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 г. **№ 2 • 2025** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Safonov M. A. The Forgotten Principles of Nuremberg: Speed and Urgency of the Trial 7–17

Skorobogatov A. V. Legitimization of the Memory of the Great Patriotic War 18–28

Okuneva M. O. Organizational and Legal Form of Cooperation Between Federal and Regional Authorities in the Field of Science Management in 1990s 29–42

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Sheikin A. G. Legal Regulation of Artificial Intelligence in the People's Republic of China: Status, Prospects, Comparative Analysis of Legislative Proposals (Part 2) 43–56

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Samartseva M. V. Labeling of Results Generated Authonomously by Generative Artificial Intelligence 57–67

Mirzoev E. V. Legal Issues Arising From the Inheritance of an Individual Entrepreneur's Business 68–76

Suslova S. I., Senotrusova E. M. On an Accessibility of the Procedure for Assessing Accident Rate of a House for Residential Premises Owners 77–84

Khruleva V. V., Manukovskaya A. N. Some Questions About the Concept of Abuse Procedural Rights in the Arbitration Process 85–96

CRIMINAL LAW SCIENCES

Zarubina K. A. Involvement of Minors in the Commission of Several Crimes: Issues of Qualification in Light of the Federal Law of May 29, 2024 No. 111-FZ 97–104

Chistilina D. O. On the Differences in Approaches to Defining Criteria for Assessing the Effectiveness of Criminal Proceedings 105–113

SCIENTIFIC LIFE

Nestoliy V. G. Commercial Law and Legal Proceedings (Review of the Work by Tarasenko Yuri Alexandrovich "Trading Court" (Bryansk, Avers Publ., 2023. 192 p.) 114–124

УДК 341.64

М. А. Сафонов
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2193-7607
ResearcherID: Y-1951-2018

ЗАБЫТЫЕ ПРИНЦИПЫ НЮРНБЕРГА: СКОРОСТЬ И БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СУДА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 7—17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.1.7-17
Дата поступления 14.03.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен вопрос о малоизученном принципе организации и деятельности Международного Военного Трибунала по делу о главных военных преступниках европейских стран оси, а именно — о принципе скорого и безотлагательного суда. Источниковой базой исследования послужили акты, оформляющие деятельность суда над военными преступниками в Нюрнберге, а также документальные материалы дипломатического характера — ноты и заявления. Проведен анализ научной литературы и мемуаров участников процесса. В исследовании подчеркнута особая значимость позиции Советского Союза в международной подготовке суда над руководством нацистской Германии. Подробно рассмотрено, как представители Советского Правительства последовательно выступали за международное признание необходимости проведения суда над руководителями нацистской Германии после окончания войны. Принципы, ставшие основой организации и деятельности Международного Военного Трибунала, также в значительной мере обязаны СССР своим закреплением в нормах международных договорах. Представлен подробный генезис правового оформления принципа скорости и безотлагательности суда, рассмотрены конкретные направления деятельности Международного Военного Трибунала, в рамках которых данный принцип применялся практически. Дана оценка истории правового закрепления и практического применения исследуемого принципа в период после окончания Нюрнбергского процесса. На основе анализа публикаций российских исследователей по теме Нюрнбергского процесса дана оценка научного освещения данной проблемы в современной отечественной юридической литературе как недостаточно полно раскрывающего значение данного принципа для организации и работы Международного Военного Трибунала. Представлена оценка потенциала применимости данного принципа в современном международном уголовном судопроизводстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Военные преступники, история государства и права, международная юстиция, Международный Военный Трибунал, Нюрнбергский трибунал, принципы Нюрнбергского процесса, судебный процесс.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Сафонов М. А. Забытые принципы Нюрнберга: скорость и безотлагательность суда // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 7—17. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.1.7-17.

UDC 341.64

M. A. Safonov
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2193-7607
ResearcherID: Y-1951-2018

THE FORGOTTEN PRINCIPLES OF NUREMBERG: SPEED AND URGENCY OF THE TRIAL

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 7 —17.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.1.7-17
Received 14.03.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT The article considers the issue of the little-studied principle of the organization and operation of the International Military Tribunal in the case of the main War Criminals of the European Axis countries, namely, the principle of a speedy and urgent trial. The research was based on the acts formalizing the activities of the Nuremberg war criminals trial, as well as documentary materials of a diplomatic nature — notes and statements. The analysis of scientific literature and memoirs of the participants in the process is carried out. The study highlights the special importance of the Soviet Union's position in the international preparation of the trial of the leadership of Nazi Germany. It is considered in detail how representatives of the Soviet government consistently advocated international recognition of the need to hold trials of the leaders of Nazi Germany after the end of the war. The principles that became the basis of the organization and activities of the International Military Tribunal are also largely due to the USSR for their consolidation in the norms of international treaties. A detailed genesis of the legal formalization of the principle of speed and urgency of the court is presented, and specific areas of activity of the International Military Tribunal in which this principle was applied in practice are considered. An assessment of the history of legal consolidation and practical application of the principle under study in the period after the end of the Nuremberg trials is given. Based on the analysis of publications by Russian researchers on the Nuremberg trials, the scientific coverage of this problem in modern Russian legal literature is assessed as insufficiently revealing the importance of this principle for the organization and work of the International Military Tribunal. An assessment of the potential applicability of this principle in modern international criminal proceedings is presented.

KEYWORDS War criminals, history of state and law, international justice, International Military Tribunal, Nuremberg Tribunal, principles of the Nuremberg trials, judicial process.

FOR CITATION Safonov M. A. The Forgotten Principles of Nuremberg: Speed and Urgency of the Trial. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 7—17. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.7-17.

В связи с обострением международной напряженности и ростом числа вооруженных конфликтов, в российском обществе в целом и в отечественной научной среде в частности неизбежно растет интерес к истории международных трибуналов над военными преступниками — Токийскому и, в особенности — Нюрнбергскому. Победители немецкого фашизма и японского милитаризма — СССР, США, Великобритания, — несмотря на острые разногласия во множестве политических вопросов, смогли общими усилиями создать не безупречный, но все же заслуживающий глубочайшего уважения образец международного сотрудничества в деле наказания поджигателей войны и организаторов массового истребления людей [8, с. 56]. Деятельность Международного Военного Трибунала по делу главных военных преступников европейских стран оси по сей день остается эталоном международной юстиции. Между тем история Нюрнбергского трибунала все еще дает исследователям простор для научных изысканий, способных дополнить общую картину сведений о самом важном судебном процессе XX века.

Как известно, Устав Международного Военного Трибунала в Нюрнберге и его приговор послужили исходным пунктом развития международной уголовной юстиции, а выработанные в ходе процесса принципы нашли свое закрепление в целом ряде международных актов и тем самым повлияли на общий ход развития права во всем мире [11, с. 211]. Это влияние выходит далеко за пределы определения процессуальных норм международного правосудия [1, с. 199], однако в рамках данного исследования нас будет интересовать именно та часть «наследия Нюрнберга», которую составляют правовые принципы, имевшие значение в деле организации и осуществления уголовного правосудия — международного и национального.

Оценка руководящих начал, которые были созданы при подготовке и проведении Нюрнбергского процесса, составляют предмет множества исследований российских правоведов. Также достаточно исследовано развитие и закрепление нюрнбергских принципов в соответствующих международных актах [11, с. 215]. Следует, однако, подчеркнуть, что среди принципов, выработанных в ходе подготовки и проведения Нюрнбергского процесса, один является уникальным в своем роде: он не получил дальнейшего развития и международного признания, современные исследователи редко сосредотачивают на нем свое внимание [2, с. 124]. Речь идет *о принципе скорости и безотлагательности* судебного процесса в Нюрнберге. Между тем, как можно будет убедиться на основании изложенного ниже, значение данного принципа нельзя недооценивать, особенно если рассматривать его в историческом контексте проведения «Суда народов».

Процесс над руководителями нацистской Германии не должен был затягиваться по целому ряду причин: во-первых, перед судом стояла задача изучения и оценки огромного количеств доказательств с обеих сторон, что само по себе создавало перспективу затягивания процесса; во-вторых, все материалы предполагалось рассмотреть «по горячим следам» совершенных преступлений, для чего требовалось участие нескольких сотен живых свидетелей, показания каждого из которых имели не только процессуальное значение — их *историческая* ценность в обличении преступлений фашизма вполне осознавалась современниками; в-третьих, организаторы процесса заранее учли вероятность затягивания разбирательства со стороны защиты, что могло повлечь за собой срыв процесса или его дискредитацию; в-четвертых, ужасающий характер и масштаб преступлений нацистов буквально обязывал победителей силой мирового общественного мнения вынести суровый приговор фашизму без каких-либо задержек. Преступления фашистов вызывали ярость и всеобщее возмущение, лишали людей терпения [5]. Человечество требовало справедливости, которую и должен был принести суд в Нюрнберге.

Стоит отметить, что принцип скорости и безотлагательности приобрел широкое содержание, выходящее за рамки исключительно процессуального принципа проведения судебного разбирательства. Данный принцип изначально распространился на все направления деятельности по подготовке и организации судебного процесса, определил ход процесса после его начала, а также диктовал порядок и сроки исполнения вынесенного приговора.

Не претендуя на исчерпывающую полноту раскрытия вопроса о генезисе интересующего нас принципа, обозначим два основных этапа его развития, которые условно можно назвать *декларативным* и *нормативным*. Основой деления в данном случае послужил ха-

рактер юридических документов, содержащих положения о скорости и безотлагательности суда, а также содержание и юридическое значение самих этих положений.

«Декларативный» этап характеризуется провозглашением необходимости скорого суда над руководством гитлеровской Германии в дипломатических актах и международных договорах. Ускоренный характер правосудия здесь, как правило, определялся в самом общем виде — в виде декларативных заявлений — и не подкреплялся соответствующим правовыми механизмами. В формальном смысле акты-декларации не содержали материальных или процессуальных норм, однако заявленные ими базовые принципы впоследствии составили руководящие начала организации и деятельности Международного Военного Трибунала [9, с. 5].

Особое место в изобличении немецкого фашизма и сплочении международных сил в борьбе с ним принадлежало Советскому Союзу. Не лишним будет напомнить, что именно правительство СССР на протяжении многих лет последовательно разоблачало преступную сущность фашизма и империализма, настойчиво выступало за создание механизма коллективной безопасности в Европе в предвоенное время, а после начала немецкого вторжения непреклонно проводило среди держав-союзников курс на организацию суда над нацизмом.

В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. германское правительство было официально названо ответственным за бесчеловечные деяния оккупантов на занятой ими советской территории[1]. Так Советский Союз однозначно указал, что не считает практику массовых убийств, издевательств и жестокого обращения с военнопленными и мирным населением случайной, являющейся лишь чередой «эксцессов» на местах.

Следующий важный документ — нота главы советского внешнеполитического ведомства, опубликованная 6 января 1942 г. Положения ноты с нескрываемым гневом и возмущением описывают примеры убийств, пыток, изнасилований и грабежей, совершаемых оккупантами. «Советское Правительство и его органы — сообщается в документе — ведут подробный учёт всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьётся возмездия»[2]. Идея возмездия как акта отмщения за совершенные нацистами и вермахтом зверства на данном этапе предшествовала идее международного суда — сказывалось влияние тяжелой военной обстановки того времени.

Как видится, именно обстоятельствами военного характера вызвано и первое официальное упоминание необходимости скорого возмездия над нацистами. Так, 27 апреля 1942 г. была опубликована еще одна нота наркома иностранных дел, в которой указывалось: «Интересы всех свободолюбивых народов, интересы всего человечества требуют, чтобы как можно скорее и раз и навсегда покончить с шайкой оголтелых убийц, именуемой правительством гитлеровской Германии»[3]. Таким образом, впервые к мотиву неотвратимости возмездия был присоединен мотив скорейшего его осуществления. При этом речь скорее идет о военном разгроме, нежели об организации суда над гитлеровцами. Однако на приведенное выше положение ноты главы НКИД от 27 апреля 1942 г. в дальнейшем ссылался другой официальный документ, и в этом документе — заявлении Советского Правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы» от 14 октября 1942 г. — говорилось именно о необходимости справедливого суда, который должен быть организован настолько скоро, насколько это возможно[4]. Поддерживая инициативу правительств оккупированных гит-

[1] О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных : Нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 25 нояб. 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/167081#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[2] О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях : Нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 6 янв. 1942 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382836#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[3] О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления : Нота Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апр. 1942 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/382850#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[4] Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы : Заявление Советского Правительства от 14 окт. 1942 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/167084#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

леровцами стран (Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии и др.), составивших в январе 1942 г. «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны фашистской Германией и ее союзниками»[5], Советский Союз призвал союзные и дружественные правительства оказывать друг другу всемерное содействие в деле осуществления правосудия в отношении немецких захватчиков. В заявлении от 14 октября 1942 г. провозглашалась идея создания международного трибунала с целью безотлагательного предания суду и наказания по всей строгости уголовного закона руководителей фашистского «рейха»[6]. С этого времени Советский Союз последовательно отстаивал план создания международного суда над нацистским руководством. Один из важнейших принципов будущего процесса — его безотлагательность — впервые был официально заявлен.

Если обратить внимание на материалы международных конференций союзных держав, то можно увидеть, что принцип скорости и безотлагательности процесса в отношении немецких военных преступников нашел свое отражение лишь на завершающем этапе войны. Так, непосредственно положившая начало правовому оформлению деятельности Международного Военного Трибунала Декларация «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» от 30 октября 1943 г., подписанная представителями трех держав — Великобритании, Соединенных штатов и Советского Союза — уделяла основное внимание неотвратимости ответственности нацистских руководителей[7]. Последующие международные договоренности вплоть до февраля 1945 г. не содержали указания на необходимость обеспечить скорое разбирательство по делам немецких военных преступников. Таким образом, советской стороне, первой заявившей принцип безотлагательности суда еще в 1942 г., потребовалось несколько лет на то, чтобы данный принцип был официально признан союзниками.

Настаивая на скором суде, официальные представители СССР имели в виду именно организованный в соответствии с общепринятыми процессуальными нормами и принципами судебный процесс, а не показательную публичную расправу. Скорость и безотлагательность суда не должны были превращать процесс в фикцию. СССР, как известно, пришлось отстаивать идею полноценного суда — представители США и Великобритании вплоть до осени 1944 г. пытались обосновывать необходимость внесудебного наказания для руководителей «третьего рейха» [7, с. 13—14]. С учетом того, что сторонниками «административного решения» — расстрела без суда ряда немецких функционеров — были такие авторитетные политические деятели, как премьер-министр Великобритании У. Черчилль и госсекретарь США К. Хэлл, представляется обоснованным считать настоящей победой советской дипломатии позитивное решение правительств главных стран антигитлеровской коалиции по вопросу об организации публичного процесса над нацистским руководством Германии [5, с. 140].

В заявлении руководителей союзных держав по итогам проведения Крымской конференции от 13 февраля 1945 г. помимо прочих мер, согласованных и утвержденных в отношении будущего положения Германии, указывалось, что военные преступники будут подвергнуты справедливому и быстрому наказанию[8]. Летом 1945 г. подготовка к процессу уже шла полным ходом. В рамках Лондонской конференции стран-союзников представители СССР выступили с проектом Положения о Международном Военном Трибунале, основные идеи которого впоследствии были одобрены и утверждены в качестве соответствующих норм Устава Трибунала в Нюрнберге. Проект был внесен на рассмотрение участников конференции 2 июля 1945 г. Статья 22 проекта указывала, что судебный процесс, гарантируя законные интересы обвиняемых, вместе с тем должен быть организован на началах, обеспечивающих быстроту разрешения дела[9]. Акцент на интересующем

[5] О наказании за преступления, совершенные во время войны фашистской Германией и ее союзниками : Декларация от 13 янв. 1942 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/149871#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[6] URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/167084#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[7] Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства : Декларация от 30 окт. 1943 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/300728-deklaratsiya-ob-otvetstvennosti-gitlerovtsev-za-sovershaemye-zverstva-prinyataya-na-moskovskoy-konferentsii-19-30-oktyabrya-1943-g-1-noyabrya-1943-g#mode/inspect/page/1/zoom/6 (дата обращения: 01.03.25).

[8] Материалы Крымской Конференции руководителей трех союзных держав от 13 февраля 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163278-iz-materialov-krymskoy-konferentsii-rukovoditeley-treh-soyuznyh-derzhav-13-fevralya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[9] Проект Положения (Статута) «О Международном Военном Трибунале», внесенный советскими представителями на Лондонской конференции от 2 июля 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/375993 (дата обращения: 01.03.25).

нас принципе также делало заявление лидеров победивших стран, опубликованное 2 августа 1945 г. по итогам их участия в Берлинской конференции. В заявлении, подписанном И. В. Сталиным, Г. Трумэном и К. Р. Эттли имелись следующие положения: «Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду. Они надеются, что переговоры в Лондоне будут иметь своим результатом скорое соглашение, достигнутое с этой целью, и они считают делом огромной важности, чтобы суд над этими главными преступниками начался как можно скорее. Первый список обвиняемых будет опубликован до 1 сентября сего года»[10]. Обеспечение как можно более скорого начала суда и безотлагательного судебного разбирательства, таким образом, стало общепризнанным принципом создания Международного Военного Трибунала. Однако данный принцип все еще оставался декларативным началом будущего процесса — учредителям трибунала предстояло дать этому принципу прочные процессуально-правовые основы.

Можно утверждать, что принятие уставных документов Международного Военного Трибунала знаменует начало второго — «нормативного» этапа правового закрепления принципа скорости и безотлагательности суда над военными преступниками. В рамках данного этапа были созданы и применены на практике конкретные правовые средства, способствующие ускоренному ходу процесса.

8 августа 1945 г. было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции «О судебном преследовании главных военных преступников европейских стран оси», также известное как Лондонское соглашение[11]. Дополнением к Соглашению стал Устав Международного Военного Трибунала, принятый в тот же день. Именно Устав закреплял соответствующий механизм, гарантирующий проведение судебных процедур без каких-либо задержек.

Для целей настоящего исследования ограничимся обзором тех положений Устава, которые прямо или косвенно влияли на темпоральную характеристику процесса.

Статья 1 Устава прямо указывала, что целью создания трибунала является справедливый и быстрый суд и наказание главных военных преступников европейских стран оси. Быстроту суда подкрепляли несколькими механизмами, закрепленными Уставом. Во-первых, это были правила, касающиеся состава суда, — в случае болезни кого-либо из четырех членов трибунала или невозможности нести им свои обязанности по другой причине процесс не приостанавливался, а место временно выбывшего члена Трибунала заменял его заместитель (Статья 2). Отвод Трибунала, членов Трибунала и их заместителей не допускался. Право заявить отвод не имела не только сторона защиты, но и обвинители. Заменить члена трибунала или его заместителя по болезни или по иной уважительной причине могли лишь учредители Трибунала (Статья 3).

Во-вторых, Устав закреплял возможность заочного производства в отношении обвиняемых, если таковые отсутствуют или не разысканы (Статья 12)[12]. Данная норма имела исключительное значение для рассмотрения дела Мартина Бормана, местонахождение которого на момент начала процесса оставалось неизвестным. Вскоре после начала процесса Трибунал отклонил ходатайство защитника Бормана о переносе рассмотрения дела в связи с отсутствием обвиняемого на скамье подсудимых. Трибунал при этом руководствовался необходимостью строго соблюдать Устав и Регламент, указывал на достаточность времени, необходимого адвокату для подготовки защиты[13].

В-третьих, нормы, прямо указывающие на те меры, которыми Трибунал может воспользоваться в процессе с целью пресечения попыток затянуть разбирательство. Так, Статья 18 Устава предписывала Трибуналу «строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, свя-

[10] Материалы Берлинской Конференции трех держав от 2 августа 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163282-iz-materialov-berlinskoy-konferentsii-treh-derzhav#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[11] О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси : Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции от 8 авг. 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/241259#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 10.03.25).

[12] Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (принят 8 авг. 1945 г.) URL: https://docs.cntd.ru/document/901737883?ysclid=m7ot7gkn4r808753553 (дата обращения: 01.03.25).

[13] Решение Трибунала о заочном рассмотрении дела в отношении Бормана : из стенограммы заседания Международного Военного Трибунала от 22 ноября 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163328-reshenie-tribunala-o-zaochnom-rassmotrenii-dela-v-otnoshenii-bormana-iz-stenogrammy-zasedaniya-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-ot-22-noyabrya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

занных с обвинением»; «принимать строгие меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса ...»; «принимать решительные меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать надлежащие взыскания...». Впоследствии Трибуналу пришлось неоднократно использовать данные полномочия, поскольку затягивание процесса всеми способами с самого его начала стало одним из главных приемов стороны защиты [7, с. 145].

В-четвертых, Устав предполагал упрощенную и ускоренную процедуру оценки доказательств. Она, по оценке М. Ю. Рагинского, бывшего на Нюрнбергском процессе заместителем Главного обвинителя от СССР, не совпадала целиком ни с одной из национальных систем судопроизводства стран-организаторов Трибунала, но при этом обеспечивала выполнение основной задачи процесса — справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников [7, с. 21]. Трибунал не был связан формальностями в использовании доказательств, мог применять «возможно более быструю и не осложнённую формальностями процедуру» и допускал «любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу» (Статья 19). Не только общеизвестные факты, озвученные на суде, не нуждались в доказывании, но и «официальные правительственные документы и доклады Объединённых Наций, включая акты и документы комитетов, ... протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединённых Наций» (Статья 21)[14].

Таковы были положения Устава Международного суда в Нюрнберге, обеспечившие процессу должную степень динамичности. Принятый 28 октября 1945 г. Регламент Международного Военного Трибунала, в свою очередь, принципы скорого суда не закреплял, уделяя внимание детализации прав защиты на процессе[15]. Вместе с тем текст Регламента был составлен в духе прочих документов Нюрнбергского процесса: лаконичный, с четкими недвусмысленными формулировками он сам по себе обеспечивал процессу необходимый темп.

Дополнительно необходимо рассмотреть несколько положений Закона № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности», принятого Контрольным Советом 20 декабря 1945 г. Этот акт был направлен на регламентацию правил подсудности военных преступников в различных зонах оккупации. Исходя из содержания закона, можно заметить, что скорость и безотлагательность рассматривались как важные принципы не только в отношении суда над главными военными преступниками европейских стран оси, но и должны были сохранить свое значение при всех последующих разбирательствах по обвинению нацистских функционеров рангом ниже. Так, п. 5 ст. IV Закона № 10, предвосхищая события недавно начавшегося в Нюрнберге процесса, указывал, что приведение смертного приговора Трибунала в исполнение может быть отложено на срок не более одного месяца, и то лишь в случае, если показания приговоренного лица могут иметь значимость при расследовании других преступлений. В ст. V Закона указано, что выданные национальным правительствам военные преступники должны быть осуждены в течение шести месяцев. В противном случае, они должны быть возвращены под юрисдикцию Командующего оккупационной зоной для производства над ними суда на месте[16].

Необходимо отметить, что нормы Устава, обеспечивающие скорость процесса, на практике показали свою эффективность — Трибунал, как уже отмечалось, неоднократно пресекал всяческие попытки обвиняемых и их защитников «выиграть время» при помощи разнообразных ухищрений.

Участники Нюрнбергского процесса — М. Ю. Рагинский и А. И. Полоторак — подробно описали всевозможные приемы, на которые шла сторона защиты в целях затягивания процесса.

Одним из наиболее примитивных способов являлась подача многочисленных ходатайств о назначении перерывов в заседаниях Трибунала. Небезынтересно отметить, что Трибунал не всегда отказывал в удовлетворе-

[14] URL: https://docs.cntd.ru/document/901737883?ysclid=m7ot7gkn4r808753553 (дата обращения: 01.03.25).

[15] Регламент Международного Военного Трибунала от 28 октября 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163288-reglament-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

[16] О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности : Закон Контрольного Совета в Германии № 10 от 20 дек. 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163289-zakon-10-o-nakazanii-litsvinovnyh-v-voennyh-prestupleniyah-prestupleniyah-protiv-mira-i-protiv-chelovechnosti-g-berlin-20-dekabrya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

нии подобных ходатайств. Так, в конце декабря 1945 г. по ходатайству Отто Штамера — адвоката Германа Геринга — судьи объявили перерыв на рождественские каникулы продолжительностью в 10 дней. При этом сторона защиты ходатайствовала о назначении перерыва в три недели [6, с. 129].

Другим распространенным приемом, при помощи которого защитники очевидно пытались затормозить работу Трибунала, являлось злоупотребление правом вызова свидетелей в суд: адвокаты направляли десятки и сотни ходатайств подобного рода. Например, защита Фрица Заукеля и Альфреда Йодля была намерена пригласить по 55 свидетелей на допрос каждого из обвиняемых. Некоторые подсудимые ходатайствовали о приглашении на процесс в качестве свидетелей иностранных лиц, явно не обладающих никакими сведениями по существу предъявленных обвинений: известных в то время политических деятелей, финансистов и т. д. [7, с. 145, 147].

Имели место и менее тривиальные случаи. Например, один из главных идеологов нацизма — обвиняемый Альфред Розенберг и его адвокат Альфред Тома предприняли попытку погрузить участников процесса в экскурс по истории расизма. По ходатайству Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко Трибунал пресек поток пространных рассуждений со стороны Розенберга и его защитника [6, с. 123]. Затягивать процесс путем длительных устных выступлений пытался Герман Геринг [7, с. 22].

Защита в целом рассчитывала на то, что задержка процесса во времени в условиях изменения международной обстановки будет способствовать усилению разногласий в составе суда, однако эта тактика не принесла желаемого результата — Трибунал работал с такой скоростью, которая сегодня кажется невероятной.

За время судебного процесса — с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 года — Трибунал провел 218 судебных заседаний, протоколы которых насчитывают 16 тысяч страниц. Было рассмотрено 2 630 документов, предоставленных стороной обвинения, и 2 700 документов стороны защиты; на суде было заслушано 240 свидетелей и сотни свидетелей допрошены вне зала суда по поручению Трибунала. В качестве доказательств принято 300 тысяч письменных показаний [6, с. 21; 7]. С учетом специфики организации первого в истории международного военного трибунала за рекордно короткий срок — чуть более шести месяцев от момента завершения войны до дня начала процесса — масштабы и скорость работы, проделанной организаторами, судьями и обвинителями, поистине поражают. Безусловно, защитники обвиняемых также были обязаны проявить незаурядные качества для соответствия общему темпу проведения процесса [3, с. 144], ведь Трибунал начал рассмотрение дел подсудимых спустя немногим более месяца с момента вручения им копии обвинительного заключения[17].

При том, что Нюрнбергский процесс в действительности был скорым судом, работу Трибунала заслуженно считают образцом справедливого и демократичного правосудия. Суд Международного Военного Трибунала не стал поспешной расправой над поверженным врагом [10, с. 52], не стал судилищем. Принцип состязательности сторон на процессе реализовывался в полной мере, права и законные интересы обвиняемых были в полном объеме соблюдены. Подсчитано, что в рамках процесса Трибунал потратил на сторону защиты в три раза больше времени, чем на обвинение [11, с. 212—213]. Несмотря на то, что данная процедура не предусматривалась уставными документами Международного Военного Трибунала, Трибунал счел возможным предоставить подсудимым право на последнее слово, ограничив выступления каждого из подсудимых несколькими минутами в целях экономии времени [7, с. 182—183].

Необходимо подчеркнуть, что темп проведения Нюрнбергского процесса является одной из наиболее уникальных его особенностей. В этом смысле работа Международного Военного Трибунала над главными преступниками европейских стран оси не имеет аналогов не только в предшествующей, но и в последующей истории. Важно не только отметить данный факт, но и дать оценку следствиям незаслуженного забвения процессуального принципа скорости и безотлагательности.

Некоторое время после окончания главного Нюрнбергского процесса данный принцип еще оказывал определенное влияние на практику судов над военными преступниками, однако в целом своего дальнейшего международного признания он не нашел.

[17] Обвинительное заключение по делу главных военных преступников европейских стран оси от 6 октября 1945 г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163318-obvinitelnoe-zaklyuchenie-berlin-6-oktyabrya-1945-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 01.03.25).

Интересно отметить, что ссылка на чрезмерно длительные сроки проведения международного суда для американской стороны служила обоснованием нежелательности проведения в Европе новых процессов, подобных «Суду народов». В записке президенту Соединенных Штатов Гарри Трумэну от 7 октября 1946 года Роберт Джексон — Главный обвинитель от США на процессе в Нюрнберге — писал: «Четырехсторонний, четырехъязыковый международный суд неизбежно явится самым медленным и самым дорогим методом судопроизводства ...». В качестве более быстрой альтернативы Р. Джексон предлагал суд оккупационных властей по делам о военных преступлениях. Печальная ирония заключается в том, что именно односторонние судебные процессы, проведенные оккупационными властями западных стран, в итоге «прославились» волокитой, формализмом и затянутостью [7, с. 24, 27] — всем тем, чего удалось избежать Нюрнбергскому Трибуналу.

Нормативного закрепления на международном уровне, как уже отмечалось, интересуемый нас принцип так и не получил. Идея скорого и безотлагательного суда над военными преступниками была дискредитирована. На рубеже XXI века приоритет получили другие процессуальные начала, призванные гарантировать тщательность и полноту судебного исследования доказательств. При этом сложившаяся практика многолетних процессов, как видится, не принесла пользы ни обвиняемым и их защитникам, ни делу международного правосудия. Наоборот — то, что должно было служить гарантией права на защиту, обернулось неисчислимым множеством всевозможных злоупотреблений и сомнительных как с точки зрения права, так и с точки зрения морали манипуляций.

Оставив в стороне иные спорные аспекты деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии, отметим лишь два характерных для данного суда эпизода: проведя под стражей трибунала более четырех с половиной лет и так и не дождавшись вынесения решения по своему делу, в камере скончался бывший президент Югославии С. Милошевич. Другого обвиняемого на процессе — лидера Сербской радикальной партии В. Шешеля — суд держал в камере предварительного заключения 11 лет [13, с. 73]. Данные факты говорят сами за себя.

Другим негативным примером является сложившийся порядок деятельности Международного уголовного суда, который при существенных затратах стран, подписавших Римский статут, отличается не только политически неоднозначными, но и весьма скромными итогами своей деятельности: за первые 14 лет работы данный суд вынес всего четыре приговора, израсходовав при этом более 1 млрд. долларов [12, с. 166].

Таким образом, отказ от скорости международного правосудия никоим образом не способствует повышению эффективности международных судебных органов, ставит в еще более уязвимое положение обвиняемых, подрывает веру в справедливость и представление о самой обоснованности суда.

Представляется, что в сочетании с публичностью и открытостью судебных процессов, принцип скорого суда не ущемляет права подсудимого на справедливое рассмотрение его дела с учетом всех значимых обстоятельств. Конечно, «золотая середина» в виде разумных, умеренных, но при этом достаточных сроков судебного разбирательства всегда будет являться целью, к которой необходимо стремиться как в законодательной, так и в правоприменительной практике, но, как видится, альтернативой скорому и безотлагательному суду в действительности чаще всего служит не знающая никаких пределов, растянутая до бесконечности череда судебных процедур.

В заключении необходимо отметить, что сама по себе скорость и безотлагательность процесса (впрочем, как и другие, в том числе общепризнанные и закрепленные процессуальные принципы) не является гарантией справедливого суда. Политический аспект в деле международного правосудия, так или иначе, всегда будет сохранять свое значение. Однако, как представляется, понимание значения и значимости данного принципа в прошлом, у истоков международной уголовной юстиции, дает нам возможность более правильно понять ее состояние в настоящем, сознательно развивать ее в соответствии с потребностями времени в будущем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валеев Р. М., Сафиуллина И. П. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) // Московский журнал международного права. — 2006. — № 3. — С. 185—200.

2. Гришко А. Я. Уроки Нюрнбергского процесса и реализация его принципов в пенитенциарной сфере // Вестник Кузбасского института. — 2015. — № 2. — С. 120—128.

3. Демидова Т. К., Тулупова Е. О. Участие адвокатов в Нюрнбергском процессе // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27, № 7. — С. 133—145. — DOI: 10.12737/jrp.2023.084.

4. Наумов А. В. О двух (очень значимых!) обстоятельствах для вынесения приговора Нюрнбергским трибуналом // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2025. — № 1. — С. 138—142.

5. Наумов А. В. Тень на процесс // Литературная газета. — 2007. — 1 янв. — URL: https://lgz.ru/article/ten-na-protsess/?ysclid=mao5jdhz9x879411758.

6. Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. — Москва : Воениздат, 1965. — 552 с.

7. Рагинский М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса. — Москва : Политиздат, 1986. — 207 с.

8. Савенков А. Н. Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (к 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) // Государство и право. — 2021. — № 6. — С. 7—62. — DOI: 10.31857/S102694520015622-5.

9. Сафонов М. А. Правовые основы Нюрнбергского процесса: нормы и источники права // Пролог: журнал о праве. — 2020. — № 4. — С. 3—9. — DOI: 10.21639/2313-6715.2020.4.1.

10. Седнев Р. И., Шаталов Е. А. Становление международных уголовно-правовых норм и правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности военных преступников Второй мировой войны // Российское право: образование, практика, наука. — 2019. — № 2. — С. 48—54.

11. Слабкая Д. Н., Новиков А. В. Детерминация принципов отправления международного уголовного правосудия // Вопросы российского и международного права. — 2021. — Т. 11, № 12А. — С. 210—218. — DOI: 10.34670/AR.2022.93.82.023.

12. Смирных С. Е. Значение Нюрнбергского процесса для дальнейшего развития международного права // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 3. — С. 163—166.

13. Шамаров П. В. К вопросу о деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии // Вестник Академии права и управления. — 2015. — № 4. — С. 69—74.

REFERENCES

1. Valeev R. M., Safiullina I. P. The Nuremberg Principles and Their Impact on the Development of Modern International Law (On the 60th Anniversary of the Nuremberg Trials). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2006, no. 3, pp. 185—200. (In Russian).

2. Grishko A. Ya. The lessons of the Nuremberg process and realization of its principles in the penal sphere. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass institute*, 2015, no. 2, pp. 120—128. (In Russian).

3. Demidova T., Tulupova E. Participation of Lawyers in the Nuremberg Trial. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 7, pp. 133—145. (In Russian). DOI: 10.12737/jrp.2023.084.

4. Naumov A. V. On two (very significant!) circumstances for sentencing by the Nuremberg Trials. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the prosecutor's office*, 2025, no. 1, pp. 138—142. (In Russian).

5. Naumov A. V. A Shadow on the Process. *Literaturnaya gazeta*, 2007, 1 January. URL: https://lgz.ru/article/ten-na-protsess/?ysclid=mao5jdhz9x879411758. (In Russian).

6. Poltorak A. I. *Nyurnbergskii ehpilog* [The Nuremberg Epilogue]. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 552 p.

7. Raginskii M. Yu. *Nyurnberg: pered sudom istorii. Vospominaniya uchastnika Nyurnbergskogo protsessa* [Nuremberg: Before the Court of History. Memoirs of a Participant in the Nuremberg Trials]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 207 p.

8. Savenkov A. International Law and the policy of Western states in the period between the World wars (To the 80th anniversary of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2021, no. 6, pp. 7—62. (In Russian). DOI: 10.31857/S102694520015622-5.

9. Safonov M. A. Legal Basis of the Nuremberg Trial: Rules and Sources of Law. *Prologue: Law Journal*, 2020, iss. 4, pp. 3—9. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2020.4.1.

10. Sednev R. I., Shatalov E. A. The Development of International Criminal-Law Rules and Some Legal Problems of Bringing to Justice the War Criminals of the Second World War. *Rossiyskoye Pravo: obrazovaniye, praktika, nauka = Russian Law: education, practice, researches*, 2019, no. 2, pp. 48—54. (In Russian).

11. Slabkaya D. N., Novikov A. V. Determination of principles for the administration of international criminal justice. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2021, vol. 11, iss. 12A, pp. 210—218. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2022.93.82.023.

12. Smirnykh S. E. The importance of the Nuremberg Process for the further development of international law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 3, pp. 163—166. (In Russian).

13. Shamarov P. V. Revisiting the activity of International Tribunal for the former Yugoslavia. *Vestnik Akademii prava i upravleniya = Bulletin Academy of law and management*, 2015, no. 4, pp. 69 — 74. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонов Михаил Александрович (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, Некрасова, 4, e-mail: safonovmikhail1990@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Safonov, Mikhail A. (Irkutsk) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Theory and History of State and Law Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: safonovmikhail1990@gmail.com).

УДК 342

А. В. Скоробогатов
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9139-5367
ResearcherID: J-4391-2016

ЮРИДИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 18—28.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.2.18-28
Дата поступления 17.02.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию роли законодательства в конструировании официального исторического нарратива о Великой Отечественной войне, эксплицированного в мемориальном законодательстве. На основе анализа формы, содержания и смысла нормативных правовых актов, посвященных памяти о Великой Отечественной войне, сделан вывод, что юридизация исторической памяти связана со стремлением государства артикулировать фреймы исторической памяти, которые эксплицируют социальные представления о ключевых лицах, событиях и символах, имеющих определяющее значение для обеспечения национальной безопасности и социальной идентификации не только в исторической ретроспективе, но и применительно к современной социальной реальности. Память о Великой Отечественной войне, консолидируя общество, является важнейшим средством социальной идентификации и выступает ценностным эталоном поведения граждан, показавшим свою эффективность в прошлом. Конструируя фреймы исторической памяти, мемориальное законодательство обеспечивает не только сохранение образа Великой Отечественной войны и его интерпретацию в соответствии с официальным историческим нарративом, но и его трансляцию гражданам и репрезентацию в коммеморативных практиках, эксплицирующих аксиологическую интенциональность политики России. Благодаря этому формируется чувство сопричастности государства и гражданского общества в процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Автор подчеркивает, что мемориальное законодательство является не только легальным, но и легитимным средством сохранения, трансляции и репрезентации памяти о войне. С одной стороны, оно эксплицирует конвенциональный образ Великой Отечественной войны, сформированный в памяти российского общества. С другой стороны, оно призвано транслировать неофитам официальный исторический нарратив.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мемориальное законодательство, Великая Отечественная война, историческая память, юридизация памяти, мнемонический дискурс, российская идентичность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Скоробогатов А. В. Юридизация памяти о Великой Отечественной войне // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 18—28. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.2.18-28.

UDC 342

A. V. Skorobogatov
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Kazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9139-5367
ResearcherID: J-4391-2016

LEGITIMIZATION OF THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 18—28.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.2.18-28
Received 17.02.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT The article is devoted to the study of the role of legislation in the construction of the official historical narrative of the Great Patriotic War, as expressed in memorial legislation. Based on the analysis of the form, content and meaning of normative legal acts dedicated to the memory of the Great Patriotic War, it is concluded that the legitimization of historical memory is associated with the desire of the state to articulate frames of historical memory that explicate social ideas about key individuals, events and symbols that are crucial for ensuring national security and social identification, not only in in historical retrospect, but also in relation to modern social reality. The memory of the Great Patriotic War, consolidating society, is the most important means of social identification and acts as a value standard of citizens' behavior, which has shown its effectiveness in the past. By constructing frames of historical memory, memorial legislation ensures not only the preservation of the image of the Great Patriotic War and its interpretation in accordance with the official historical narrative, but also its transmission to citizens and representation in commemorative practices that explicate the axiological intentionality of Russian politics. This creates a sense of belonging between the state and civil society in the process of perpetuating the memory of the Great Patriotic War. The author emphasizes that memorial legislation is not only a legal, but also a legitimate means of preserving, broadcasting and representing the memory of the war. On the one hand, it explicates the conventional image of the Great Patriotic War, formed in the memory of Russian society. On the other hand, it is intended to broadcast the official historical narrative to the neophytes.

KEYWORDS Memorial legislation, the Great Patriotic War, historical memory, the legitimization of memory, mnemonic discourse, Russian identity.

FOR CITATION Skorobogatov A. V. Legitimization of the Memory of the Great Patriotic War. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 18—28. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.2.18-28.

Историческая память выступает одной из традиционных ценностей и является решающим фактором обеспечения экзистенциальной целостности и национальной безопасности России. Это связано с широким распространением, прежде всего в недружественных странах, фальсификации роли нашей страны в мировой истории с целью политической изоляции России [1, с. 77]. Ответом на этот вызов стало усиление внимания законодательства к исторической памяти и военной памяти как ее части, которые выступают важнейшим средством социальной идентификации. Среди военных событий на первом месте стоит Великая Отечественная война. Юридизация памяти о войне призвана не только формализовать мнемонический дискурс, но и включить в контекст обеспечения национальной безопасности. Однако речь идет не только об обязанности помнить тот образ прошлого, который сформировало государство, что рассматривается в западной юридической науке как злоупотребление правом [17, p. 338], но и в качестве реализации права человека на память [10].

Несмотря на то, что выраженная в законодательстве память о Великой Отечественной войне является частью общей исторической памяти, ее значение для российского общества носит особый характер, который в значительной степени обусловлен несколькими факторами. Во-первых, Великая Отечественная война стала экзистенциальным испытанием, в котором решался вопрос о дальнейшем существовании российской цивилизации. Во-вторых, сохранились в живых люди, принимавшие непосредственное участие в событиях войны и способные своими воспоминаниями оказать воздействие на формирование социальной памяти. В-третьих, забвение участия СССР в победе во Второй мировой войне в условиях гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России, все больше трансформируется в прямое искажение и даже фальсификацию фактов прошлого [13, с. 63]. Фактически речь идет о создании исторического контрнарратива («ложной картины мира»), призванного воздействовать на ценностные ориентации не только населения соответствующих стран, но и граждан России [11, с. 67]. В совокупности это актуализирует обращение законодателя к вопросам содержания, сохранения, интерпретации, трансляции и репрезентации исторической правды о Великой Отечественной войне как важнейшем средстве обеспечения национальной безопасности.

Данное явление можно обозначить как юридизацию памяти, то есть включение исторической памяти в правовой контекст. Применительно к материальным аспектам права это предполагает законодательное конструирование фреймов памяти о ключевых лицах, событиях и символах прошлого, которые в совокупности составляют официальный исторический нарратив. В процессуальном смысле речь идет о нормативном регулировании и охране процесса сохранения, интерпретации, трансляции и репрезентации официального исторического нарратива.

Хотя мемориальное законодательство не представляет собой единого правового массива, его можно представить как интертекст, центральным элементом которого выступает Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России»[1], применительно к памяти Великой Отечественной войны дополняемый Законом РФ «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»[2] и Федеральным законом «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов»[3]. В совокупности эти три закона устанавливают фреймы памяти, составляющие официальный исторический нарратив, отдельные элементы которого дополняются иными нормативными правовыми актами, включающими в себя мемориальные положения [9]. Речь при этом идет не просто о формализации определенной информации о прошлом и формах работы с ним, а о его концептуализации, конструировании официального исторического нарратива как ретроспективного средства обеспечения национальной безопасности и социальной идентификации граждан.

Особое место памяти о Великой Отечественной войне, эксплицированной в мемориальном законодательстве России, определило специфику его функций. В первую очередь речь идет о политической функции, связанной с обеспечением ретроспективными средствами национальной идентификации [18, p. 68].

---

[1] О днях воинской славы и памятных датах России : Федер. закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 28 сент. 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 943.

[2] Об увековечении памяти погибших при защите Отечества : Закон Российской Федерации от 14 янв. 1993 г. № 4292-1 (ред. от 9 нояб. 2024 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 245.

[3] Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов : Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ (ред. от 28 дек. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1928.

Отсылка к памяти о событии, которое имело экзистенциальное значение для сохранения российской цивилизации, призвана усилить коллективную взаимосвязь общества и государства, характерную для нашей страны и находящую выражение в правовых архетипах соборности и этатизма. Сохранившись в народной памяти как пример всеобщего героизма, готовности пожертвовать собой ради блага общества и государства, призванного не только защитить первое, но и объединить его патриотические усилия, воспоминания о Великой Отечественной войне, будучи формализованы в законодательстве, становятся топосами исторической памяти, имеющими своей целью сохранить патриотическую интенциональность правовой и политической культуры и транслировать ее неофитам[4] как социальный опыт, воспроизведение которого позволит обеспечить максимально эффективное функционирование социальной реальности.

Квинтэссенцией политической функции является нормативное закрепление ритуалов, связанных с могилой Неизвестного солдата. Подобные места и ритуалы призваны, с одной стороны, вызывать в памяти человека образ жертвы, которая может потребоваться от гражданина в качестве платы за принадлежность к нации, с другой — выступает в качестве средства, с помощью которого национальное государство убеждает своих граждан умереть за него [14, p. 9]. Однако речь при этом идет не о виктимном понимании жертвы, а о героическом: могила Неизвестного солдата — это символ не просто погибшего военнослужащего, а человека, погибшего именно при защите Отечества, выбравшего роль жертвы ради общего блага. Особая коммеморативная роль ритуалов у могилы Неизвестного солдата обеспечивается законодательным определением статуса почетного караула (ст. 2 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов»), непосредственно связанного с памятью о Великой Отечественной войне.

Ритуализация эксплицированных в мемориальном законодательстве и коммеморативных практиках патриотических представлений направлена на увековечивание не только воспоминаний о Великой Отечественной войне, но и исторической памяти как одной из традиционных духовно-нравственных ценностей. Участие человека в коммемориативных практиках при этом может рассматриваться как аналог включенности в ритуал «приношения», призванный не только обеспечить сакральную связь с умершими предками, но и обеспечить их благословение и поддержку [12, с. 471]. Однако в отличие от религиозных обрядов, которые предполагают взаимосвязь с сакральным миром на индивидуальном уровне, коммеморативные практики ориентированы на установление связи сакрального мира предков с социумом, с которым себя идентифицируют их наследники, участвующие в соответствующих ритуалах.

Реализация политической функции носит не универсальный характер, она зависит от социокультурного контекста и тех политических и юридических задач, которые стоят перед государством в конкретный момент времени. Устанавливая нормативные фреймы памяти, государство не только определяет перечень лиц, событий и символов, подлежащих коммеморации, но и артикулирует те явления, которые, напротив, подлежат забвению в силу не только их противоречия официальному образу прошлого, но и наличия в них негативных коннотаций, направленных на распространение деструктивной, в том числе экстремистской, идеологии и разрушение национальной безопасности. Последний аспект стал особенно актуален в условиях гибридной войны, которую ведет Запад против России в настоящее время. Стремление обеспечить национальное единство не только перспективными, но и ретроспективными средствами вызвало ряд изменений секьюритизационного характера в законодательстве в конце 2024 г. В первую очередь речь идет о Стратегии противодействия экстремизму[5], которая признает в качестве форм проявления экстремизма действия, направленные не только на реабилитацию нацизма, но и на умышленное искажение истории (п. 4 ст. 4). Одновременно изменения мемориального характера вносятся в Феде-

[4] Под неофитами мы имеем в виду не только представителей подрастающего поколения, получающих информацию об исторической памяти о Великой Отечественной войне в процессе социализации, но и кандидатов на российское гражданство, которые, наряду с русским языком должны изучить и сдать экзамены по основам российской истории и законодательства. При этом важно, что социализация предполагает не просто получение мемориальной информации, но и включение в коммеморативные практики.

[5] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53, ч. 1. Ст. 8669.

ральный закон «О молодежной политике»[6], в соответствии с которыми в содержание патриотического воспитания молодежи включена систематическая и целенаправленная деятельность «по защите исторической правды и сохранению исторической памяти, формированию и укреплению у молодых граждан ... уважения к отечественной истории и гордости за достижения Отечества и ее граждан» (п. 4.1 ст. 2). Стремление государства связать защиту исторической правды с патриотическим воспитанием полностью соответствует ценностной интенциональности конституционной идентификации российских граждан, вектор которой направлен на сохранение традиционных ценностей в жизни общества [5, с. 383].

Благодаря законодательно конструируемому официальному историческому нарративу государство стремится минимизировать расхождения между историческими дискурсами различных социальных групп и обеспечить их необходимыми фреймами памяти для консолидации и идентификации в национальном масштабе, обеспечить специфическую интерпретацию истории, подчиненную современным политическим задачам [19, p. 19]. Конструируемый нарратив должен максимально соответствовать социальному образу прошлого, восприниматься как часть «самоочевидного» [4, с. 114], создавая установку, что законодательные фреймы памяти являются не только легальными, но и легитимными. Как правило, исторический нарратив рисует образ прошлого таким образом, который функционален для интересов современного общества [16, p. 132]. Проблема особенно актуализируется в кризисные периоды, которые связаны с масштабными политическими или социокультурными трансформациями, затрагивающими ценностные основы общества.

Наряду с политической функцией память о Великой Отечественной войне выполняет психологическую функцию экспликации выражения траура, олицетворяя человеческую реакцию на смерть и страдания, которые война порождает в огромных масштабах. Реализуя психологическую функцию, мемориальное законодательство, как конвенциональный результат коллективного образа прошлого, переводит индивидуальное горе в публичный траур по погибшим, призванный не только выразить, но и смягчить личную потерю человека путем ее разделения в коллективном масштабе [20, p. 79]. В приведенном выше примере с Могилой Неизвестного Солдата эта функция может быть интерпретирована как стремление законодателя путем установки у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата постоянного поста почетного караула (ст. 2 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов») обеспечить участие государства и общества в поминовении каждого погибшего во время Великой Отечественной войны.

Ориентация мемориального законодательства и мемориальной политики на трансляцию традиционных ценностей и формирование национальной идентичности носит амбивалентный характер, обеспечивая связь человека и государства не только дедуктивно, но и индуктивно. Наряду с переводом индивидуального горя в публичный траур, происходит конструирование чувства сопричастности граждан к государственной мемориализации и формирование эмпатии к власти, руководящей этим процессом [7, с. 48], в том числе нормативными средствами. Эффективность действия мемориального законодательства в данном направлении связана с регламентацией коммеморации и нормативным определением субъектов, для которых участие в подобных практиках выступает не только правом, но и обязанностью. Речь при этом идет как об общих субъектах права (все граждане должны участвовать в общероссийской минуте молчания 22 июня в День памяти и скорби (абз. 8 ст. 3 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»)), так и специальных («В дни воинской славы России ... в Вооруженных Силах Российской Федерации и других войсках проводятся торжественные мероприятия» (абз. 1 ст. 5 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»)).

Формируемый при этом исторический нарратив, хотя и является экспликацией индивидуальных памятей, становясь выражением коллективной интерпретации прошлого, определяет субъективное восприятие этих повествований как общепризнанных, нормативно подтвержденных и в силу этого общеобязательных. Как следствие, иная интерпретация прошлого рассматривается как искажение или фальсификация исторической правды и влечет за собой наступление юридической ответственности. В частности, ст. 354.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за «отрицание фактов, установленных приго-

[6] О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» : Федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 550-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53, ч. 1. Ст. 8560.

вором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» (ч. 1), «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России» (ч. 3). Речь при этом идет не об установлении цензуры или криминализации исторической памяти [8, с. 58], а о противодействии распространению «заведомо ложных сведений» о Великой Отечественной войне [2, с. 103].

Помимо этого, закрепление в мемориальном законодательстве имен, событий и символов Великой Отечественной войны выполняет аксиологическую функцию, способствуя формированию ценностных ориентаций сознания и поведения российских граждан. Обращаясь к воспоминаниям о боевом и трудовом подвиге нашего народа во время войны, государство в процессе не только первичной, но и вторичной социализации конструирует в сознании граждан установку на их воспроизводство как условие обеспечения национальной безопасности и социальной идентификации. Особенно это было актуализировано после принятия конституционных новелл 2020 г. и усиления ценностного начала российского законодательства, в том числе ретроспективными средствами. Ценность патриотизма и исторической памяти для обеспечения единства российского народа и сохранения и развития российской цивилизации подчеркнута как в Стратегии национальной безопасности (п. 2 ст. 93), так и в действующей редакции Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (п. 2 ст. 2) и ряде подзаконных актов, принятых в его реализацию. Кроме того, эти идеи получили развитие в коммеморативных практиках, в том числе в мероприятиях гражданско-патриотической направленности, которые ориентированы на подрастающее поколение и ставят в центр внимания именно память о Великой Отечественной войне (например, Всероссийская акция «Окна Победы»)[7].

Благодаря нормативному закреплению, коммеморативные практики становятся средством объединения усилий государства и институтов гражданского общества по увековечиванию памяти о войне. При этом не только определяется кого и что можно поминать, но и устанавливаются способы поминовения. Так, Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов» не только закрепляет статус 9 Мая как Дня Победы, но и регламентирует порядок проведения целого ряда коммеморативных мероприятий: военных парадов, артиллерийских салютов, почетного караула у могилы Неизвестного солдата в Москве, вручения памятных наград, охраны памятников Великой Отечественной войны и т. д.

Конструирование коллективной исторической памяти о Великой Отечественной войне имеет определенную специфику. Законодательная экспликация исторической памяти должна учитывать три аспекта, от которых зависит эффективность ее воздействия на ценностные ориентации граждан.

Во-первых, содержание отраженной в законодательстве исторической памяти должно отвечать политическим целям, которые стоят перед государством в определенный момент времени. В условиях СВО и гибридной войны коллективного Запада против России основной задачей становится обеспечение национальной безопасности, в том числе мемориальными средствами, в качестве которых выступает сохранение исторической правды и противодействие ее искажению и фальсификации. В частности, в Стратегии национальной безопасности в качестве одной из угроз национальной безопасности России в настоящее время обозначены «попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма», которые проводятся рядом государств (ст. 19), а сохранение исторической памяти поставлено в качестве одной из задач обеспечения национальной безопасности и включена в контекст защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей (ст. 91). Исходя из этого, искажение, фальсификация или отрицание исторической правды о роли СССР в разгроме Германии и Японии во время Второй мировой войны влечет за собой наступление не только административной (ч. 4 ст. 13.15 и ч. 1 ст. 13.48 Кодекса об административных правонаруше-

[7] О направлении Перечня мероприятий : Письмо Минпросвещения России от 30 авг. 2024 г. № 06-1145 // Вестник образования России. 2024. № 21. С. 35—74.

ниях РФ[8]), но и уголовной ответственности (ст. 354.1 Уголовного кодекса РФ[9]).

Во-вторых, законодательные фреймы памяти не должны противоречить индивидуальным воспоминаниям лиц, которые непосредственно принимали участие в Великой Отечественной войне. Речь при этом идет как о вербализованных воспоминаниях, представленных в мемуарах, в том числе опубликованных, так и об устных рассказах ветеранов [15, p. 17—25]. Содержание индивидуальной памяти в этой ситуации детерминировано личными переживаниями человека и той информацией о прошлом, которая сохранилась в его памяти. Однако их интерпретация зависит от принадлежности индивида к социальной группе, способной воздействовать на содержание памяти на аксиологическом уровне. Исходя из этого, государство при формировании фреймов памяти фактически конструирует конвенциональный образ прошлого, который должен максимально соответствовать как исторической правде, так и ценностным ориентациям социальных групп, участвующих в формировании мнемонического дискурса. Тем самым конструируемые фреймы памяти приобретают не только легальный, но и легитимный характер.

В-третьих, конструируемый государством официальный исторический нарратив, находящий выражение в мемориальном законодательстве, не должен противоречить источниковой базе, доступ к которой имеют не только исследователи-профессионалы, но и обычные граждане. Последний фактор особенно актуален в условиях широкой информатизации и электронной публикации архивных документов, в том числе посвященных Великой Отечественной войне [6, с. 83]. Речь при этом идет о непротиворечивости не только информационно-эпистемологической, но и аксиологической. Нормативные оценки исторических событий должны, с одной стороны, коррелировать с выводами исторической науки, что должно обеспечиваться, привлечением к разработке мемориального законодательства научной общественности. С другой стороны, концептуализация исторического нарратива в мемориальном законодательстве должна учитывать особенности информационной открытости в пространственно-временном континууме.

Законодательные фреймы памяти, эксплицируя воспоминания о героических победах или страданиях, перенесенных в Великой Отечественной войне, выступают в роли специфического аксиологического шаблона, определяющего интенциональность интерпретации последующих военных противостояний, в которых принимала участие наша страна. Такие шаблоны могут функционировать на уровне как коллективной, так и индивидуальной памяти, усиливая реакцию не только государства, но и общества на более поздние военные конфликты. В этом смысле секьюритизация мемориального законодательства в последние годы призвана, с одной стороны, усилить значение исторической памяти как средства обеспечения национальной безопасности. С другой стороны, это призвано подчеркнуть параллели между экзистенциальными угрозами российской цивилизации, которую несла как Великая Отечественная война, так и идущая в настоящее время прокси-война Запада против России. Тем самым формируется шаблон ценностной ориентации на необходимость мобилизации людских и материальных ресурсов не только для противостояния и победы над врагом, но и для сохранения основ существования многонационального российского народа.

При выборе лиц, событий и символов Великой Отечественной войны, которые подлежат официальной мемориализации и экспликации в мемориальном законодательстве, государство стремится подобрать их таким образом, чтобы они могли составлять единый непротиворечивый мнемонический интертекст, интенциональный вектор которого носит не только ретроспективный, но и проспективный характер. Задача мемориального законодательства — не только передать память о войне, но и сформировать ценностную установку на воспроизведение на аксиологическом или онтологическом уровне деяний, совершение которых в период Великой Отечественной войне являлось целенаправленными актами советских граждан, направленными на сохранение, развитие и функционирование российской цивилизации. Опыт войны показал эффективность этих действий и обоснованность их трансляции как исторического наследия. Формализация этого опыта в законодательстве призвана не только сохранить память, но и ориентировать граждан на воспроизводство исторического наследия в новых условиях.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26 дек. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

[9] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 дек. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

При выборе конкретных лиц, подлежащих законодательной мемориализации, приоритет отдается тем, чьи действия отразили включенность в общее дело на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, которые своим трудом, творчеством и подвигом обеспечили сохранение и развитие российского государства и российского общества. При этом происходит сохранение памяти и защита репутации не только мемориализуемых лиц, но и общества и государства, интересы которого они выражают. Государство, увековечивая их память, тем самым одобряет их деяния не только в контексте историко-правовой реальности, но и с позиций современных ценностных ориентаций. Так, учреждение Государственной премии им. Г. К. Жукова[10] призвано не только установить награды в области науки, литературы и искусства за произведения, «прославляющие подвиг советского народа и роль выдающихся советских полководцев в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов, героизм, мужество, дружбу, единство и боевое братство защитников Отечества», но и подчеркнуть, что олицетворением всех этих качеств являлся Г. К. Жуков.

Хотя хронологические границы Великой Отечественной войны четко определены как в мнемоническом дискурсе, так и в законодательстве, выбор конкретных событий, подлежащих мемориализации, обусловлен не только их включенностью в военный контекст, но и их социокультурным значением. Это особенно хорошо видно при анализе Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России», в котором были мемориализованы «5 декабря — День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 год)»; «2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год)»; «23 августа — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Курской битве (1943 год)»; «27 января — День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год)»; «9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов (1945 год)»; «3 сентября — День Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (1945 год)»; «9 октября — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 год)»; «12 мая — День победного завершения советскими войсками Крымской наступательной операции (194 год)» (ст. 1); «22 июня — День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны (1941 год)»; 29 июня — День партизан и подпольщиков» (ст. 1.1). Хотя в законе не выдержан последовательно ни хронологический, ни темпоральный принцип систематизации памятных дат, все обозначенные в нем события могут быть представлены не только по времени их совершения, но и по срокам ежегодной коммеморации, что позволяет их включить в современную стратегию патриотического воспитания. Это позволяет утверждать, что мемориализации подлежат не только хронологически установленные события, но и исторические факты, для которых значение имеют не временные границы, а цивилизационный контекст и подчиненность стоящим перед государством и обществом политическим задачам.

Мемориализованные в законодательстве имена и даты становятся общекультурными маркерами социальной реальности, формирующими пространственно-временной континуум развития и функционирования российской цивилизации.

В еще большей степени в социокультурный контекст включены мемориализуемые символы, которые в силу своей не только вербальной, но и искусственной формы «призваны оказать эмоциональное, психологическое воздействие на субъекта, передать «дух» права, донести до адресата правовой нормы элементы официальной государственной идеологии» [3, с. 45]. Артикулируя символы, подлежащие мемориализации и коммеморации, государство одновременно решает онтологические и аксиологические задачи, стремясь сконструировать непротиворечивый набор культурных кодов, необходимых для сохранения, развития и функционирования цивилизации в пределах пространственно-временного континуума. В первую очередь речь идет о мемориализации символов, используемых для увековечивания исторической памяти, например, Знамя Победы[11] и Георгиевская лента[12].

[10] О Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова» : Указ Президента Российской Федерации от 28 окт. 1996 г. № 1499 (ред. от 18 апр. 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5092.

[11] О Знамени Победы : Федер. закон от 7 мая 2007 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 20. Ст. 2369.

[12] О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 579-ФЗ // Там же. 2023. № 1, ч. I. Ст. 26

Предусмотренное законодательством использование Знамени Победы в мероприятиях коммеморативного характера в полной мере отвечает его месту в социальной памяти как символа Победы в Великой Отечественной войне («Знамя Победы является официальным символом победы советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов, государственной реликвией России» (ч. 2 ст. 1)). Именно его символизм детерминирует особенности его коммеморативного использования («В День Победы копии Знамени Победы могут вывешиваться на зданиях (либо подниматься на мачтах, флагштоках) наряду с Государственным флагом Российской Федерации» (ч. 2 ст. 2)). Тем самым подчеркивается равенство этих двух символов для российского общества и государства и преемственность патриотического подвига в современном российском обществе.

Наряду с мемориализацией исторических символов, может происходить и наделение символическим смыслом мемориализуемых событий и лиц. Так, 22 июня — день начала Великой Отечественной войны в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России» назван «Днем памяти и скорби» (ст. 1.1), символизируя огромные людские и материальные потери, началом которых он стал. Включение данного события в ст. 1.1, посвященную памятным датам, должно, с одной стороны, подчеркивать ее мнемоническое значение, но с другой — показывать, что это событие не является экспликацией воинской славы, которой посвящена ст. 1.

Однако мемориализация символов не всегда имеет позитивный характер. При установлении фреймов памяти, государство устанавливает объекты не только запоминания, но и забвения, хотя последнее может рассматриваться в широком смысле (как объекты, которые должны быть забыты, так и объекты, с которыми государство борется). В этом смысле установленные законодательно запреты на использование нацистской символики (ст. 20.3 КоАП РФ, ст. 282.4 УК РФ) могут рассматриваться не только в качестве охранительных норм, но и как декларативные, устанавливающие границы использования символов в коммеморативных практиках.

Таким образом, традиционное для российской цивилизации уважительное отношение к историческому наследию, прежде всего, героизму предков имеет не только ментальное, но и нормативное измерение. Юридизация исторической памяти связана со стремлением государства сконструировать законодательным путем официальный исторический нарратив, артикулировать фреймы исторической памяти, которые эксплицируют социальные представления о ключевых лицах, событиях и символах, имеющих определяющее значение для обеспечения национальной безопасности и социальной идентификации не только в исторической ретроспективе, но и применительно к современной социальной реальности. В этой ситуации память о Великой Отечественной войне, консолидируя общество, не только является важнейшим средством социальной идентификации, но и выступает ценностным эталоном поведения граждан, показавшим свою эффективность в прошлом. Конструируя фреймы исторической памяти, мемориальное законодательство призвано не только обеспечить сохранение образа Великой Отечественной войны и его интерпретацию в соответствии с официальным историческим нарративом, но и его трансляцию гражданам и репрезентацию в коммеморативных практиках, эксплицирующих аксиологическую интенциональность политики России. Благодаря этому формируется чувство сопричастности государства и гражданского общества в процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. В условиях гибридной войны, которую ведет против России коллективный Запад, это актуализирует необходимость систематизации мемориальных норм, разбросанных по большому числу нормативных правовых актов, и разработку на их основе Федерального закона «О мемориализации и коммеморации памяти о Великой Отечественной войне», который будет регулировать особенности содержания, сохранения, интерпретации, трансляции и репрезентации информации о ключевых лицах, событиях и символах Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акопьянц А. С. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. — 2020. — № 2 (8). — С. 71—78.

2. Бредихин А. Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. — 2020. — № 4 (20). — С. 101—105.

3. Давыдова М. Л. Символы в праве и правовые символы: понятие и значение // Правоведение. — 2009. — № 3 (284). — С. 42—46.

4. Малинова О. Ю., Карпова Н. В. Депутаты Государственной думы как акторы российской политики памяти: на примере трансформации Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Политическая наука. — 2023. — № 1. — С. 113—138. — DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.05.

5. Мерзлякова Г. В., Даньшина С. А., Баталова Л. В. Формирование патриотизма и сохранение исторической памяти в современном российском обществе: историко-правовой ракурс // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2024. — Т. 34, № 2. — С. 379—384. — DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384.

6. Мягкова Е. М., Репников А. В. Сталинградская битва в публикациях архивных документов 1991-2023 годов // Вестник ВНИИДАД. — 2023. — № 1. — С. 79—95. — DOI: 10.55970/26191601_2023_1_79.

7. Русакова О. Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. — 2023. — Т. 20, № 2. — С. 32—51. — DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.

8. Сафонов В. Н., Андреев Д. В. Ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ): состав преступления и дискуссия вокруг него // Вопросы безопасности. — 2023. — № 3. — С. 48—62. — DOI: 10.25136/2409-7543.2023.3.44085.

9. Скоробогатов А. В. 2.4. Законодательство как элемент правовой культуры: фреймы национальной памяти // Право в культурном измерении: новые векторы развития : монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. — Москва : Проспект, 2023. — С. 145—161.

10. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Право на историческую память в системе прав человека // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 2. — С. 7—18. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.1.

11. Сукаленко Е. Ю., Бессонов Е. Г., Шляхтенкова О. С. «Критически важное значение для внутренней и внешней политики Российской Федерации». Фальсификация истории как инструмент ментальной войны // Военно-исторический журнал. — 2024. — № 2. — С. 64—69.

12. Тэйлор Э. Первобытная культура / пер. Д. А. Коропчевский, А. Ивин ; под ред. В. К. Никольского. — Москва : Юрайт, 2025. — 742 с.

13. Шевелева К. В., Честнов Н. Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 3 (34). — С. 58—63.

14. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London ; New York : Verso, 2006. — 240 p.

15. Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. The Politics of War Memory and Commemoration: Contexts, Structures and Dynamics // Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. (eds). The Politics of War Memory and Commemoration. — New York : Routledge, 2000. — P. 1—86.

16. Connerton P. How Modernity Forgets. — New York : Cambridge University Press, 2009. — 146 p.

17. Fish E. Memory Laws as a Misuse of Legislation // Israel Law Review. — 2021. — Vol. 54 (3). — P. 324—339. — DOI: 10.1017/S0021223721000200.

18. Halbwachs M. On Collective Memory / trans. L. Coser. — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — 254 p.

19. Wijermars M. Memory Politics in Contemporary Russia: Television, cinema and the state. — London ; New York : Routledge, 2019. — VIII, 258 p.

20. Winter J. M. Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — x, 310 p. — DOI: 10.1017/CBO9781107589087.

REFERENCES

1. Akopyants A. S. Modern Falsifications of the Great Patriotic War History. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya: Gumanitarnye issledovaniya = The Siberian Transport University Bulletin. Humanitarian Research*, 2020, no. 2 (8), pp. 71—78. (In Russian).

2. Bredikhin A. L. Legal regulation of the fight against falsification of Russian history. *Ehkonomika. Sotsiologiya. Pravo = Economics. Sociology. Law*, 2020, no. 4 (20), pp. 101—105. (In Russian).

3. Davydova M. L. Symbols in Law and Legal Symbols: Concept and Meaning. *Pravovedenie = Legal Science*, 2009, no. 3 (284), pp. 42—46. (In Russian).

4. Malinova O. Yu., Karpova N. V. Deputies of the State Duma as actors of the Russian politics of memory: the case of the federal law "On the days of mili-tary glory and commemorative dates of Russia". *Politicheskaya nauka = Political science*, 2023, no. 1, pp. 113—138. (In Russian). DOI: http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.01.06

5. Merzlyakova G. V., Danshina S. A., Batalova L. V. Formation of patriotism and preservation of historical memory in modern Russian society: Historical and legal perspective. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ehkonomika i pravo" = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and law*, 2024, vol. 34, no. 2, pp. 379—384. (In Russian). DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-379-384.

6. Myagkova E. M., Repnikov A. V. The Stalingrad Battle in archival documents publications for the period from 1991 to 2022. *Vestnik VNIIDAD = Herald of VNIIDAD*, 2023, no. 1, pp. 79—95. (In Russian). DOI: 10.55970/26191601_2023_1_79.

7. Rusakova O. F. The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia. *Discourse-P*, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 32—51. (In Russian). DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.

8. Safonov V. N., Andreev D. V. Responsibility for the rehabilitation of nazism (Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): the composition of the crime and the discussion around it. *Voprosy bezopasnosti = Security Issues*, 2023, no. 3, pp. 48—62. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7543.2023.3.44085.

9. Skorobogatov A. V. 2.4. Legislation as an Element of Legal Culture: Frames of National Memory. In Sinyukov V. N., Egorova M. A. (eds). *Pravo v kulturnom izmerenii: novye vektory razvitiya* [Law in the Cultural Dimension: New Development Vectors]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 145—161. (In Russian).

10. Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. The Right to Historical Memory in the Human Rights System. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 2, pp. 7—18. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.1.

11. Sukalenko Ye. Yu., Bessonov Ye. G., Shlyakhtenkova O. S. "Critical importance for the domestic and foreign policy of the Russian Federation": Falsifying history is a tool of mental warfare. *Voenno-yuridicheskii zhurnal = Military-law Journal*, 2024, no. 2, pp. 64—69. (In Russian).

12. Tylor, Edward B. *Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art and custom*. Boston, Estes & Lauriat Publ., 1874. 528 p. (Russ. ed.: Tylor E.; Koropchevskii D. A., Ivin A., Nikolskii V. K. (eds). *Pervobytnaya kultura*. Moscow, Yurait Publ., 2025. 742 p.).

13. Sheveleva K. V, Chestnov N. Ye. On countering the falsification of the history of the Great Patriotic War: the legal aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal and Order: History, Theory, Practice*, 2022, no. 3 (34), pp. 58—63. (In Russian).

14. Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York, Verso Publ., 2006. 240 p.

15. Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. The Politics of War Memory and Commemoration: Contexts, Structures and Dynamics. In Ashplant T. G., Dawson G., Roper M. (eds). *The Politics of War Memory and Commemoration. New York*, Routledge, 2000, pp. 1—86.

16. Connerton P. *How Modernity Forgets*. New York, Cambridge University Press, 2009. 146 p.

17. Fish E. Memory Laws as a Misuse of Legislation. *Israel Law Review*, 2021, vol. 54 (3), pp. 324—339. DOI: 10.1017/S0021223721000200.

18. Halbwachs M. *On Collective Memory*. Chicago, University of Chicago Press, 1992. 254 p.

19. Wijermars M. *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, cinema and the state*. London, New York, Routledge, 2019. VIII, 258 p.

20. Winter J. M. *Sites of memory, sites of mourning: the Great War in European cultural history*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. x, 310 p. DOI: 10.1017/CBO9781107589087.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Скоробогатов Андрей Валерьевич (Казань) — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП) (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skorobogatov, Andrey V. (Kazan) — Dr. Sci. (History), Docent, Professor of the Theory of State and Law and Public Law Disciplines Department, Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov (IEML) (42 Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru).

УДК 001:351/354

М. О. Окунева
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0005-1749-7150
ResearcherID: JXM-4696-2024

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ В 1990-Е ГОДЫ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 29—42.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.3.29-42
Дата поступления 24.02.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В 1990-е годы в России сформировалась двухуровневая система управления наукой, включавшая федеральный и региональный уровни. В условиях политического и экономического кризиса были созданы структуры и механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов власти и управления в сфере научно-технологического развития, разграничены их полномочия, разработана нормативно-правовая база единой государственной и региональной научно-технической политики. Основным центром координации выступило Министерство науки и технологий Российской Федерации, в структуре которого действовали специальные подразделения по сотрудничеству с регионами. Используя архивные материалы, нормативные источники и публикации 1990-х гг., автор рассматривает формы взаимодействия федерального и регионального уровней управления наукой. Дан краткий обзор развития федерального и регионального законодательства о науке. Взаимодействие с субъектами РФ осуществлялось в формах адресной работы с руководителями, заключения и реализации двусторонних соглашений о сотрудничестве, информационно-консультативной помощи, совместной нормотворческой деятельности, разработки и реализации федеральных и региональных целевых программ. Проанализированы итоги работы по подготовке и реализации региональных научно-технических программ, показаны особенности их разработки, а также сложности, с которыми сталкивались регионы и федеральный центр. В числе этих сложностей не только нехватка средств, но и проблемы выбора тематики исследований, соответствующей приоритетам научно-технологического развития региона, отсутствие конкурсности в выборе исполнителей, разрыв между научно-технической и инновационной деятельностью. Важным элементом механизма взаимодействия стали межрегиональные ассоциации субъектов РФ. Занимая промежуточное место между федеральным и региональным уровнями, они позволяли субъектам вырабатывать согласованную

программу взаимодействия с федеральным центром, становились площадкой для разработки программ мероприятий по сохранению и развитию научного потенциала входящих в них регионов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Управление наукой, законодательство о науке, Министерство науки и технологий РФ, субъекты РФ, федерация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Окунева М. О. Организационно-правовые формы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в области управления наукой в 1990-е годы // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 29—42. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.3.29-42.

UDC 001:351/354

M. O. Okuneva
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0009-0005-1749-7150
ResearcherID: JXM-4696-2024

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORM OF COOPERATION BETWEEN FEDERAL AND REGIONAL AUTHORITIES IN THE FIELD OF SCIENCE MANAGEMENT IN 1990s

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 29—42.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.3.29-42
Received 24.02.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT In the 1990s, a two-tier system of science management including federal and regional levels was formed in Russia. In condition of the political and economic crisis, the structures and mechanisms for interaction between federal and regional authorities in the field of scientific and technological development were established, the powers of the federal and regional authorities were delineated, and the regulatory framework of a single state and regional science and technology policy was developed. The Ministry of Science and Technology of the Russian Federation played the central coordinating role. In this article, the author considers forms of interaction between federal and regional levels of science management. The author explores archival sources, regulations, and publications of the 1990s. Interaction with the subjects of the Russian Federation was carried out in forms of direct work with the heads of the subject of Federation, bilateral cooperation agreements, information and advisory assistance, joint normative activities, joint development and implementation of federal and regional targeted action programs. The interregional economic associations became an important element of the mechanism of interaction between the subjects of Federation. Being intermediate between the federal and regional levels, associations allowed the subjects of Federation to develop a coordinated policy of interaction with the federal center. The associations became a platform for developing programs of activities to preserve and develop the scientific potential of their regions.

KEYWORDS Management of science, science legislation, Ministry of Science and Technology of the Russian Federation, subjects of the Russian Federation, federation.

FOR CITATION Okuneva M. O. Organizational and Legal Form of Cooperation Between Federal and Regional Authorities in the Field of Science Management in 1990s. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 29—42. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.3.29-42.

Введение

В современной научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, достаточно хорошо изучены реформы управления наукой 1990-х, проводившиеся на федеральном уровне [6, 7, 8, 9; 14, с. 513—572; 21, с. 287—364; 26, 27, 28 и др.]. В меньшей степени изучены ход проведения и результаты реформ управления наукой в российских регионах, в особенности на раннем их этапе — в эпоху становления российской региональной научно-технической политики. В этой области имеются публикации периода проведения самих реформ (в частности, специальный раздел этой теме был посвящен в журнале «Регионология») [1, 2, 4, 11, 17, 22, 24, 25 и др.]. Имеются публикации, посвященные истории организации и деятельности региональных органов управления наукой в отдельных субъектах РФ [например, 23]. В дальнейшем внимание исследователей привлекало содержание регионального законодательства о науке, позже — инновационная политика регионов, хорошо изучено также современное законодательство о науке и инновациях в регионах [16, 18, 19]. Так, например, монография «Научно-техническая политика в России: региональный аспект» включает анализ региональной нормативно-правовой базы с разбивкой по регионам с различным уровнем социально-экономического развития [15, с. 15—52]). Краткий обзор формирования федерального и регионального уровней управления и законодательства о науке вошел в книгу «Управление наукой: путеводитель по советскому прошлому», однако формат путеводителя не позволил подробно остановиться на описании взаимодействия органов управления различных уровней [21, с. 303—308]. Практически неисследованными остаются механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов власти и управления в сфере научно-технического развития, сложившиеся в этот непростой период становления новой российской системы управления наукой. Краткий исторический обзор такого взаимодействия в 1990-е гг. дает Ю. Н. Андреев [3, с. 320—323]. Как представляется, этот опыт заслуживает самостоятельного исследования. Целью настоящей статьи является анализ становления и функционирования организационно-правовых механизмов взаимодействия федеральных и региональных органов власти и управления в сфере научно-технического развития в 1990-е гг.

Основные результаты исследования

Действовавшая до распада СССР система управления наукой включала общесоюзный и республиканский уровни управления, на этих же уровнях формировалась нормативно-правовая база (общесоюзное и республиканское законодательство о науке). В Российской Федерации регионы получили значительную политическую и экономическую самостоятельность, став реальными субъектами управления, что означало необходимость формирования нового механизма взаимодействия с федеральным центром, включая и его нормативно-правовые основы, — в том числе применительно к сфере управления наукой. В то же время расширение полномочий регионов в этой области давало возможность федеральному центру переложить на них и обязанности по финансированию части научных исследований.

Становление механизмов взаимодействия федеральных и региональных органов власти в сфере управления наукой в 1990-е годы проходило в условиях всеобъемлющего экономического и политического кризиса, особенно тяжело отразившегося на отечественной науке. Разрушение советской системы управления наукой, рыночные реформы, необходимость сохранения научно-технического потенциала страны в условиях критического сокращения его финансирования, децентрализация и поддержка регионами собственных интересов, социальная напряженность — все эти факторы делали процесс создания новой системы управления и нормативных основ развития науки очень сложным. В этих условиях удалось постепенно выработать эффективные механизмы взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации, позволившие всё-таки сохранить отечественную науки и научно-технический потенциал как России в целом, так и отдельных регионов.

Нормативно-правовая база взаимодействия федеральных и региональных органов власти сформировалась в этот период на основе Федеративного договора 1992 г. и Конституции РФ 1993 г. Федеративный договор 1992 г. относил общие вопросы науки к совместному ведению федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации (п. «д». ч. 1 ст. 2). Согласно Конституции, общие вопросы науки также были отнесены к совместному ведению (п. «е» ч. 1 ст. 72). На Правительство РФ Конституцией возлагалось проведение единой социально ориентированной государственной политики в области науки (п. «в» ч. 1. ст. 114).

В ходе разработки законодательства о науке Российской Федерации изначально предполагалось принять федеральный закон о науке и государственной научно-технической политике, однако были и предложения принять Основы законодательства о науке РФ, которые бы устанавливали лишь основные принципы и начала, в соответствии с которыми строится политика России в области науки. Так, Госкомвуз в 1993 г. в замечаниях к одной из редакций проекта, разработанного Министерством науки и технической политики РФ, обосновывал возможность принятия федерального закона о науке и государственной научно-технической политике именно в форме Основ законодательства, поскольку п. 2 ст. 2 Федеративного договора 1992 г. установлено, что по всем вопросам, отнесенным к совместному ведению федеральных и республиканских органов, федеральные органы власти РФ издают Основы законодательства, в соответствии с которыми органы власти республик в составе РФ осуществляют собственное правовое регулирование соответствующих отношений)[1]. В той же форме предлагалось принять и Основы законодательства РФ о научно-технических организациях (проект, внесенный Российским союзом промышленников и предпринимателей в марте 1993 г.)[2]. Однако в дальнейшем федеральный законодатель не пошел по пути принятия Основ законодательства о науке. В 1996 г. был принят Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»[3], в 1999 г. — Федеральный закон «О статусе наукограда Российской Федерации»[4]. Как до, так и после заключения Федеративного договора, вступления в силу Конституции и принятия Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» широкий круг вопросов сферы науки и технологий регулировался подзаконными нормативно-правовыми актами федеральных органов власти: указами Президента, постановлениями Правительства и приказами профильных министерств и ведомств.

В первоначальной редакции Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» 1996 г. к предметам совместного ведения РФ и ее субъектов относился достаточно широкий круг вопросов (ч. 2 ст. 12), к ведению субъектов же были отнесены в том числе определение приоритетных направлений развития науки и техники в субъектах, формирование научных и научно-технических программ и проектов субъектов, финансирование научной и научно-технической деятельности за счет средств бюджетов субъектов, формирование органов управления в сфере научной и научно-технической деятельности субъектов и межрегиональных органов, контроль за деятельностью государственных научных организаций федерального значения по вопросам, относящимся к полномочиям органов государственной власти субъектов, формирование межрегиональных и региональных фондов научного, научно-технического и технологического развития, причем перечень их полномочий был открытым (ч. 3 ст. 12). На основании предоставленных им весьма широких полномочий в области выработки и реализации собственной научно-технической политики субъекты создали региональное законодательство о науке, в некоторых субъектах — даже до принятия федерального закона о науке [21, с. 305].

Региональное законодательство о науке закрепляло в качестве основных целей научно-технической политики субъектов Федерации их социально-экономическое развитие, удовлетворение материальных и

[1] ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 10200. Оп. 4. Д. 10028. Л. 31. Даже в делопроизводстве отразился этот вариант названия закона — дело в фонде Правительства РФ сохранилось под заголовком «О разработке ФЗ "Об основах государственной научно-технической политики", т. 1. Март 1993-май 1994 гг.».

[2] ГА РФ. Ф. 10200. Оп. 4. Д. 10028. Л. 47 — 49, 83 — 108.

[3] О науке и государственной научно-технической политике : Федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4137.

[4] О статусе наукограда Российской Федерации : Федер. закон от 7 апр. 1999 г. № 70-ФЗ // Там же. 1999. № 15. Ст. 1750.

духовных потребностей населения региона. Так, в законе Республики Башкортостан «О науке и государственной научно-технической политике в Республике Башкортостан» указывалось, что «основные приоритеты научно-технической политики определяются исходя из задач социально-экономического и культурного развития Республики Башкортостан»[5]. В качестве основной цели научно-технической политики Курганской области в законе было названо «увеличение вклада науки и техники в обеспечение устойчивого развития Курганской области». Закон Алтайского края к основным целям региональной научно-технической политики относил «увеличение вклада науки и техники в развитие экономики региона, реализацию важнейших социальных задач, обеспечение прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности, улучшение экологической обстановки»[6]. Закон Тюменской области в числе своих основных целей указывал «использование результатов научной и научно-технической деятельности в материальном производстве и социальной жизни области»[7]. Подобные положения содержались в законодательных актах и других субъектов Федерации и определяли в качестве конечной цели научно-технического развития процветание региона, а значит и достижение качественно нового уровня жизни населения [13, с. 147]. Региональное законодательство о науке тех лет не дублировало федеральное и содержало ряд оригинальных правовых институтов [19, с. 299; 21, с. 305].

При этом важнейшей оставалась проблема сохранения единства науки. Так, в 1999 г. на межрегиональном совещании по вопросам взаимодействия Министерства науки и технологий Российской Федерации с администрациями регионов министр М. П. Кирпичников, говоря об основных проблемах взаимодействия с регионами, прежде всего подчеркнул, что наука «представляет собой целостную систему. Могут быть региональные задачи, но нет и не может быть региональной науки. Наука едина и в этом ее уникальность» [5, с. 242].

Практическая реализация функций по обеспечению единства государственной научно-технической политики и координацию деятельности субъектов Федерации в этой сфере была возложена на специальное министерство — Миннауки России[8]. Региональная научно-техническая политика с 1992 г. являлась одним из приоритетных направлений деятельности Миннауки [5, с. 244]. Согласно Положениям о нем, оно являлось федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование и практическую реализацию государственной научно-технической политики, осуществление мер по сохранению и развитию научно-технического потенциала России. Министерство должно было осуществлять свою работу во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, способствовать консолидации и развитию научно-технического потенциала Российской Федерации. На него возлагалось в числе прочих задач методическое руководство подготовкой региональных и межотраслевых научно-технических программ; организация экспертизы региональных научно-технических программ и проектов, в которых принимает участие Российская Федерация; финансирование из средств федерального бюджета и других источников региональных научно-технических программ; межрегиональная координация деятельности по формированию государственной научно-технической политики. Министерству было предоставлено право заключать соглашения с органами исполнительной власти субъектов Федерации о взаимодействии в области науки и технологий. В рамках этих полномочий Миннауки действовало достаточно активно. Взаимодействие между Миннауки и субъектами не строилось по вертикали: Министерство не имело своих территориальных органов, органы же управления наукой в субъектах (если они были в них созданы) не находились в его подчинении, тем более не подчинялись Миннауки высшие органы власти регионов, осу-

[5] О науке и государственной научно-технической политике в Республике Башкортостан : Закон Республики Башкортостан от 2 марта 1994 г. № ВС-22/39 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] О научной деятельности и региональной научно-технической политике Алтайского края : Закон Алтайского края от 11 окт. 1999 г. № 48-ЗС // СПС «КонсультантПлюс».

[7] О науке и региональной научно-технической политике Тюменской области : Закон Тюменской обл. от 25 дек. 1998 г. : принят постановлением Тюменской обл. Думы от 25 дек. 1998 г. № 416 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] В 1991 — 1993 гг. — Министерство науки, высшей школы и технической политики РФ, в 1993 — 1996 гг. — Министерство науки и технической политики РФ, в 1997 — 2000 гг. — Министерство науки и технологий РФ.

ществлявшие выработку и реализацию региональной научно-технической политики. Взаимодействие с региональными органами власти и управления осуществлялось путем координации. В Миннауки действовал отдел развития научно-технического потенциала регионов [5, с. 244]. Также для координации взаимодействия с регионами Миннауки совместно с РАН был образован Межведомственный совет по проблемам регионального научно-технического развития и сотрудничества[9].

В марте 1993 г. решением Коллегии Миннауки России были одобрены Концепция региональной научно-технической политики и перечень мероприятий, обеспечивающих на региональном уровне запуск механизма взаимодействия федеральных и территориальных органов управления по следующим направлениям: отработка механизма совместного долевого финансирования региональных научно-технических программ и проектов; формирование в регионах нормативно-правовой базы научно-технической деятельности; построение системы управления сферой науки и разработок; создание на местах рыночно ориентированной инфраструктуры научно-технической сферы [5, с. 244]. За период 1990-х гг. удалось создать нормативно-правовую базу (как было показано выше). Рыночная же инфраструктура только формировалась и реально начала функционировать уже в 2000-е гг. Как будет показано далее, успешно сформирована была и система управления.

Для координации деятельности федеральных органов власти и органов власти субъектов в ряде регионов были созданы научно-координационные центры (РНКЦ). Например, при Томском университете в 1993 г. появился Томский научно-координационный центр (ТНКЦ) [23, с. 307], выступивший в роли головной организации, руководившей выполнением региональных научно-технических программ, финансируемых областью. В Воронеже в 1993 г. был создан региональный научно-координационный центр «Ренакорд», ставший в 1995 г. учредителем Воронежского областного научно-технологического парка и бизнес-инкубатора. РНКЦ становились проводниками федеральной государственной научно-технической политики в регионах. В частности, в 1994 г. на базе ряда РНКЦ (Томского, Тульского, Самарского и Воронежского) было организовано общественное обсуждение проекта Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»[10].

Активное взаимодействие Миннауки с регионами имело первоочередной целью сохранение их научно-технического потенциала и адаптацию его к рыночным условиям. Миннауки при содействии зарубежных фондов организовывало подготовку региональных управленческих кадров для работы в новых условиях. Вторым направлением его работы с регионами стала организация региональных рынков научных исследований. С самого начала министерство стимулировало формирование программ научно-технического развития, в которых были бы реализованы приоритеты регионов [3, с. 320]. Реализация федеральных и региональных программ научно-технического развития содействовала формированию в регионах минимально необходимых организационных структур управления научной деятельностью, оказывала значительную поддержку научному сообществу благодаря авторитету федеральной экспертизы и федеральному финансированию [3, с. 320—321].

В рассматриваемый период действовало и специальное ведомство, которое выступало координатором взаимодействия федеральных министерств и ведомств с органами государственной власти субъектов РФ — Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ)[11]. Таким образом, в части взаимодействия с регионами Миннауки было подотчетно Миннацу. В ежегодно представляемых отчетах Миннауки отчитывалось о мероприятиях по работе с субъектами РФ, рассмотренных вопросах и принятых решениях.

Можно выделить несколько основных форм взаимодействия Миннауки и региональных властей в области научно-технического развития. Так, имеются сведения об адресной работе с руководителями испол-

[9] Межведомственный совет Миннауки России и РАН по проблемам регионального научно-технического развития и сотрудничества, сопредседатель — академик РАН В. П. Шорин.

[10] ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 9. Д. 1259. Л. 1—4, 82.

[11] Неоднократно переименованное в дальнейшем: в 1998 г. оно ненадолго было разделено на Министерство национальной политики РФ и Министерство региональной политики РФ, с 1999 г. — Министерство по делам федерации и национальностей Российской Федерации.

нительной власти субъектов РФ[12]. В министерстве была организована работа по учету адресных встреч, анализу рассматриваемых вопросов и принимаемых решений. Миннауки были подготовлены и проведены целый ряд консультативных встреч с руководителями субъектов РФ, в результате которых были заключены соглашения о совместной деятельности в области науки и научно-технической деятельности Миннауки и правительств регионов.

Соглашения о совместной деятельности – следующая распространенная во второй половине 1990-х гг. форма взаимодействия. Оформление отношений с регионами в виде договоров позволяло учитывать реальные различия в уровне самодостаточности регионов [3, с. 323]. Так, в 1996 г. были заключены Соглашения о совместной деятельности в области науки и научно-технической деятельности с правительствами г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Республики Бурятия. В течение 1999 г. было подписано 9 соглашений с субъектами РФ. По каждому из Соглашений совместно с главами регионов готовились планы мероприятий по его реализации[13]. Так, например, Генеральное соглашение между Министерством науки и технологий РФ и Правительством Республики Мордовия о сотрудничестве в области науки и технологий 1999 г. [5, с. 285–288] в качестве основной цели предусматривало разработку и реализацию его участниками мер по сохранению, развитию и эффективному использованию научно-технического потенциала Республики Мордовия в решении социально-экономических задач региона и Российской Федерации в целом. В качестве основных направлений взаимодействия выделялись формирование региональной научно-технической политики, структурные преобразования научно-технической сферы, взаимодействие в реализации государственной научно-технической политики, финансово-экономическое обеспечение, международные и межрегиональные научно-технические связи.

Активно взаимодействовали Миннауки и иные федеральные органы власти и управления и органы власти субъектов Федерации в законотворческом процессе. Так, например, по инициативе Миннауки, Минатома России и администрации Калужской области был подписан Указ Президента РФ от 7 ноября 1997 г. № 1171, в развитие которого 24 января 1998 г. принято постановление Правительства РФ № 79 «О мерах по развитию муниципальных образований с градообразующими научно-производственными комплексами (наукоградов)». Властям субъектов Федерации и в региональные научные центры рассылались проекты федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике».

Важной частью деятельности Миннауки по работе с регионами стала и информационно-консультативная помощь. Так, в ответ на запрос Миннаца о ходе реализации Основных положений региональной политики РФ (1996)[14] Миннауки сообщало, что оказывает содействие субъектам РФ в освоении опыта деятельности в области внешних связей, их активному вхождению в международное сотрудничество и участию в проектах и программах международных организаций, связанных с региональным развитием. В целях содействия субъектам РФ в освоении международного опыта в 1999 г. по инициативе Миннауки были подготовлены и опубликованы аналитические материалы, выполненные в рамках проекта ЕС ТАСИС «Развитие науки и технологий в условиях рыночной экономики России». Указанные материалы, подготовленные зарубежными и отечественными экспертами, содержали обобщение отечественного и западного опыта в сфере управления наукой и инновациями и были направлены в качестве методических пособий в органы исполнительной власти субъектов РФ[15]. При поддержке Миннауки проводились конференции, выставки, семинары, посвященные проблемам развития научно-технической сферы. Министерством также оказывалось содействие администрациям городов по подготовке программ развития этих муниципальных образований как наукоградов; при финансовом и научно-методическом содействии Миннауки в 1999 г. был подготовлен пакет документов, необходимых для присвоения статуса наукограда г. Обнинску – первому российскому наукограду, получившему официальный статус.

Одним из важнейших направлений взаимодействия стали федеральные и регио-

[12] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 400. Л. 194–195.

[13] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 853. Л. 70; Д. 990. Л. 17–18.

[14] Основные положения региональной политики в Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 853. Л. 67–70.

нальные целевые программы. Их разработка включала экспертизу в Миннауки. К середине и концу 90-х гг. региональный аспект развития концентрировался преимущественно вокруг проблематики межбюджетных отношений [12, с. 122]. Это утверждение справедливо и для управления научно-технической сферой. В рамках своих полномочий Миннауки осуществляло финансирование из средств федерального бюджета федеральных целевых программ по развитию регионов и софинансирование региональных научно-технических программ. Министерство оказывало методическую, организационную и финансовую помощь соответствующим структурным подразделениям субъектов РФ по формированию и реализации региональных научно-технических программ, направленных на решение социально-экономических проблем регионов и эффективного использования регионального научно-технического потенциала. Формальными условиями участия федерального бюджета в финансировании НИОКР по заказу регионов были следующие: положительное заключение федеральной экспертизы, проведенной Миннауки; соответствие тематики исследований региональным приоритетам; участие внебюджетных средств [3, с. 322]. Оценку и отбор региональных программ на федеральном уровне проводили Отдел развития научно-технического потенциала регионов Миннауки России и образованные Миннауки совместно с РАН Межведомственный совет[16] и Центр «Ренатехс» при Президиуме РАН[17]. Обязательным условием федерального софинансирования региональных программ было целевое выделение органами государственной власти регионов средств из региональных бюджетов и иных местных источников [5, с. 251].

На практике разработка и реализация целевых программ в регионах имела целый ряд сложностей. Регионы зачастую использовали федеральные целевые программы для получения дополнительного финансирования из федерального бюджета, которое расходовали на решение неотложных социально-экономических проблем, иногда весьма далеких от сферы науки и технологий. Так, в докладе в Правительства РФ о формировании и реализации федеральных целевых программ, представленном Департаментом экономики и инвестиций в июле 1996 г., указывалось, что «нередко разработка программ инициируется регионами в целях получения из федерального бюджета дополнительных средств для решения текущих социально-экономических вопросов, в том числе вопросов развития отдельных районов и небольших городов»[18]. В условиях катастрофической нехватки средств Минфин и Минэкономики РФ возражали против практики использования средств федеральных целевых научно-технологических программ для покрытия неотложных социальных расходов региона, предлагая перевод программ, направленных на решение проблем отдельных муниципалитетов и регионов, в разряд региональных и межрегиональных. Так, Минфин России в июле 1996 г. направил в Правительство РФ предложения по повышению эффективности разработки и реализации ФЦП, в числе которых прямо предлагал «не принимать федеральные программы, направленные на оказание поддержки отдельных субъектов РФ или муниципальных образований. Принятые программы объединить по территориальному и отраслевому принципу или перевести в разряд региональных»[19].

В записке «О рациональном расходовании средств федерального бюджета на ФЦП и федеральных программ по развитию регионов», направленной Минэкономики в Правительство РФ 14 марта 1997 г., предлагалось выделить три группы федеральных целевых программ. К первой группе предполагалось отнести ФЦП, требовавшие максимальной господдержки в целях комплексного решения острых социально-экономических проблем и не имеющие, как правило, альтернативных, кроме федерального бюджета, источников финансирования. Ко второй группе следовало отнести ФЦП, по которым должна была осуществляться государственная поддержка лишь отдельных первоочередных объектов и проектов в рамках Федеральной инвестиционной программы и финансирования НИОКР. Основное финансирование по этой группе программ должно было осуществляться за счет внебюджетных источников и средств бюджетов субъектов федерации. Все остальные утвержденные ФЦП предлагалось реализовывать за счет средств бюджетов субъектов федерации и внебюд-

[16] Межведомственный совет Миннауки России и РАН по проблемам регионального научно-технического развития и сотрудничества, сопредседатель — академик РАН В. П. Шорин.

[17] Центр регионального научно-технического сотрудничества при Президиуме РАН, был создан в 1992 г.

[18] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 513.Л. 240.

[19] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 513. Л. 243—244.

жетных источников, либо отложить на более поздний срок. Предлагалось также повысить требования к обоснованию необходимости разработки новых ФЦП по развитию регионов. Для принятия положительного решения по ФЦП по развитию регионов обоснования к ним должны были учитывать все формы и меры федеральной поддержки данного субъекта Федерации, в том числе через Федеральный фонд финансовой поддержки субъектов РФ (трансферты), средства федерального бюджета на реализацию федеральных программ, реализуемых на данной территории, систему экономических льгот, предоставляемых предприятиям и организациям данной территории[20].

Были и иные проблемы, связанные с разработкой и реализацией целевых научно-технических программ. Так, в ходе Межрегионального совещания по вопросам взаимодействия Миннауки и с администрациями регионов в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики в октябре 1999 г. анализ итогов 7 лет работы механизмов программно-целевого финансирования научно-технического развития регионов представил К. И. Плетнев, директор Центра «Ренатехс» при Президиуме РАН. По его мнению, к существенным недостаткам относилось неполное соответствие приоритетам социально-экономического развития регионов тематики региональных научно-технических программ, поскольку она формировалась преимущественно на основе предложений местных научных организаций, коллективов и ученых, «вытекающих прежде всего из тематики проводимых ими достаточно длительное время исследований, соответствующих их научным интересам и опыту, но отнюдь не реальным потребностям конкретного региона». Механизмы реализации в подавляющем большинстве регионов не были определены и не закреплены в нормативных актах. На федеральном уровне же имелась ведомственная обособленность механизмов формирования и реализации программ, действующих в федеральных министерствах. Недостатком также было отсутствие конкурсности в выборе исполнителей региональных программ, поскольку на местах предпочитали опираться на научно-технический потенциал только своего региона. Ограниченными были финансовые возможности. Самым же серьезным недостатком, по мнению К. И. Плетнева, был разрыв между научно-технической и инновационной деятельностью и отсутствие их интеграции в программах [5, с. 253].

Инициативные программы субъектов РФ также требовали координации с Миннауки. Так, например, в 1999 г. по инициативе депутатов Мосгордумы в бюджете г. Москвы впервые было предусмотрено финансирование программы «Поддержка инфраструктуры науки в г. Москве». В связи с необходимостью координации действий при реализации московской программы с программами Миннауки во избежание дублирования и распыления средств координатор направления «Наука и инновационная инфраструктура» Мосгордумы запросил у Миннауки информацию по аналогичным программам, мнение о целесообразности реализации московского проекта, предложения по конкретным участкам этой деятельности, которые Москва могла бы взять на себя и возможное участие Миннауки в указанных подпрограммах[21].

Субъекты РФ, конечно, не ограничивались взаимодействием с Миннауки. Весьма активно главы администраций регионов обращались к Президенту РФ и Правительству, организовывали встречи для обсуждения проблем науки в регионе в ходе рабочих визитов и вносили проекты мероприятий по сохранению и развитию научно-технического потенциала регионов[22]. Миннауки, получая по итогам таких обсуждений поручения Правительства, осуществляло мероприятия по их реализации. Так, например, с учетом материалов администрации Новосибирской области Миннауки России был подготовлен вариант Концепции стимулирования спроса на научно-технические разработки и услуги научных организаций, направленный Министерством для согласования в СО РАН, Минэкономики России и Администрацию области. По вопросу создания регионального внебюджетного фонда научного и технологического развития Миннауки России были даны необходимые консультации и разъяснения администрации Новосибирской области[23].

Представители регионов, обладавшие правом законодательной инициативы, пользовались им в том числе для решения проблем развития науки в регионах. Так,

[20] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 622. Л. 2, 5–6.

[21] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 852. Л. 21–26.

[22] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 400. Л. 223–224 ; Д. 513. Л. 149–150, 173 ; Д. 622. Л. 116–127 ; Д. 623. Л. 15–18об, 23–23об.

[23] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 513. Л. 67.

член Совета Федерации от Томской области В. М. Кресс в 1996 г. внёс в Государственную Думу проект Федерального закона «О статусе академгородка Российской Федерации»[24].

Представители субъектов Федерации активно участвовали и в парламентских слушаниях, проводившихся в палатах Федерального Собрания по вопросам развития науки и технологий. Специальные слушания были посвящены вопросам развития науки и инноваций в субъектах Федерации: 3 декабря 1998 г. были проведены парламентские слушания Совета Федерации «Состояние научно-технического потенциала в субъектах РФ и его роль в решении социально-экономических проблем».

Своеобразным промежуточным уровнем между федеральным и региональным уровнями стали межрегиональные ассоциации субъектов РФ, созданные в 1990-е (действовали ассоциации «Северо-Запад», «Урал», «Сибирское Соглашение», «Северный Кавказ», «Центральная Россия», «Большая Волга», «Дальневосточная», «Черноземье»). На базе этих ассоциаций субъекты Федерации объединялись для решения общих проблем, вырабатывали согласованные действия, в том числе и во взаимодействии с федеральным центром.

В особенности активно в области научно-технической политики действовали ассоциации «Сибирское Соглашение» и «Большая Волга». Они последовательно защищали свои интересы, в частности сохранение и развитие научно-технического потенциала своих регионов. Ассоциации обращались к Президенту РФ и в Правительство, несколько раз организовывали встречи с вице-премьером, взаимодействовали с Миннауки. В отчетах Миннацу (см. выше) Миннауки представляло результаты своей деятельности по реализации предложений межрегиональных ассоциаций[25]. В 1999 г. с ассоциациями «Сибирское Соглашение» и «Большая Волга» были подписаны соглашения Миннауки, вслед за которыми были заключены двусторонние соглашения Миннауки и субъектов Федерации — членов указанных ассоциаций. Например, Соглашение о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики между Министерством науки и технологий Российской Федерации и Ассоциацией «Большая Волга» по экономическому взаимодействию республик и областей Поволжья Российской Федерации [5, с. 279—284] предусматривало в качестве основной цели эффективное удовлетворение потребностей регионов в научно-техническом обеспечении их социально-экономического развития, создание системы, которая позволит в кратчайшие сроки и с высокой эффективностью использовать в подъеме производства интеллектуальный и научно-технический потенциал всех регионов, входящих в Ассоциацию «Большая Волга». Аналогичные цели были предусмотрены в соглашении между Миннауки, Минобразования России, ассоциацией «Сибирское Соглашение» и Сибирским отделением РАН[26].

Проводились совместные коллегии и совещания Миннауки и межрегиональных ассоциаций «Сибирское Соглашение» и «Большая Волга».

Также было подписано межведомственное Соглашение о взаимодействии в развитии инновационной деятельности в научно-технической сфере, в соответствии с которым 16 федеральных органов исполнительной власти, включая Миннауки и Минэкономики России, Торгово-промышленную палату, бюджетные и внебюджетные фонды, разработали и осуществляют совместную межведомственную программу по активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере. К соглашению присоединились и регионы-члены Ассоциации «Большая Волга». Был также заключен Протокол о сотрудничестве между Ассоциацией «Большая Волга» и Миннауки России. 25 мая 1999 г. был подписан Протокол о совместных действиях по активизации инновационной деятельности (Межрегиональная ассоциация «Большая Волга» и Миннауки) [5, с. 267—268].

Однако поскольку межрегиональные ассоциации не располагали собственными средствами для финансирования НИОКР, их роль оставалась преимущественно политической. Ассоциации представляли собой площадку формирования горизонтальных связей субъектов Федерации, отнюдь не яв-

[24] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 622. Л. 143—147об.
[25] ГА РФ. Ф. 10265. Оп. 1. Д. 513. Л. 93.

[26] Соглашение о сотрудничестве в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики, подготовки кадров высшей квалификации между Министерством науки и технологий Российской Федерации, Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации, Межрегиональной ассоциацией экономического взаимодействия («Сибирское соглашение») и Сибирским отделением Российской академии наук // Наука в Сибири. 1999. № 33 (2219). URL: http://www.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=153&id=2.

ляясь дополнительным уровнем в структуре органов управления научно-технологической сферой.

Выводы

Таким образом, в 1990-е гг. на первом, наиболее сложном этапе развития российского федерализма, были заложены основы двухуровневой системы управления в научно-технической сфере, разграничены полномочия федерального центра и субъектов Федерации, создана нормативно-правовая база, выработаны механизмы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в сфере науки и технологий (что позволяет говорить о реализации большей части положений Концепции 1993 г.). Была создана инфраструктура (органы управления и координационные органы на уровне федерации и регионов). В условиях критического сокращения финансирования науки одним из важнейших направлений взаимодействия между федеральными и региональными органами власти стали вопросы разработки и реализации федеральных и региональных целевых программ, предусматривавших финансирование или софинансирование научных исследований из федерального бюджета. На практике в этом направлении выявился ряд проблем как со стороны регионов, так и со стороны федеральных органов, прежде всего — связанных с обоснованностью расходования бюджетных средств. С учетом этого опыта вырабатывались предложения по совершенствованию порядка подготовки и реализации целевых программ с целью достижения оптимального баланса между решением приоритетных задач единой государственной и региональной научно-технической политики в условиях ограниченности возможностей финансирования исследований. Среди форм взаимодействия центра и регионов особое место заняло взаимодействие в рамках межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Федерации. Ассоциации, созданные по территориальному принципу, позволяли субъектам в отношениях с федеральным центром при решении социально-экономических проблем, получении федерального бюджетного финансирования целевых программ развития регионов действовать не как конкуренты, а как партнеры. На базе ассоциаций вырабатывались проекты преобразований системы управления в научно-технической сфере. Обращения к федеральным органам власти от имени объединений регионов также зачастую бывали более эффективными, чем от имени отдельных субъектов Федерации. Наиболее активно в области решения вопросов научно-технического развития регионов, входящих в их состав, действовали ассоциации «Большая Волга» и «Сибирское Соглашение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алимпиев В. Н. Новая региональная научно-техническая политика в России // Регионология. — 1993. — № 2. — С. 40—53.

2. Алимпиев В. Н. Проблемы формирования и реализации государственной научно-технической политики на региональном уровне // Регионология. — 1995. — № 2. — С. 107—114.

3. Андреев Ю. Н. Потенциал взаимодействия регионов и федеральных органов власти в научно-технической сфере // Управление наукой и наукометрия. — 2006. — № 1. — С. 320—335.

4. Белов В. В., Иванов В. В., Крутов А. Н., Раздолин А. М. Федеральные и региональные аспекты проблемы стимулирования спроса промышленности России на результаты научных исследований // Регионология. — 1996. — № 1. — С. 165—175.

5. Взаимодействие Миннауки с регионами в области научно-технической и инновационной политики : материалы межрегион. совещания по вопросам взаимодействия Министерства науки и технологий Российской Федерации с администрациями регионов в области формирования и реализации научно-технической и инновационной политики и заседания Комитета по научно-инновационной политике Ассоциации «Большая Волга», г. Саранск, 30 окт. 1999 г. / А. И. Сухарев, В. Н. Алимпиев, Е. В. Глазкова [и др.] // Регионология. — 1999—2000. — № 4/1. — С. 233—288.

6. Грэхэм Л. Очерки истории российской и советской науки = Science in Russia and the Soviet Union / пер. с англ. В. Герович. — Москва : Янус-К, 1998. — 312 с.

7. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России = Lonely Ideas: Can Russia Compete? / пер. с англ. Ю. Константиновой. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. — 272 с.

8. Гусарова М. Н. Исторический опыт Государственной научно-технической политики в Российской Федерации в 1990-е гг. // Власть. — 2010. — № 2. — С. 32—36.

9. Дежина И. Г., Грэхем Л. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. — Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2009. — 239 с.

10. Зобнина М. С. Региональная научно-техническая политика во второй половине XX века: историографический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 5. — С. 115—124.

11. Королев Л. П. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов в сфере научно-технической политики // Регионология. — 1995. — № 4. — С. 162—168.

12. Лавровский Б. Л. Государственная политика регионального развития: вопросы теории // Федерализм. — 2015. — № 4. — С. 121—130.

13. Лебедев В. Э., Зобнина М. С. Основные тенденции и цели НТП в Уральском регионе во второй половине 1980-х — 1990-е гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф., г. Екатеринбург, 27—28 апр. 2007 г. — Екатеринбург : АМБ, 2007. — Т. 2. — С. 143—148.

14. Наука большой страны: советский опыт управления / М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова [и др.]. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2023. — 625 с.

15. Научно-техническая политика в России: региональный аспект : монография / Н. А. Улякина, И. В. Вершинин, Ю. Ю. Нетребин [и др.]. — Москва : Русайнс, 2022. — 151 с.

16. Обзор законодательства субъектов Российской Федерации о научно-технической деятельности / подгот. Сафроновым И. Ю. — Екатеринбург, 2009. —URL: https://www.uirz.ru/Obzor/obzor7.html (дата обращения: 18.02.2005).

17. Плетнев К. И. Региональное научно-техническое развитие и сотрудничество: современное состояние и перспективы развития // Регионология. — 1996. — № 2. — С. 103—112.

18. Салицкая Е. А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ // Управление наукой и наукометрия. — 2015. — № 18. — С. 111—135.

19. Свиридова Е. А. Особенности гармонизации федерального и регионального законодательства о науке // Образование и право. — 2022. — № 2. — С. 293—301.

20. Слепокуров А. С. О концептуальных основах региональной научно-технической политики // Регионология. — 1997. — № 4. — С. 170—176.

21. Управление наукой : путеводитель по советскому прошлому / Е. А. Долгова, М. О. Окунева, М. В. Грибовский [и др.]. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2024. — 405 с.

22. Фонотов А. Г. О некоторых положениях концепции региональной научно-технической политики // Регионология. — 1992. — № 1. — С. 40—45.

23. Шишикин В. Г. Становление институционально-правовой базы деятельности научно-образовательного комплекса Томской области в 1990-е — начале 2000-х гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. — Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. — С. 303—311.

24. Юдинцев Ю. Н. Научно-технический потенциал региона, цели и задачи анализа его состояния // Регионология. — 1995. — № 2. — С. 115—126.

25. Юдинцев Ю. Н. Региональная научно-техническая политика периода стабилизации // Регионология. — 1993. — № 1. — С. 70—83.

26. Radosevic S. Patterns of preservation, restructuring and survival: science and technology policy in Russia in post-Soviet era // Research Policy. — 2003. — Vol. 32, iss. 6. — P. 1105—1124.

27. Schneider C. M. Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia. — Heidelberg : Physica-Verlag, 1994. — 254 p.

28. Graham Loren. Science in the New Russia // Issues in Science and Technology. — 2003. — Summer. — URL: //www.issues.org/19.4/graham.html.

REFERENCES

1. Alimpiev V. N. New Regional Scientific and Technical Policy in Russia. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1993, no. 2, pp. 40—53. (In Russian).

2. Alimpiev V. N. Problems of Formation and Implementation of the State Scientific and Technical Policy at the Regional Level. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1995, no. 2, pp. 107—114. (In Russian).

3. Andreev Yu. N. Potential for Cooperation Between Regions and Federal Authorities in the Scientific and Technical Field. *Upravlenie naukoi i naukometriya = Science governance and scientometrics*, 2006, no. 1, pp. 320—335. (In Russian).

4. Belov V. V., Ivanov V. V., Krutov A. N., Razdolin A. M. Federal and Regional Aspects of the Problem of Stimulating the Demand of the Russian Industry for the Results of Scientific Research. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1996, no. 1, pp. 165—175. (In Russian).

5. Sukharev A. I., Alimpiev V. N., Glazkov E. V. et al. Interaction of the RF Ministry of Science with the Regions in the sphere of Scientific and Technical and Innovational Policy. Materials of International Conference on the issue of interaction between the RF Ministry of Science and Administrations of the Regions in the sphere of formation and realization of scientific and technical innovational policy. Materials of the meeting of the

Committee on scientific and innovational policy of the Association "Bolshaya Volga" held in Saransk on October 1999. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1999–2000, no. 4/1, pp. 233–288. (In Russian).

6. Graham, Loren R. *Science in Russia and the Soviet Union. A Short History*. Cambridge University Press, 1993. 321 p. (Russ. ed.: Graham L.; Gerovich V. (ed.). *Ocherki istorii rossiiskoi i sovetskoi nauki*. Moscow, Yanus-K Publ., 1998. 312 p.).

7. Graham, Loren R. *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* London, MIT Press, 2013. 216 p. (Russ. ed.: Graham L.; Konstantinova Yu. (ed.). *Smozhet li Rossiya konkurirovat? Istoriya innovatsii v tsarskoi, sovetskoi i sovremennoi Rossii*. Moscow, Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2014. 272 p.).

8. Gusarova M. N. Historical Experience of the State Scientific and Technical Policy in the Russian Federation in the 1990s. *Vlast = The Power*, 2010, no. 2, pp. 32–36. (In Russian).

9. Graham L., Dezhina I. *Science in the new Russia. Crisis, aid, reform*. Bloomington, Indiana University Press, 2008. 193 p. (Russ. ed.: Dezhina I. G., Graham L. *Nauka v novoi Rossii: krizis, pomoshch, reformy*. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2009. 239 p.).

10. Zobnina M. S. Regional Scientific and Technical Policy in the Second Half of the Twentieth Century: A Historiographical Aspect. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2008, no. 5, pp. 115–124. (In Russian).

11. Korolev L. P. Differentiation of Subjects of Competence and Powers Between the State Authorities of The Russian Federation and Its Subjects in the Field of Scientific and Technical Policy. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1995, no. 4, pp. 162–168. (In Russian).

12. Lavrovskii B. L. State Policy of Regional Development: Issues of Theory. *Federalizm = Federalism*, 2015, no. 4, pp. 121–130. (In Russian).

13. Lebedev V. Eh., Zobnina M. S. The Main Trends and Goals of Scientific and Technological Progress in the Ural Region in the Second Half of the 1980s - 1990s. *Ural industrialnyi. Bakuninskie chteniya. Materialy 8-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 27–28 aprelya 2007 g.* [The Industrial Urals. Bakunin Readings. Materials of the 8th All-Russian Research Conference, Yekaterinburg, 27–28 April 2007]. Yekaterinburg, ABM Publ., 2007, vol. 2, pp. 143–148. (In Russian).

14. Gribovskii M. V., Dezhina I. G., Dolgova E. A. et al. *Nauka bolshoi strany: sovetskii opyt upravleniya* [Science of a Large Country: The Soviet Mmanagement Experience]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2023. 625 p.

15. Ulyakina N. A., Vershinin I. V., Netrebin Yu. Yu. et al. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v Rossii: regionalnyi aspect* [Scientific and Technical Policy in Russia: The Regional Aspect]. Moscow, Rusains, Publ., 2022. 151 p.

16. Safronov I. Yu. (ed.). *Review of Legislation of the Subjects of the Russian Federation on Scientific and Technical Activities*. Yekaterinburg, 2009. – URL: https://uirz.ru/Obzor/obzor7.html. (In Russian).

17. Pletnev K. I. Regional Scientific and Technical Development and Cooperation: Current State and Development Prospects. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1996, no. 2, pp. 103–11. (In Russian).

18. Salitskaya E. A. Legal regulation of innovative activity: experience of Russian region. *Upravlenie naukoi i naukometriya = Science governance and scientometrics*, 2015, no. 18, pp. 111–135. (In Russian).

19. Sviridova E. A. Features of Harmonization of Federal and Regional Legislation on Science. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2022, no. 2, pp. 293–301. (In Russian).

20. Slepokurov A. S. Features of the Cconceptual Foundations of Regional Scientific and Technical Policy. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1997, no. 4, pp. 170–176. (In Russian).

21. Dolgova E. A., Okuneva M. O., Gribovskii M. V. et al. *Upravlenie naukoi. Putevoditel po sovetskomu proshlomu* [Management of Science. A Guide to the Soviet Past]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2024. 405 p.

22. Fonotov A. G. On Some Provisions of the Concept of Regional Scientific and Technical Policy. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1992, no. 1, pp. 40–45. (In Russian).

23. Shishikin V. G. The Formation of the Institutional and Legal Framework of the Scientific and Educational Complex of the Tomsk Region in the 1990s – Early 2000s. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy. Materialy 3-i regionalnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [Historical Research in Siberia: Problems And Prospects. Proceedings of the 3rd regional Youth Scientific Conference]. Novosibirsk, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 303–311. (In Russian).

24. Yudintsev Yu. N. Scientific and Technical Potential of the Region, Goals and Objectives of the Analysis of Its Condition. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1995, no. 2, pp. 115–126. (In Russian).

25. Yudintsev Yu. N. Regional Scientific and Technical Policy of the Stabilization Period. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*, 1993, no. 1, pp. 70–83. (In Russian).

26. Radosevic S. Patterns of preservation, restructuring and survival: science and technology policy in

Russia in post-Soviet era. *Research Policy*, 2003, vol. 32, iss. 6, pp. 1105—1124.

27. Schneider C. M. *Research and Development Management: From the Soviet Union to Russia*. Heidelberg, Physica-Verlag, 1994. 254 p.

28. Graham Loren. Science in the New Russia. *Issues in Science and Technology*, 2003, Summer. URL: // www.issues.org/19.4/graham.html.

СВЕДЕНИИЯ ОБ АВТОРЕ

Окунева Марина Олеговна (Москва) — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Центра истории российской науки и научно-технологического развития Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) (125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, e-mail: m_o_okuneva@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Okuneva, Marina O. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Senior Researcher at the Center for the History of Russian Science and Scientific and Technological Development, the Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russia, e-mail: m_o_okuneva@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 004.8:346.544.2(510)

А. Г. Шейкин
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0000-3537-0202
ResearcherID: KOC-1304-2024

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОПРОЕКТНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (ЧАСТЬ 2)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 43—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.4.43-56
Дата поступления 03.02.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

Вторая часть статьи продолжает анализ положений двух законопроектов, последовательно представленных в КНР в 2023 и 2024 годах, озаглавленных соответственно «Закон об искусственном интеллекте (Типовой закон) 1.0 (проект, рекомендованный экспертами)» и «Закон Китайской Народной Республики об искусственном интеллекте (проект, предложенный учеными)». В первой части статьи была представлена сравнительная характеристика данных проектов по разделам, посвященным общим положениям, целям и принципам регулирования, поддержке, развитию и продвижению ИИ, вопросам управления и контрольно-надзорной деятельности, обеспечения безопасности систем ИИ, сформулированы промежуточные выводы. В данной статье автор раскрывает положения законопроектов, касающихся защиты прав и интересов пользователей, юридической ответственности, защиты интеллектуальной собственности, международного сотрудничества. Рассматриваются проектируемые нормы о «специальных сценариях» применения искусственного интеллекта: использовании искусственного интеллекта государственными органами; судебный искусственный интеллект; новости, создаваемые искусственным интеллектом; медицинский искусственный интеллект; социальные роботы; биометрия; автономное вождение; социальный кредит (рейтинг или скоринг); требования к общему искусственному интеллекту. Отмечено отсутствие в проекте сценария «искусственный интеллект в образовании». Исследуется контекст уже принятых нормативных правовых актов, что позволяет констатировать исключительно общий характер проектируемых норм относительно специальных сценариев, каждый из которых требует либо отраслевого закона, либо подзаконного нормативного правового акта, но не отменяет необходимости определения общих

принципов регулирования этих сценариев в рамках комплексного закона. Автор приходит к выводу, что анализ законопроектов, разработанных в Китайской Народной Республике, наряду с принятыми в 2024 году Законом ЕС об ИИ, 28 мая 2025 года в Японии Законом о содействии исследованиям, разработке и использованию технологий искусственного интеллекта («Закон о содействии использованию ИИ»), а также принятом в первом чтении 14 мая 2025 г. проектом Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» является критически важным для разработки комплексного нормативно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Искусственный интеллект; правовое регулирование искусственного интеллекта в КНР; китайские законопроекты об искусственном интеллекте; комплексное регулирование искусственного интеллекта; специальные сценарии применения искусственного интеллекта; юридическая ответственность при использовании искусственного интеллекта.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шейкин А. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2) // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 43—56. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.4.43-56.

UDC 004.8:346.544.2(510)

A. G. Sheikin
All-Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0000-3537-0202
ResearcherID: KOC-1304-2024

LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: STATUS, PROSPECTS, COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGISLATIVE PROPOSALS (PART 2)

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 43—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.4.43-56
Received 03.02.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The second part of the article continues the analysis of the provisions of two draft laws successively submitted to the PRC in 2023 and 2024, entitled, respectively, "The Law on Artificial Intelligence (Model Law) 1.0 (draft recommended by experts)" and "The Law of the People's Republic of China on Artificial Intelligence (draft proposed by scientists)". In the first part of the article, a comparative description of these projects was presented in sections devoted to the general provisions, goals and principles of regulation, support, development and promotion of AI, management and control and supervisory activities, ensuring the security of AI systems, and intermediate conclusions were formulated. In this article, the author reveals the provisions of the draft laws concerning the protection

of the rights and interests of users, legal liability, intellectual property protection, and international cooperation. The proposed norms on "special scenarios" for the use of artificial intelligence are considered: the use of artificial intelligence by government agencies; judicial artificial intelligence; news created by artificial intelligence; medical artificial intelligence; social robots; biometrics; autonomous driving; social credit (rating or scoring); requirements for general artificial intelligence. The absence of the "artificial intelligence in education" scenario in the draft was noted. The context of already adopted regulatory legal acts is being investigated, which allows us to state the exceptionally general nature of the projected norms regarding special scenarios, each of which requires either an industry law or a subordinate regulatory legal act, but does not negate the need to define general principles for regulating these scenarios within the framework of a comprehensive law. The author concludes that the analysis of draft laws developed in the People's Republic of China, along with the EU AI Law adopted in 2024, the Law on the Promotion of Research, Development and Use of Artificial Intelligence Technologies in Japan on May 28, 2025 (the "Law on the Promotion of the Use of AI"), as well as the Law adopted in the first reading on 14 The draft Law of the Republic of Kazakhstan "On Artificial Intelligence" dated May 2025 is critically important for the development of a comprehensive regulatory framework for artificial intelligence in the Russian Federation.

KEYWORDS

Artificial intelligence; legal regulation of artificial intelligence in China; Chinese draft laws on artificial intelligence; comprehensive regulation of artificial intelligence; special scenarios for the use of artificial intelligence; legal liability in the use of artificial intelligence.

FOR CITATION

Sheikin A. G. Legal Regulation of Artificial Intelligence in the People's Republic of China: Status, Prospects, Comparative Analysis of Legislative Proposals (Part 2). *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 43—56. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.4.43-56.

Защита прав и интересов пользователей

Интересно, что Проект-2024 содержит отдельную главу, посвященную защите прав и интересов пользователей (в Проекте-2023 эта тема не отражена в рамках специального раздела, однако частично обозначается посредством характеристики обязанностей разработчиков и поставщиков). Глава 3 Проекта-2024 и ряд статей Проекта-2023 направлены на защиту следующих прав:

— право на равенство (ст. 32 Проекта-2024, ст. 37 Проекта-2023);

— право на получение информации (ст. 33 Проекта-2024, ст. 35 Проекта-2023);

— право на конфиденциальность и личную информацию (ст. 34 Проекта-2024);

— право на отказ от использования от ИИ, на получение объяснений от поставщика, а также право отклонять решения, принятые исключительно с помощью ИИ, и требовать принятия новых решений, в которых участвуют люди (ст. 35 Проекта-2024, ст. 36 Проекта-2023);

— право интеллектуальной собственности пользователя на контент, созданный ИИ, на основе вклада пользователя (ст. 36 Проекта-2024);

— право работников на защиту от злоупотреблений работодателя искусственным интеллектом (ст. 37 Проекта-2024);

— права групп, уязвимых к цифровым технологиям: несовершеннолетних, пожилых людей, женщин, несовершеннолетних с ограниченными возможностями и других людей со слабыми возможностями цифрового доступа и навыками использования цифровых приложений (ст. 38 Проекта-2024, ст. 35 Проекта-2023);

— право на получение помощи и обучения (ст. 39 Проекта-2024, ст. 35 Проекта-2023);

— право на подачу жалобы и судебное разбирательство (ст. 40 Проекта-2024).

Несмотря на то, что Проект-2023 частично содержит нормы, направленные на обеспечение защиты прав пользователей, стоит

признать, что Проект-2024 подходит к этому вопросу основательнее: во-первых, объединив эти положения в отдельную главу; во-вторых, конкретизировав и уточнив как перечень и содержание этих прав, так и меры по их соблюдению.

Специальные сценарии применения ИИ

В отдельной главе Проекта-2024 содержатся нормы относительно *специальных сценариев* применения ИИ. Поскольку данные сценарии отражают самые актуальные тренды в сфере ИИ, рассмотрим подробнее подходы авторов проекта к их предполагаемому регулированию.

1. Использование искусственного интеллекта государственными органами (ст. 69).

Применение ИИ в государственном управлении связано с необходимостью систематизации документов, оптимизации поиска, мониторинга данных и автоматизации бюрократических процедур, например, регистрации заявлений граждан, проверкой налоговых деклараций, ответов на типовые вопросы с помощью чат-ботов службы поддержки и т. п. Однако перед ИИ ставятся и более «творческие» задачи, к примеру, связанные с планированием развития территорий, управлением транспортными потоками, предикативной аналитикой в сфере прогноза и предупреждения преступности, кибербезопасностью, улучшением экологической ситуации и проч.

Таким образом, использование искусственного интеллекта в государственном управлении в конечном итоге преследует цель улучшения качества жизни, однако должно базироваться на ряде принципов. Это предусмотрено в статье 69 Проекта-2024: когда государственные органы используют искусственный интеллект для осуществления административных действий, они должны соблюдать принципы *законности, разумности, уместности* и *соразмерности*. Более того, Проект-2024 не предполагает полного исключения человека: «Принятие решений с использованием искусственного интеллекта может использоваться *только в качестве ориентира* для административных действий».

2. Судебный искусственный интеллект.

К развитию возможностей применения ИИ в судебной системе в Китае приступили с 2014 года: согласно отчету Верховного народного суда КНР с этого года китайские суды по всей стране опубликовали в онлайн-базе данных более 120 миллионов судебных решений, а более 11 миллионов судебных процессов были транслированы онлайн[1], одновременно используя этот массив данных для обучения искусственного интеллекта[2]. В марте 2021 г. в КНР принята «дорожная карта» по модернизации правовой системы КНР к 2025 году, включающая интеграцию искусственного интеллекта в судопроизводство в рамках системы «умного суда» для повышения доверия к судам и упрощения контроля над судьями [см.: 6, с. 121].

9 декабря 2022 г. были опубликованы «Пояснения Верховного народного суда КНР по регулированию и усилению судебного применения искусственного интеллекта», содержащие пять групп принципов использования ИИ в судопроизводстве: 1) безопасность и законность; 2) честность и справедливость; 3) принцип вспомогательной роли ИИ в судопроизводстве; 4) прозрачность и достоверность; 5) принцип общественного порядка и общественной морали. О. Б. Бальчиндоржиева, А. Н. Мяханова и Д. В. Сапкеев видят значение этих принципов в том, «чтобы интеграция ИИ и суда способствовала повышению эффективности правосудия, в то же время эти принципы выделяют определенные критические точки, на которые необходимо обратить самое пристальное внимание» [1, с. 72—73].

В настоящее время в судебной системе КНР представлены следующие направления применения ИИ:

1) подача иска и подготовка дела (оценка рисков, классификация материалов);

2) поддержка в ходе судебного процесса (автогенерация протоколов, интеллектуальная проверка грамматических и стилистических ошибок, автопубликация документов);

3) работа с процессуальными документами (автоматическая генерация проектов процессуальных решений на основе шаблонов и данных дела, интеллектуальная проверка грамматических и стилистических ошибок, автопубликация документов);

4) анализ доказательств (проверка на соответствие законности и достоверности, выявление противоречий, визуализация связей между доказательствами и фигурантами дела, анализ протоколов допросов);

5) помощь судье в принятии решений (интеллектуальный поиск и рекомендации по применению релевантных норм права, ссылки на законодательство, судебную практику и научную литературу);

6) исполнение судебных решений (выявление активов должников через анализ больших данных для предотвращения сокрытия

[1] URL: https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence?module=inline&pgtype=article.

[2] См.: Волков К. В Китае введут систему «умного суда» // Российская газета. 2021. 15 марта.

имущества; автоматизированный обмен информацией между ведомствами, участвующими в исполнительном производстве; электронное вручение и подтверждение получения документов).

7) онлайн-правосудие (специализированные суды, полностью работающие в цифровом формате, онлайн-заседания и внедрение ИИ-систем в традиционных судах);

8) управление судебной системой (мониторинг работы судов, выявление тенденций и принятия управленческих решений, оценка загруженности и производительности судей, персонала и распределение нагрузки между ними)[3].

Подчеркнем, что в КНР нет фигуры пресловутого «цифрового судьи». Объективно, построенная на искусственном интеллекте система «умного суда» «действительно использует большие данные и машинное обучение, чтобы помогать живому судье быстро находить аналогичные дела прошлых лет, подсказывать возможные статьи закона, быстро генерировать тексты решений и сопутствующих судебных документов», но не выносит решение за судью. Вместе с тем «система построена таким образом, чтобы при разногласиях судьи и искусственного интеллекта, судья был обязан занести в систему объяснение своего решения. Сделано это не для замены живого судьи на электронного, а для снижения уровня коррупции и необоснованных решений»[4].

Проект-2024 в ст. 70 также предлагает отталкиваться от принципов: «Разработка, предоставление и использование судебного искусственного интеллекта должны соответствовать принципам безопасности и законности, справедливости и беспристрастности, содействия судебным разбирательствам, прозрачности и достоверности, а также общественного порядка и хороших обычаев». Замена живого судьи на электронного не предполагается: «Если искусственный интеллект используется для оказания помощи судебной работе, процесс принятия решений с помощью искусственного интеллекта может использоваться *только в качестве справочной информации* для судебной работы; пользователи имеют право в любое время отказаться от взаимодействия с продуктами и услугами искусственного интеллекта».

3. Новости, создаваемые искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект самым активным образом колонизирует медиасферу. Неслучайно VI Всемирный медиасаммит, состоявшийся в Китае 14—25 октября 2024 г. (г. Урумчи) был посвящен теме «Искусственный интеллект и трансформация СМИ». В представленном на саммите докладе «Ответственность и миссия новостных медиа в эпоху ИИ», подготовленном Институтом Синьхуа, указывается, что 66 % новостных изданий, опрошенных по всему миру, положительно оценивают влияние генеративного ИИ на отрасль; 51,2 % респондентов уже начали внедрять технологии искусственного интеллекта. Вместе с тем в докладе поднимается проблема достоверности предоставляемых новостей, а также выражается обеспокоенность по поводу того, что искусственный интеллект может использоваться для манипулирования общественным мнением и информационного противостояния, а инструменты и методы манипуляции постоянно совершенствуются, что делает информационную среду все более сложной и непредсказуемой. Подавляющее большинство (85,6 %) респондентов считают, что для правильного использования искусственного интеллекта в медиаотрасли необходимо реализовать дополнительные меры по его дальнейшему регулированию[5].

Ст. 71 Проекта-2024 предлагает делегировать ответственность за обеспечение достоверности контента пользователям: «Если искусственный интеллект используется для предоставления новостных информационных услуг в интернете, *пользователи* искусственного интеллекта должны разработать специальную систему просмотра выпусков

[3] Приводится по информации в статье А. Стуколова «Искусственный интеллект в судебной системе Китая», где автор изложил тезисы лекции профессора юридической школы Пекинского технологического института, консультанта Верховного народного суда КНР Пэн Хайцин. (URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/30/iskusstvennyj_intellekt_v_sudebnoj_sisteme_kitaya).

[4] См.: В Китае внедрили судебный ИИ. Или нет? // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/677920/. Последнее обстоятельство, напротив, было отмечено руководителем цифровой трансформации адвокатуры Федеральной палаты адвокатов РФ Е. Г. Авакян как негативное. Выступая на XIII Петербургском международном юридическом форуме, она предположила: если судье необходимо будет написать особое мнение для обоснования несогласия с решением, подсказанным ИИ, он постарается избежать приложения лишних усилий, вследствие чего «видовая конкуренция ИИ» человеком будет проиграна. (URL: https://legalforum.info/programme/business-programme/7785/).

[5] Медиа в эпоху ИИ: вызовы и перспективы // Orient Link. 2024. 17 окт. URL: https://orient.tm/ru/post/76418/media-v-epohu-ii-vyzovy-i-perspektivy.

новостей, чтобы гарантировать подлинность и точность новостной информации, а также повысить четкость идентификации контента, генерируемого искусственным интеллектом».

При этом полагаем, что законопроект все же имеет ввиду под пользователями (使用者) не конечных потребителей новостного контента, а именно представителей медиасферы, использующих генеративный ИИ для производства новостей.

4. Медицинский искусственный интеллект.

Китайская Народная Республика продолжает оставаться безусловным лидером в сфере внедрения искусственного интеллекта в медицину, значительно опережающим остальные страны[6]. В проекте по развитию медицинского ИИ, входящего в национальную программу «Сделано в Китае к 2025 году», участвуют 130 частных компаний. Достижение технологического преимущества обеспечивается возможностью создать самую большую в мире медицинскую базу данных за счет внедрения обязательных медицинских осмотров и сдачи анализов без необходимости получения согласия пациентов, число которых вскоре превысит миллиард, на обработку полученных сведений о состоянии их здоровья[7]. Параллельно в Китае создается первый в мире больничный город Agent Hospital, полностью управляемый ИИ (цифровая модель, где роли врачей и пациентов выполняют виртуальные персонажи, созданные на основе нейросетей) — точность при постановке диагнозов приближается к 93 % и все это происходит в безопасной среде, где тестирование новейших технологий и подготовка специалистов осуществляются без риска для реальных людей [5]. В сотнях больниц уже используются ИИ-модели, включая DeepSeek «для помощи в принятии решений, анализа медицинских изображений и контроля качества записей»[8].

Проект-2024 предлагает осторожный подход к данному вопросу: «Лица, использующие искусственный интеллект для оказания медицинских услуг, должны иметь соответствующие лицензии и предусмотренную законодательством квалификацию. Искусственный интеллект для принятия решений может использоваться *только в качестве ориентира* для медицинской деятельности» (ст. 72).

5. Социальные роботы.

Данный рынок также являются динамично развивающимся в Китае сектором, поддерживаемым Министерством промышленности и информатизации КНР при участии других государственных структур. Ускоренное испытание социальных роботов связано прежде всего с необходимостью заботы о пожилых людях: по данным Национального бюро статистики КНР, к концу прошлого года число граждан старше 60 лет превысило 300 млн человек — 22 % от общей численности населения. Из них более 200 млн — в возрасте 65 и более лет (свыше 15 %). По официальным прогнозам, к 2035 году число пожилых людей превысит 400 млн человек и составит более 30 % населения страны[9]. Однако социальные роботы также разрабатываются для людей с инвалидностью и особыми потребностями, для помощи в обучении детей и выполнении рутинных задач в качестве секретаря.

Статья 73 Проекта-2024 призвана урегулировать обязанности поставщиков и пользователей. Поставщики искусственного интеллекта, предоставляющие услуги социальных роботов, должны разумно контролировать количество и качество контента сетевой информации, распространяемой социальными роботами, а также проверять и удалять информационный контент, созданный социальными роботами.

Пользователям не разрешается использовать социальных роботов для манипулирования и управления общественным мнением о качестве продукции, репутации продавца и других оценочных материалах, которые связаны с законными правами и интересами потребителей. Если пользователи злоупотребляют социальными роботами, поставщики искусственного интеллекта должны принять ограничения полномочий; баны аккаунтов, блокировка информации в соответствии с законодательством и другие меры.

6. Биометрия.

Биометрическое распознавание индивидов является одной из самых напряженных тем, связанных с искусственным интеллектом, поскольку затрагивает ряд чувствительных прав человека (право на неприкосновен-

[6] Китай значительно обгоняет США по внедрению искусственного интеллекта в медицину. URL: https://toppress.kz/article/kitai-znachitelno-obgonyaet-ssha-po-vnedreniyu-iskusstvennogo-intellekta-v-medicinu.

[7] Китай выходит в лидеры в области искусственного интеллекта в здравоохранении. URL: https://evercare.ru/kitai-vykhodit-v-lidery-v-oblasti-iskusstvennogo-i.

[8] Securutylab.ru. URL: https://www.securitylab.ru/news/556920.php.

[9] Китай: в новой пилотной программе будут использовать роботов для ухода за пожилыми людьми. URL: https://www.ixbt.com/live/drones/kitay-v-novoy-pilotnoy-programme-budut-ispolzovat-robotov-dlya-uhoda-za-pozhilymi-lyudmi.html.

ность частной жизни, уважение человеческого достоинства, конфиденциальность).

В Китае Государственным информационным управлением Интернета на 23-м заседании Торговой палаты 30 сентября 2024 года были одобрены «Меры по обеспечению безопасности при применении технологии распознавания лиц», с согласия Министерства общественной безопасности КНР, вступающие в силу 1 июня 2025 года[10].

В документе подробнейшим образом описана процедура информирования людей перед применением технологии распознавания лиц; различные аспекты защиты полученной информации, согласия на обработку и его отзыва; запрет на установку оборудования для распознавания лиц в частных помещениях общественных мест, таких как гостевые номера отелей, общественные ванные комнаты, общественные раздевалки и общественные туалеты. В общественных местах соответствующее оборудование устанавливается для поддержания общественной безопасности, зона сбора информации о лицах должна быть разумно определена в соответствии с законом, и должен быть установлен «значительный знак напоминания».

При этом немаловажно, что положения этих Мер «не распространяются на тех, кто применяет технологию распознавания лиц для обработки информации о лицах с целью исследований и разработок технологии распознавания лиц и обучения алгоритмам на территории КНР».

Статья 74 Проекта-2024 в общем виде предлагает предусмотреть, что использование искусственного интеллекта для обработки биометрической информации должно иметь конкретную цель и достаточную необходимость, при этом должны быть приняты строгие меры защиты. Если существуют другие небиометрические технологические решения, которые могут достичь той же цели или удовлетворить эквивалентные бизнес-требования, небиометрическим технологическим решениям следует отдать приоритет.

Проектируются также повышенные меры защиты, если биометрическая информация, сгенерированная искусственным интеллектом, используется злонамеренно и имеет возможность идентифицировать конкретное физическое лицо. В этом случае поставщик искусственного интеллекта должен принять необходимые меры, такие как блокировка, отключение или удаление ссылки по запросу правообладателя.

7. Автономное вождение.

Китайская Народная Республика также демонстрирует лидирующие позиции по производству беспилотных автомобилей. В сжатые сроки Китай прошел сложный путь от принятия 24 февраля 2020 г. «Стратегии инновационного развития интеллектуальных транспортных средств», в которой было заявлено, что «к 2025 году интеллектуальные транспортные средства с условно автономным вождением L3 достигнут крупномасштабного производства, а интеллектуальные транспортные средства с высоко автономным вождением L4 будут выведены на рынок и применены в конкретных условиях», через совместное развитие инфраструктуры умного города и интеллектуальных сетевых транспортных средств в ряде пилотных городов в 2021 г. до выпуска в октябре 2022 г. под руководством Китая первого международного стандарта в области сценариев испытаний систем автономного вождения[11] (ISO 34501:2022 Road vehicles — Test scenarios for automated driving systems — Vocabulary10). «Он является важным базовым стандартом испытаний систем автономного вождения, покрывает потребность в стандартизированном языке сценариев испытаний при проведении работ, связанных с оценкой тестов автономного вождения, и будет широко использоваться в исследованиях и разработках, испытаниях и управлении технологиями автономного вождения и продуктами для умных подключенных транспортных средств во всем мире», — пишет китайский ученый Цзя Шаосюе [7, с. 364].

Этот же автор в 2023 г. указывал, что Закон КНР «О безопасности дорожного движения», имеющий важное значение для правового регулирования автономного вождения, находился в стадии пересмотра, а действовавшие правовые системы управления дорожным движением относились к традиционным транспортным средствам и не могли быть в полной мере применены к беспилотным автомобилям [Там же, с. 365].

2 февраля 2025 г. Главное управление надзора за рынком совместно с Министерством промышленности и информационных технологий КНР выпустили Уведомление

[10] URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/21/c_1744174262156096.htm?utm_source=Securitylab.ru.

[11] (中文版)ISO 34501：2022-道路车辆自动驾驶系统测试场景-词汇. URL: (中文版)ISO 34501：2022-道路车辆自动驾驶系统测试场景-词汇.

№ 45 «О дальнейшем усилении управления доступом, отзывом и онлайн-обновлением программного обеспечения интеллектуальных подключенных транспортных средств»[12], в дополнение к которому с 16 апреля 2025 г. Министерством промышленности и информационных технологий изданы «Временные административные меры в отношении терминологии систем интеллектуального вождения»[13].

Основные изменения в регулировании: 1) испытания систем автономного вождения требуют официального одобрения государственных органов; 2) в рекламе запрещено использовать термины «автоматическое вождение», «автономное вождение», «интеллектуальное вождение»; «продвинутое интеллектуальное вождение» — вместо этого предписано указывать уровень автоматизации по классификации SAE (например, «вождение с ассистентом уровня L2»); 3) ограничение функциональности: запрещены функции, не требующие участия водителя, такие как автоматическая парковка без присутствия человека, дистанционный вызов автомобиля, управление через мобильное приложение, а системы мониторинга водителя теперь обязаны отключать функции автопилота, если руки не зафиксированы на руле более 60 секунд (датчики должны непрерывно фиксировать положение рук на руле) — в таких случаях активируются меры снижения риска: снижение скорости, включение аварийной сигнализации или остановка; 4) обновления программного обеспечения возможны не чаще четырех раз в год, а экстренные обновления должны предварительно пройти процедуру согласования с уполномоченными государственными органами, что должно сократить количество обновлений и усилить управление рисками, связанными с изменениями версий[14].

Таким образом китайское правительство отреагировало на аварию с гибелью трех пассажирок электромобиля Xiaomi SU7, которая произошла 29 марта 2025 г. Автомобиль двигался в режиме «Навигация по автопилоту» (NOA) со скоростью 116 км/ч, когда приблизился к зоне строительства с перекрытыми полосами. Несмотря на то, что система обнаруживала препятствия и выдавала предупреждения, водитель взял управление на себя, но в итоге на скорости около 97 км/ч врезался в бетонный барьер, после чего автомобиль загорелся[15]. Ужесточив требования к автономному вождению, с целью минимизировать риски аварий и ввести четкие стандарты для отрасли, власти КНР показали: несмотря на то, что эти меры могут замедлить внедрение инноваций, они направлены на создание устойчивой базы для будущего развития технологий, а безопасность и контроль остаются приоритетом перед стремлением к технологическому лидерству.

Перспективное регулирование включает разработку Закона «Об автономных транспортных средствах», который планируется представить в 2026 г.[16] и национальный обязательный стандарт GB 44496-2024 «Общие технические требования к обновлению программного обеспечения транспортных средств», который вступит в полную силу для всех моделей к январю 2028 года[17].

Что касается Проекта-2024, то ст. 75 предлагает введение общих норм, по сути, лишь контуром обозначая внимание к этому сценарию применения ИИ:

«Для проведения дорожных испытаний, демонстрационных применений, вывода на рынок и транспортных операций беспилотных транспортных средств необходимо получить соответствующие лицензии и доступ.

Разработчики и поставщики беспилотных транспортных средств должны обеспечивать безопасность транспортных средств и не должны неоправданно по-другому относиться к другим участникам дорожного движения, когда транспортное средство находится в опасности.

Пользователи беспилотных автомобилей должны освоить и стандартизировать использование функций беспилотного вождения в соответствии с правилами дорожного движения и инструкциями по эксплуатации транспортных средств».

8. Социальный кредит.

На основании принятого Госсоветом 14 июня 2014 г. «Плана строительства системы социального кредитования»[18] с 2014 по 2020 г. на территории Китая в экспериментальном режиме вводилась система социаль-

[12] URL: https://www.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/wjfb/tz/art/2025/art_1f663dddc5ee4754bb833586b2bf0853.html.

[13] URL: https://www.perplexity.ai/page/china-bans-smart-driving-terms-3d8H2v7cRdC9Jd8x5Ofkcw.

[14] URL: https://www.dongchedi.com/article/7494811363659792932.

[15] URL: https://www.perplexity.ai/page/china-bans-smart-driving-terms-3d8H2v7cRdC9Jd8x5Ofkcw.

[16] https://www.dongchedi.com/article/7494811363659792932.

[17] URL: https://codeofchina.com/standard/GB44496-2024.html.

[18] URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm.

ного рейтинга. Сначала проект был запущен в г. Суйнин (провинция Цзянсу), а с 2020 г. проект начал действовать на территории всего Китая [2, с. 39].

В настоящее время Главное управление Национальной комиссии по развитию и реформам выпустило «План действий по созданию системы социального кредитования на 2024—2025 годы», главной целью которого является стандартизация социального кредитование, нивелирование всех региональных особенностей. На 2024—2025 годы поставлены следующие задачи: 1) повышение уровня нормативно-правовой базы; 2) координирование и содействие созданию инфраструктуры социального рейтингования; 3) совершенствование механизма обмена информацией о социальном рейтинге; 4) усиление эффективности надзора; 5) ускоренное внедрение системы социального кредитования в ключевых областях[19].

Отношение к системе китайского социального кредитования в мире нельзя назвать однозначным. В научных исследованиях некоторые авторы указывают на положительные составляющие этой системы [4], в то время как другие делают акцент на существенной разнице в менталитете европейцев и китайцев, вызывающей протест против встраивания человека в систему присвоения баллов [3]. В Законе ЕС об ИИ сформулирована позиция Евросоюза, четко демонстрирующая эти различия, так как в нем категорически обозначено место систем социального рейтинга в разряде «неприемлемого риска»: «Запрещается размещение на рынке, ввод в эксплуатацию или использование систем ИИ для оценки или классификации физических лиц или их групп в течение определенного периода времени на основе их социального поведения или известных, предполагаемых или прогнозируемых личностных характеристиках в целях формирования социального рейтинга, приводящего к одному или двум последствиям: (a) вредное или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или целыми их группами в социальных контекстах, не связанных с контекстами, в которых данные были первоначально созданы или собраны; (b) вредное или неблагоприятное обращение с определенными физическими лицами или их группами, которое является неоправданным или несоразмерным их социальному поведению или его серьезности» (пп. «c» п. 1 ст. 5)[20].

Проект-2024, также, как и обозначенный выше двухлетний План, не предполагает отказа от системы социального рейтингования, однако в статье 76 вводит своего рода оговорку: «Использование искусственного интеллекта для оценки и рейтинга социальной кредитоспособности должно быть направлено на улучшение кредитного качества и эффективности, повышение уровня управления рисками и *не должно ущемлять права отдельных лиц на равный доступ к государственным услугам и другие законные права и интересы*».

9. Специальные требования к общему искусственному интеллекту.

Своего рода превентивная норма проектируется в отношении общего ИИ: «Разработчики общего искусственного интеллекта должны обеспечивать безопасность и надежность с помощью технических средств, таких как согласование ценностей, проводить регулярные оценки безопасности на основе рисков и возможностей системы, повышать прозрачность и объяснимость общего искусственного интеллекта и сообщать о результатах оценки безопасности органам управления искусственным интеллектом» (ст. 77).

Юридическая ответственность

Авторы законопроектов разработали и вопросы юридической ответственности (глава 6 Проекта-2023, глава 8 Проекта-2024).

В статьях, регламентирующих общие положения об административных наказаниях предлагается, что лица, занимающиеся разработкой, предоставлением (а в ст. 82 Проекта-2024 — также и использованием) ИИ в нарушение положений принимаемого Закона: 1) обязаны внести исправления; 2) предупреждаются; 3) в случае отказа внести исправления незаконные доходы подлежат конфискации и налагается штраф до 1 млн юаней; 4) непосредственно ответственные лица подлежат штрафу на сумму не менее 10 000 юаней, но не более 100 000 юаней.

Если незаконные действия и обстоятельства «являются серьезными», органы искусственного интеллекта уровня провинции или выше должны предписать исправления, конфисковать незаконные доходы и наложить штраф в размере не более 50 миллионов юаней или до 5 % (в Проекте-2024 — до 4 %) от оборота предыдущего года, а также могут приказать приостановить соответствующую

[19] URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202406/content_6955501.htm.

[20] URL: https://artificialintelligenceact.eu/the-act/.

деятельность или прекратить деятельность для исправления ситуации, уведомить компетентные органы об отзыве соответствующих лицензий на ведение бизнеса или наложить штраф в размере не менее 100 000 юаней, но не более 1 миллионов юаней непосредственно ответственному лицу и другим ответственным лицам из числа персонала (по Пректу-2024 эти органы также могут принять решение запретить им занимать должности директоров, руководителей или старших менеджеров соответствующих предприятий в течение определенного периода времени).

При назначении административных наказаний предполагается учет следующих факторов (ст. 83 Проекта-2024, ст. 62 Проекта-2023):

1) характер, тяжесть, продолжительность противоправного деяния и его последствия (Проект-2024), по проекту-2023 также учитывается масштаб воздействия и степень ущерба;

2) масштаб, годовой оборот и доля компании на рынке (Проект-2024);

3) совершение деяния умышленно или по неосторожности (Проект-2023);

4) получение прибыли от незаконной деятельности прямо или косвенно (Проект-2024);

5) меры, принятые для смягчения последствий незаконных действий или борьбы с ними (Проект-2024); меры по исправлению положения в связи с незаконными действиями и меры по уменьшению убытков, которых могли быть причинены (Проект-2023);

6) сотрудничество в расследовании со стороны органов управления искусственным интеллектом (Проект-2024);

7) были ли приняты разумные и эффективные организационные и технические меры для управления рисками, связанными с искусственным интеллектом, в соответствии с положениями настоящего закона (Проект-2023);

8) соответствует ли искусственный интеллект стандартам безопасности или имеет соответствующие сертификаты (Проект-2023);

9) предыдущие незаконные действия (Проект-2023);

10) факторы, которые усугубляют или смягчают наказания, предусмотренные другими законами и нормативными актами (Проект-2023).

Проектами предписывается обязанность государственных органов и их сотрудников соблюдать положения законодательства об ИИ, в противном случае им вносятся предписания устранить нарушение, а также применяются административные взыскания (ст. 84 Проекта-2024, ст. 70 Проекта-2023).

В Проекте-2024 дифференцируется ответственность *поставщика услуг* и *ответственность пользователя*.

Если продукты и услуги искусственного интеллекта наносят ущерб другим лицам и поставщик не выполняет свои обязательства в соответствии с принятым законодательством, он несет ответственность за причинение вреда.

Если ключевые продукты и услуги искусственного интеллекта наносят ущерб другим лицам и поставщик не может доказать свою невиновность, он несет ответственность за причинение вреда. Если закон предусматривает предел компенсации, то это положение применяется в случае, ключевые разработчики или поставщики искусственного интеллекта не допустили умышленную или грубую халатность (ст. 85 Проекта-2024).

Если использование продуктов и услуг искусственного интеллекта причиняет ущерб другим лицам и виноват пользователь, он несет гражданскую ответственность, если разработчики и поставщики искусственного интеллекта не выполняют свои обязательства, предусмотренные законом, то они несут соответствующую деликтную ответственность (ст. 86 Проекта-2024).

Предпринята попытка разрешить вопросы распределения ответственности за качество продукции в случаях причинения вреда разными субъектами. Если дефект продукта искусственного интеллекта причиняет ущерб другим лицам, пострадавшая сторона может потребовать компенсацию от производителя или продавца после того, как поставщик искусственного интеллекта или пользователь в соответствии с законом возьмут на себя ответственность за нарушение, при этом имеет право на взыскание компенсации с производителей и продавцов.

Если поставщики и пользователи искусственного интеллекта одновременно являются производителями и продавцами, пострадавшая сторона может решить применить этот закон или правовые положения об ответственности за качество продукции (ст. 88 Проекта-2024).

Ст. 90 Проекта-2024 определяет границы юридической ответственности разработчиков базовой модели. Если использование базовых моделей для участия в разработке, предоставлении и внедрении искусственного интеллекта согласно соответствующим законам и административным регламентам ущемляет законные права и интересы государства, общества и других лиц, разработчики, поставщики искусственного интеллекта и пользователи производных продуктов несут юридическую ответственность.

Если поставщик базовой модели знает или должен знать, что разработчик искусственного интеллекта, поставщик или пользователь производных продуктов использует базовую модель для участия в незаконной деятельности, не принимает необходимых мер и причиняет вред другим лицам, разработчик искусственного интеллекта, поставщик или пользователь несут солидарную ответственность, за исключением случаев, когда базовой моделью является модель с открытым исходным кодом.

Разработчики базовой модели должны подписать соглашение или стандартный контракт с разработчиками искусственного интеллекта, поставщиками и пользователями использования производных инструментов, уточняя объем разрешений, ограничения на использование, устранение рисков и юридическую ответственность.

Если продукты и услуги искусственного интеллекта, причиняющие вред другим лицам, поставщикам и пользователям искусственного интеллекта, застрахованы, нарушитель имеет право потребовать компенсацию от страховщика. Если страховка недостаточна или ее нет, компенсацию возмещает нарушитель (ст. 91 Проекта-2024).

Если какое-либо лицо занимается деятельностью по предоставлению искусственного интеллекта в нарушение положений настоящего Закона и ущемляет права и интересы многочисленных лиц, Народная прокуратура, потребительские организации, определенные законом, и организации, определенные органами управления искусственным интеллектом, могут подать иски в суд в соответствии с законом (ст. 92 Проекта-2024, ст. 67 Проекта-2023).

Проектируются также *специальные случаи освобождения от ответственности.* Если разработчики, поставщики и пользователи искусственного интеллекта создают систему соответствия рискам искусственного интеллекта и эффективно ее внедряют, и в то же время активно сотрудничают с органами следствия, вносят исправления и оплачивают штрафы они могут быть освобожден от административных санкций или такие санкции могут быть сокращены.

Если разработчики и поставщики искусственного интеллекта создадут систему соответствия рискам искусственного интеллекта и эффективно внедрят ее, и в то же время признают себя виновными и готовыми принять наказание, уголовные наказания непосредственно ответственного лица могут быть сокращены или они могут быть освобождены от ответственности (ст. 93 Проекта-2024).

Согласно ст. 69 Проекта-2023 следует освобождение от наказания, если содеянное будет признано малозначительным. Если нарушение проектируемого закона будет отнесено к категории преступлений, то нарушители должны быть включены в экспериментальную работу по реформе корпоративного комплаенса, и к ней должны быть привлечены соответствующие предприятия. Если после оценки конструкция соответствия соответствует критериям обоснованности, Народная прокуратура может сослаться на выводы оценки, чтобы принять решение не санкционировать арест, изменить принудительные меры или не возбуждать уголовное преследование в соответствии с законом, а также предложить рекомендацию о смягчении наказания или представить прокурорское заключение по данному вопросу.

Для повышения эффективности надзора за искусственным интеллектом и правоохранительными органами статья 57 Проекта-2023 предлагает создать Компетентный национальный орган по искусственному интеллекту, который должен разработать профессиональные технологии для повышения эффективности надзора за ИИ и правоохранительными органами, определить процедуры административного правоприменения в соответствии с законом и создать систему надзора за исполнением административного законодательства.

Вопросы авторского права

В сфере защиты авторских прав для поставщиков услуг Проектом-2024 предлагается ввести правила «Безопасной гавани» (ст. 87 Проекта-2024).

Если пользователь использует службы искусственного интеллекта для совершения нарушения, правообладатель имеет право уведомить поставщика услуг искусственного интеллекта о необходимости принятия таких мер как блокировка подсказок, закрытие или аннулирование учетной записи, нарушающей авторские права. Уведомление должно содержать предварительные доказательства нарушения и достоверную информацию о личности правообладателя.

После получения уведомления поставщик услуг искусственного интеллекта должен незамедлительно направить уведомление соответствующим пользователям и предоставить предупреждение о риске нарушения. Если необходимые меры не будут приняты своевременно, поставщик услуг искусственного интеллекта несет солидарную ответственность с пользователем за причиненный ущерб.

Если поставщик услуг искусственного интеллекта знает или должен знать, что поль-

зователь использует предоставляемую им услугу искусственного интеллекта с целью нарушения гражданских прав других лиц и не принимает необходимых мер, он несет солидарную ответственность с пользователем.

Международное сотрудничество

Важная роль в Проекте-2024 отводится нормам о международном сотрудничестве (в Проекте-2023 этому вопросу посвящены две статьи — о контрмерах и взаимных мерах).

В Проекте-2024 прослеживается стремление Китая быть лидером в определении стандартов ИИ. Этому посвящена статья 78 Проекта-2024: «Китайская Народная Республика придерживается принципа общего, всеобъемлющего, сотрудничества и устойчивого стремления к развитию и безопасности, укрепляет международные обмены и сотрудничество, связанные с управлением искусственным интеллектом, участвует в разработке международных правил и стандартов, связанных с искусственным интеллектом, и продвигает формирование широкого консенсуса. Структура, стандарты и спецификации управления искусственным интеллектом предотвращают риски безопасности искусственного интеллекта и способствуют созданию открытого, справедливого и эффективного глобального механизма управления искусственным интеллектом.

Китайская Народная Республика выполняет свои обязанности постоянного члена Совета Безопасности ООН и активно участвует в глобальном управлении искусственным интеллектом».

И один, и второй проекты закладывают норму о контрмерах: «Если какая-либо страна или регион примет дискриминационные запреты, ограничения или аналогичные меры против китайских граждан или организаций в разработке, предоставлении и использовании искусственного интеллекта, Китайская Народная Республика имеет право принять соответствующие контрмеры» (ст. 79 Проекта-2024). Статья 60 Проекта-2023, посвященная этому же аспекту, именуется «Взаимные меры» и формулирует возможность *ответных мер* при введении «дискриминационных запретов, ограничений или других аналогичных мер против Китайской Народной Республики *в области исследований и разработок, инвестиций, торговли и т.д., связанных с искусственным интеллектом*», то есть более широко.

Контрмерам в понимании Проекта-2023 посвящена ст. 59: «Если зарубежные организации или отдельные лица нарушают законодательство Китайской Народной Республики, законные права и интересы граждан Китайской Народной Республики или ведут деятельность в области исследований и разработок, предоставления или использования искусственного интеллекта, которые угрожают национальной безопасности и общественным интересам Китайской Народной Республики, национальный компетентный орган по искусственному интеллекту может включить его в негативный список, сделать заявление и принять меры по ограничению или запрещению этих исследований и разработок, предоставлению или использованию искусственного интеллекта на территории Китайской Народной Республики в соответствии с законом».

Стоит отметить, что проектируемые нормы как никогда актуальны в период технологических войн США с Китаем. Так, например, обсуждаемый в настоящее время в Конгрессе США проект Закона о разделении возможностей искусственного интеллекта в Америке и Китае от 2025 года (*S. 321 — The "Decoupling America's Artificial Intelligence Capabilities from China Act of 2025")* предполагает ввести запрет на ввоз в Соединенные Штаты искусственного интеллекта или технологий генеративного искусственного интеллекта, интеллектуальной собственности, разработанной или произведенной в Китайской Народной Республике, а также запрет на экспорт, реэкспорт или передачу внутри страны технологий искусственного интеллекта или генеративного искусственного интеллекта, интеллектуальной собственности в Китайскую Народную Республику или на ее территорию. В случае принятия законопроекта эти действия будут криминализованы, лица, их совершившие будут подлежать уголовной ответственности. Наказуемыми, а также подлежащими признаются также связанные с КНР разработки, исследования и передача их результатов — проектируемые нормы предлагают штрафы до 1 млн долларов в качестве уголовного наказания, а также взыскания ущерба в рамках искового производства и штрафы в размере до 1 млн долл. в отношении физических лиц и до 100 млн долл. — в отношении юридических лиц. Гражданам США предлагается запретить участие в деятельности или финансировании китайских организаций, занимающихся исследованиями и разработками в области искусственного интеллекта[21].

Важно отметить и дружеское отношение, демонстрируемое ст. 80 Проекта-2024: «Китайская Народная Республика оказывает иностранную помощь посредством экономических, технологических, материальных, кадровых, управленческих и других средств, чтобы преодолеть разрыв в разведке и управленче-

[21] URL: https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/321/text/is.

ском потенциале в развивающихся странах и способствовать международному развитию».

Статья 81 Проекта-2024 посвящена борьбе с преступностью: «Китайская Народная Республика осуществляет международное сотрудничество в области правоохранительной деятельности и правосудия с другими странами, регионами и международными организациями в соответствии с договорами и соглашениями, которые она заключила или в которых участвовала, либо в соответствии с принципами равенства и взаимности.

Государство углубляет и расширяет рабочий механизм сотрудничества правоохранительных органов иностранных государств, совершенствует систему и механизм судебной помощи, содействует системе и механизму продвижения международного сотрудничества в области правоохранительной деятельности и правосудия, а также предотвращает и борется с терроризмом, экстремизмом и транснациональными преступными группировками, незаконно использующими технологии искусственного интеллекта».

Выводы

1. С опорой на принципы деятельности, связанной с искусственным интеллектом, также описанные в нормах проектов (ориентирование на людей, подотчетности в сфере безопасности, честности и справедливости, прозрачности и объяснимости, добросовестного использования), в проектах предусмотрен ряд важных прав и интересов пользователей. При этом в Проекте-2024 эти права вынесены в отдельную главу, что представляется более удачным решением, нежели их разброс их по статьям об обязанностях производителей и поставщиков, как это реализовано в Проекте-2023.

2. Проект-2024 включил в отдельную главу нормы о специальных сценариях применения ИИ, к которым отнес использование искусственного интеллекта государственными органами; судебный искусственный интеллект; новости, создаваемые искусственным интеллектом; медицинский искусственный интеллект; социальных роботов; биометрию; автономное вождение; социальный кредит (рейтинг или скоринг), а также требования к общему искусственному интеллекту. В этом перечне отражены самые актуальные направления использования искусственного интеллекта. При этом, на наш взгляд, обращает на себя внимание отсутствие такой важнейшего сценария как «искусственный интеллект в образовании».

3. Исследование предлагаемых Проектом-2024 специальных сценариев в контексте уже принятых в Китайской Народной Республике нормативных правовых актов, позволяет констатировать исключительно общий характер проектируемых норм относительно специальных сценариев и вместе с тем сделать вывод о том, что практически каждый из них требует либо отраслевого закона, либо подзаконного нормативного правового акта, но не отменяет необходимости определения общих принципов регулирования этих сценариев в рамках комплексного закона.

4. Разделы о юридической ответственности содержат составы административных правонарушений; санкции за их совершение и факторы, которые следует учитывать при их назначении; дифференцируют ответственность поставщиков услуг искусственного интеллекта и пользователей; предлагают решение вопроса об ответственности разработчиков базовой модели ИИ, а также страхования ответственности; предусматривают условия освобождения от ответственности и наказания, надзора за искусственным интеллектом и правоохранительными органами.

5. Представляются взвешенными проектируемые нормы в сфере защиты авторских прав.

6. Отвечают текущей ситуации конкурентной борьбы с США нормы о контрмерах, в уважительном ключе сформулированы нормы о международном сотрудничестве и помощи другим странам, отмечается стремление расширять завоеванные позиции в международной стандартизации технологий искусственного интеллекта.

7. В качестве общего вывода отметим, что учет положений законопроектов, разработанных в Китайской Народной Республике, наряду с принятыми в 2024 году Законом ЕС об ИИ, 28 мая 2025 года в Японии Законом о содействии исследованиям, разработке и использованию технологий искусственного интеллекта («Закон о содействии использованию ИИ»)[22], а также прошедшем первое чтение 14 мая 2025 г. проектом Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте»[23] является критически важным для разработки комплексного нормативно-правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации.

[22] URL: https://zelojapan.com/en/lawsquare/56899#:~:text=On%2028%20May%202025%2C%20Japan's%20Diet%20passed%20the%20Act%20on,statute%20dedicated%20exclusively%20to%20AI.

[23] URL: https://mazhilis.parlam.kz/ru/multimedia-center/news/16829/.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Сапкеев Д. В. Философско-правовые и этические аспекты организации «умного суда»: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. — 2023. — Вып. 3. — С. 70—76.

2. Мяханова А. Н., Эрхитуева Т. И. Формирование социального рейтинга: китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2024. — Вып. 3. — С. 38—43.

3. Побережная О. Е., Притульчик Е. И. Социально-правовая защита личного пространства граждан и системы социального рейтинга // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3—4 окт. 2019 г.). — Минск : Белорусский государственный университет, 2019. — С. 246—251.

4. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации / В. В. Гончаров, Е. Г. Петренко, А. А. Борисова [и др.] // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 3. — С. 78—91. — DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.

5. Тихонова П. В Китае открылась первая в мире больница с виртуальными врачами и искусственным интеллектом // Hi-tech. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/126599-v-kitae-otkrylas-pervaya-v-mire-bolnica-s-virtualnymi-vrachami-i-iskusstvennym-intellektom/.

6. Фоков А. П. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 8 (135). — С. 119—124.

7. Цзя Шаосюе. Автономное вождение в цифровую эпоху и правовая охрана: китайский опыт и пути развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 357—379. — DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.357.379.

REFERENCES

1. Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Sapkeyev D. V. Philosophical, Legal and Ethical Aspects of "Smart Court" Organization: The Chinese Experience. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya = Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2023, iss. 3, pp. 70—76. (In Russian).

2. Myakhanova A. N., Erkhitueva T. I. Development of a Social Rating System: The Chinese Experience. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research*, 2024, iss. 3, pp. 38—43. (In Russian).

3. Poberezhnaya O. E., Pritulchik E. I. Social and Legal Protection of the Personal Space of Citizens and the Social Rating System. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus kak sotsialnogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 3—4 oktyabrya 2019 g.* [The Constitutional and Legal Foundations of the Development of the Republic of Belarus As A Social State In Modern Conditions. Materials of International Research Conference, Minsk, 2019, October, 3—4]. Minsk, The Belarusian State University Publ., 2019, pp. 246—251. (In Russian).

4. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A. et al. The system of social trust (social rating) in China: Problems and prospects of implementation in the Russian Federation. *Administrativnoe i municipalnoe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2023, no. 3, pp. 78—91. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.

5. Tikhonova P. *The World's First Hospital with Virtual Doctors and Artificial Intelligence Has Opened in China*. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/126599-v-kitae-otkrylas-pervaya-v-mire-bolnica-s-virtualnymi-vrachami-i-iskusstvennym-intellektom/. (In Russian).

6. Fokov A. P. Electronic Justice in the People's Republic of China: Digital Reality and the Organization of a "Smart Court".*Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ehkonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 2021, no. 8 (135), pp. 119—124. (In Russian).

7. Jia Shaoxue. Autonomous driving in the digital age and legal protection: Chinese experience and development paths. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 357—379 (In Russian). DOI:10.17323/2072-8166. 2023.4.357.379.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шейкин Артем Геннадьевич (Москва) — кандидат экономических наук, сенатор Российской Федерации, первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, e-mail: sheykin.art@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sheikin, Artem G. (Moscow) — Cand. Sci (Economic), Senator of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Committee on Constitutional Legislation and State Building at the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Postgraduate Student, All-Russian State University of Justice (2/1 Azovskaya St., Moscow, Russia, 117638, e-mail: sheykin.art@gmail.com).

УДК 004.8:346.544.2

М. В. Самарцева
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0007-5628-366X
ResearcherID: MVY-2674-2025

МАРКИРОВКА РЕЗУЛЬТАТОВ, АВТОНОМНО СОЗДАВАЕМЫХ ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 57—67.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.5.57-67
Дата поступления 10.05.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема маркировки контента, созданного генеративным искусственным интеллектом (ИИ), с целью обеспечения прозрачности и предотвращения возможных правовых и этических рисков. Автор анализирует сложность разграничения произведений, созданных человеком, и результатов, сгенерированных с помощью технологий искусственного интеллекта, а также приводит примеры спорных случаев, таких как проект по генерации изображений Николая Иронова и дипфейки, например, использование синтезированного голоса актрисы Алены Андроновой. В статье изучаются и международные подходы к регулированию этой области, включая законодательные инициативы Европейского Союза, Китая, США и Италии. Особое внимание уделено юридическим рискам, связанным с использованием результатов, созданных при помощи технологий искусственного интеллекта, и таким вопросам маркировки, как информирование пользователей о процессе создания контента (process-based) и предотвращение введения общественности в заблуждение (impact-based) для снижения рисков нарушения интеллектуальных прав третьих лиц. Подчеркивается необходимость внедрения маркировки (в том числе метаданных и водяных знаков) не только для изображений, но и для аудио- и видеоконтента, чтобы минимизировать риски дезинформации и мошенничества. Кроме того, автор обращает внимание на важность разработки соответствующего правового регулирования в Российской Федерации, предлагая закрепить общее правило о маркировке результатов, создаваемых с использованием технологий искусственного интеллекта, и внедрить его в различные сферы применения технологий ИИ. В качестве примера предлагается аналогия с подходом видеохостинга YouTube, где пользователь обязан отмечать факт создания контента с использованием ИИ. Предлагается закрепить обязанность по маркировке за пользователем или разработчиком системы ИИ в случае отсутствия автоматической маркировки. В статье также приводятся конкретные предложения по разработке нормативных положений для включения в проект Федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Генеративный искусственный интеллект, маркировка контента, метаданные, водяные знаки, дипфейк, синтетический контент, органический контент, закон об искусственном интеллекте, ответственность пользователей, дезинформация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Самарцева В. М. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 57—67. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.5.57-67.

UDC 004.8:346.544.2

M. V. Samartseva
Russian State Academy of Intellectual Property (RSAIP), Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0007-5628-366X
ResearcherID: MVY-2674-2025

LABELING OF RESULTS GENERATED AUTHONOMOUSLY BY GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 57—67.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.5.57-67
Received 10.05.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The article examines the problem of labeling content created by generative artificial intelligence (AI) in order to ensure transparency and prevent possible legal and ethical risks. The author analyzes the complexity of distinguishing between human-made works and results generated using artificial intelligence technologies, and also provides examples of controversial cases, such as the Nikolai Ironov image generation project and deepfakes, for example, the use of the synthesized voice of actress Alena Andronova. The article also examines international approaches to regulating this area, including legislative initiatives of the European Union, China, the USA and Italy. Special attention is paid to the legal risks associated with the use of results created using artificial intelligence technologies, and labeling issues such as informing users about the content creation process (process-based) and preventing public deception (impact-based) to reduce the risks of intellectual property infringement by third parties. It highlights the need to introduce labeling (including metadata and watermarks) not only for images, but also for audio and video content in order to minimize the risks of misinformation and fraud. In addition, the author draws attention to the importance of developing appropriate legal regulation in the Russian Federation, suggesting that a general rule on labeling results created using artificial intelligence technologies should be established and implemented in various fields of application of AI technologies. As an example, an analogy is proposed with the YouTube video hosting approach, where the user is required to mark the fact of creating content using AI. It is proposed to assign the labeling obligation to the user or developer of the AI system in the absence of automatic labeling. The article also provides specific proposals for the development of regulations for inclusion in the draft Federal Law "On the Regulation of Artificial Intelligence Systems".

KEYWORDS Generative artificial intelligence, content labeling, metadata, watermarks, deepfake, synthetic content, organic content, artificial intelligence law, user responsibility, disinformation.

FOR CITATION Samartseva M. V. Labeling of Results Generated Authonomously by Generative Artificial Intelligence. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 57–67. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.5.57-67.

Практика показывает, что различить авторское произведение и результат, сгенерированный искусственным интеллектом[1], зачастую довольно сложно, а иногда невозможно, если речь идет, к примеру, о сопоставлении результата «работы» генератора изображений и художественного произведения, созданного человеком с помощью графического редактора. В целях определения источника используются различные технические средства, например, анализ метаданных файла, содержащие название приложения, в котором был создан такой результат, или специальное программное обеспечение.

Обозначенная сложность может быть недобросовестно использована, что применительно к частноправовой сфере способно повлечь нарушение субъективных прав граждан и юридических лиц.

Примером этого может стать широко известный случай Николая Иронова[2] — основанного на ИИ генератора изображений, который выдавался студией Артемия Лебедева за дизайнера-человека (для чего было специально придумано «человеческое» имя, создана страница с портфолио). Студия вела этот проект в условиях строгой секретности и только через год после «работы» генератора изображений тайна была раскрыта.

В описании генератора изображений указывалось, что он создает изображения логотипов на основе текстового описания, причем можно ограничиться указанием названия компании и ссылкой на веб-страницу, где содержится описание этой компании [4]. После генерации ИИ-изображения с помощью ряда алгоритмов результат масштабируется, упрощается дизайн (для целей использования изображения именно в качестве логотипа), создаются различные цветовые варианты и шрифты. Формат «экспресс-дизайна», в котором «работал» генератор изображений, допускает возможность доработки и внесение правок заказчиком (пользователем), хотя, по утверждению самих пользователей, эта возможность крайне ограничена — серьезную «доработку» избранного пользователем варианта изображения осуществляет, по сути, сам ИИ. На момент разоблачения Николай Иронов сгенерировал 17 коммерческих проектов по заказам пользователей.

Проведя правовой анализ уже после раскрытия того факта, что Николай Иронов не является дизайнером-человеком, Е. Попонина пришла к выводу о существовании множества юридических рисков при использовании этого генератора изображений для создания логотипов [6]. Прежде всего автор отметила неопределенность в части того, кто становится правообладателем изображения. Этот вопрос вовсе не получает ответа, хотя заказчику (пользователю генератора изображений) предлагается исключительная лицензия на весь срок правовой охраны изображения, созданного Николаем Ироновым, с запретом на передачу права использования другим лицам, причем, как подчеркивает Е. Попонина, заказать создание изображения логотипа может только физическое лицо: «Вы не сможете выдать лицензию, заключить договор франшизы или иным способом предоставить право использования логотипа другому лицу. Договор отчуждения тоже не заключите» [6]. Но особо примечателен, на взгляд Е. Попониной, раздел, посвященный ответственности, проанализированный ею подробнее. В этом разделе, в частности, закреплялось отсутствие гарантий в отношении того, что при использовании логотипа не будут нарушены интеллектуальные права третьих лиц — это, по мнению Е. Попониной, свидетельствует о вероятности предоставления пользователю-заказчику результатов, созданных неизвестным автором (а не генеративным ИИ), что ставит вопрос о необходимости согласования переработки предложенного результата непосредственно с его автором-создателем. Кроме того, в разделе об ответственности указывается, что созданный Николаем Ироновым логотип может содержать элементы логотипа, который Иронов сгенерировал для другого лица, и не гарантируется возможность использования сгенерированного логотипа в качестве средства индивидуализации — это, на взгляд Е. Попониной,

[1] Далее также — ИИ.
[2] URL: https://ironov.artlebedev.ru/.

подтверждает сложности использования сгенерированного объекта в качестве логотипа ввиду отсутствия информации относительно источника происхождения (получения) изобразительной части, что влечет серьезный риск оспаривания в случае его регистрации в качестве товарного знака. В заключении раздела об ответственности указывалось, что студия не возмещает ущерб и убытки.

Обозначенные вопросы дополнительно свидетельствуют в пользу актуальности проблематики проводимого нами исследования, подтверждая при этом и потребность в разрешении практического вопроса маркировки результатов, автономно сгенерированных ИИ.

Необходимость маркировки не только изображений, создаваемых ИИ, но и аудио- и видеоконтента, генерируемого ИИ, актализирует все большее распространение так называемых дипфейков (*англ.* deepfakes), представляющих собой «преднамеренно искаженные аудио, видео или иные файлы с использованием технологии глубокого обучения (определение, производное от словосочетания «deep learning» — глубокое обучение, «fake» — подделка), которые изображают что-то вымышленное или ложное, что позволяет злоумышленникам использовать новый и сложный инструмент социальной инженерии» [1, с. 74—77]. Так, например, яркими примерами дипфейков с широким охватом аудитории на международном уровне стали публикации в сети поддельных фотографий папы Римского[3] взрыва у Пентагона[4] весной 2023 года.

Важно заметить, что один и тот же термин «дипфейк» употребляется для обозначения как самой этой технологии ИИ (основанная на ИИ технология синтеза изображения или голоса, которая может использоваться в добросовестных, общественно полезных целях, например, при «возвращении» голоса людям, его потерявшим, или производстве кинофильмов [8, p. 12—17]), так и вводящего в заблуждение (то есть собственно фейкового) контента, который производится с помощью такой технологии, что нуждается в изменении. В целях настоящего исследования далее данное понятие будет рассматриваться во втором своем значении.

Применительно к дипфейкам в литературе также довольно часто озвучивается потребность в маркировке контента, создаваемого ИИ или с помощью ИИ. Например, Е. М. Корних обращает внимание на необходимость разработки и тестирования механизмов для создания алгоритма, который будет отслеживать и верифицировать контент, сформированный при использовании дипфейк-технологий, в первую очередь для противодействия созданию и распространению дипфейков. Он отмечает, что «верификация материалов, которые размещаются в сети, на предмет нахождения в них дипфейков, также является одним из возможных решений» среди мер по противодействию вредоносным дипфейк-технологиям» [3, с. 62—67].

Значимость маркировки аудио- и видеоконтента, генерируемого ИИ, проявляется на примере следующего, получившего широкий резонанс в России, дела актрисы дубляжа Алены Андроновой, которая по договору предоставила образцы своего голоса для обучения цифрового помощника и работы колл-центра «Т-Банк» (ранее — «Тинькофф Банк»). Впоследствии актриса обнаружила, что названный банк на своем сайте предлагает всем желающим «цифровой клон» для озвучивания ее голосом любого текста — это выяснилось после того, как ее голосом был озвучен ряд порнографических и иных неблаговидных видеоматериалов в интернете. Актриса не давала письменного согласия на синтезирование ее голоса, вследствие чего предоставление банком возможности неопределенному кругу лиц использовать синтезированный голос актрисы не охватывалось договором. При этом использование голоса актрисы в упомянутых аудио- и видеозаписях нанесли ущерб ее чести, достоинству и деловой репутации, а также повлекли для нее финансовый ущерб. Возложение на банк обязанности маркировать все генерации ИИ по синтезированию голоса, по всей видимости, серьезно снизило бы вероятность подобного случая.

«В основе необходимости маркировки такого контента лежат два концептуальных различия. Первое основано на процессе создания контента и второе — на предупреждении последствий», — отмечает Д. Каспарьянц [2].

В аналитическом обзоре «Маркировка контента, созданного с помощью искусственного интеллекта: эффект, опасности и будущие направления» [9] *(Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Direction*, далее — Отчет), выпущенном Массачусетским технологическим институтом (MIT) в 2023 году, отмечалось, что маркировка — это часто предлагаемая стратегия снижения ри-

[3] Fake photos of Pope Francis in a puffer jacket go viral, highlighting the power and peril of AI // CBS News. 2023. 28 March. URL: https://www.cbsnews.com/news/pope-francis-puffer-jacket-fake-photos-deepfake-power-peril-of-ai/.

[4] Как дипфейк взрыва у Пентагона повлиял на фондовый рынок // Новости технологий, обзоры цифровой техники. 2023. 24 мая. URL: https://www.ferra.ru/news/techlife/kak-dipfeik-vzryva-u-pentagona-povliyal-na-fondovyi-rynok-24-05-2023.html.

сков генеративного ИИ, которая предполагает применение видимых предупреждений пользователей о присутствии в сети контента, сгенерированного ИИ (например, в социальных сетях, на новостных сайтах или в поисковых системах) [9, p. 1]. Здесь надо подчеркнуть, что базовыми инструментами для маркировки стали метаданные (англ. *metadata*) и водяные знаки (англ. *watermarks*), которые давно используются для фиксации информации об авторе изображений и фотографий.

В Отчете подчеркивается, что несмотря на малочисленность прямых доказательств эффективности маркировки контента, сгенерированного ИИ, обширная научная литература свидетельствует в пользу того, что предупреждающие надписи могут существенно снизить доверие общественности к контенту, развенчанное профессиональной проверкой фактов. При этом в Отчете подчеркивается, что у маркировки, связанной с генеративным ИИ, может быть две цели, которые служат мотивацией.

Первая цель — это цель, которая сфокусирована исключительно на технических процессах (англ. *process-based*), с помощью которых контент был создан и (или) изменен. С этой точки зрения, основная функция маркировки —информирование пользователей о том, как был создан тот или иной контент: с использованием или без использования инструментов генеративного ИИ. В связи с этим подчеркивается: «Для достижения этой цели процесс маркировки может быть направлен на идентификацию и маркировку любого контента, который был создан или отредактирован с помощью технологии генеративного ИИ, независимо от его формата (например, видео, аудио или изображение), области (например, политика, искусство или наука) или возможного влияния на убеждения и поведение зрителей» [9, p. 3].

Вторая цель, напротив, основана на воздействии (англ. *impact-based*) контента и сосредоточена на потенциальном вреде, который он может причинить. Для достижения этой цели необходимо уменьшение вероятности того, что созданный ИИ контент вводит общественность в заблуждение или обманывает ее (здесь даже не столь значимо, создан контент с использованием ИИ или без него). Причем опасения по поводу обмана могут относится к очень широкому круг областей: это не только политическая сфера, но и «обычное» мошенничество и аферы, создание сексуальных образов без согласия потерпевших и проч. В связи с этим усилия по маркировке должны быть нацелены на определение степени вероятности того, что контент может ввести публику в заблуждение — именно обеспокоенность дезинформацией обычно лежит в основе призывов к маркировке созданного ИИ контента.

Хотя эти две цели не являются взаимоисключающими, они четко различимы. Причем, как подчеркивается в Отчете, сегодня предпочтение отдается первому подходу, основанному на *process-based*. Это объясняется, в частности, тем, что в практическом ключе может быть довольно сложно определить, является ли контент истинным или ложным — платформам гораздо проще и надежнее оценить процесс, с помощью которого контент был создан (с использованием или без использования инструментов генеративного ИИ).

Надо признать, что в большинстве юрисдикций сегодня активно обсуждается, а зачастую и разрешается вопрос введения маркировки результатов, созданных ИИ, причем нередко — для достижения обеих обозначенных целей. С другой стороны, важно понимать, что наилучшим подходом в решении любой задачи будет сбалансированный подход. Применительно к маркировке контента важно определение того, нужна ли маркировка контенту, созданному с помощью ИИ вообще, а если нужна, то необходимо выбрать наиболее эффективные способов маркировки. В связи с растущей обеспокоенностью от масштабов фейкового контента было отмечено, что «предупреждающие метки более эффективны, когда они имеют больший охват и конкретность, более заметны для пользователей и исходят из источников с высоким уровнем доверия, таких как эксперты» [7].

Для настоящего исследования значимостью обладает разработка законодательства, посвященного первой цели. Причем необходимо подчеркнуть, что несмотря на простоту и логичность отделения контента, сгенерированного ИИ (его принято обозначать термином «синтетический»), от созданного человеком контента (для которого используется термин «органический»), технически — это сложно реализуемая задача [5].

Довольно удачное решение обозначенной проблеме разграничения синтетического и органического контента предложено в законодательстве ЕС. В ст. 50 Закона ЕС об ИИ[5]

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // European Union. Access to European Union law. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689.

предусмотрен ряд правил, которые возлагают на производителей и разработчиков систем ИИ обязанности, нацеленные на обеспечение прозрачности для (определенных) систем ИИ.

Среди прочего производители должны гарантировать, что системы ИИ, предназначенные для непосредственного взаимодействия с физическими лицами, спроектированы и разработаны таким образом, чтобы соответствующие физические лица были проинформированы о том, что они взаимодействуют с системой ИИ, если только это не очевидно с точки зрения физического лица, которое достаточно хорошо информировано, наблюдательно и осмотрительно, принимая во внимание обстоятельства и контекст использования (п. 1 ст. 50 Закона ЕС об ИИ). При этом производители ИИ, генерирующего синтетический контент (аудио-, графические, видео- или текстовые объекты), должны обеспечить добавление в этот контент машиночитаемых меток о том, что контент сгенерирован ИИ (контент сгенерирован ИИ или обработан ИИ). Эта обязанность не распространяется на случаи, когда ИИ выполняют вспомогательную функцию стандартного редактирования или существенно не изменяют входные данные, предоставленные пользователем (или случаи, когда это разрешено законом для обнаружения, предотвращения, расследования или преследования уголовных преступлений) (п. 2 ст. 50 Закона ЕС об ИИ).

Разработчики системы ИИ, которая генерирует или манипулирует изображением, аудио- или видеоконтентом, представляющим собой дипфейк, должны раскрыть, что контент был искусственно создан или сфальсифицирован. Разработчики системы ИИ, которая генерирует или манипулирует текстом, опубликованным с целью информирования общественности по вопросам, представляющим общественный интерес, должны раскрыть, что текст был искусственно сгенерирован. Обозначенные обязанности не распространяются, в частности, на случаи, когда использование разрешено законом для обнаружения, предотвращения, расследования или преследования уголовного преступления (п. 4 ст. 50 Закона ЕС об ИИ).

Примечательно, что в силу п. 5 ст. 50 Закона ЕС об ИИ обозначенная выше информация должна быть предоставлена заинтересованным физическим лицам (пользователям) в ясной и различимой форме не позднее, чем в момент первого взаимодействия или воздействия на них, причем она должна соответствовать применимым требованиям доступности.

Названные положения находят отражения в национальных законодательствах стран-членов ЕС.

В частности, внести схожие положения планируется в итальянское законодательство. Так, Законопроектом XIX Законодательного Собрания № 1146, посвященным вопросам ИИ[6], представленным в Сенат 20 мая 2024 г. председателем Совета Министров (Мелони) и министром юстиции (НОРДИО), планируется включить положения об идентификации текстового, фотографического, аудиовизуального и радиоконтента, созданного системами ИИ. При этом в «Сводном законе о предоставлении аудиовизуальных медиауслуг» предусмотрены меры, направленные на содействие идентификации и распознаванию ИИ при создании текстового, фотографического, аудиовизуального и радиоконтента: контент, который был полностью или частично создан, модифицирован или изменен ИИ таким образом, чтобы представлять как реальные данные, факты и информацию, которые таковыми не являются, должен иметь идентифицирующий элемент или признак, включая водяной знак или маркировку, включенную с аббревиатурой «ИИ» или, в случае аудио, посредством звуковых объявлений или с помощью технологий, подходящих для обеспечения возможности распознавания. Исключением из этой маркировки являются явно творческие, сатирические, художественные или вымышленные произведения или программы, без ущерба для защиты прав и свобод третьих лиц. Меры по реализации определяются конкретными правилами AGCOM (итал. *L'Autorità per le Garanzie nelle Comunicazioni* — независимый орган регулирования связи, созданный в соответствии с Законом 249 от 1997 года). Помимо указанного, предусматривается дополнение Закона об авторском праве[7] специальными правилами для произведений, созданных с помощью ИИ, которые обеспечат идентификацию произведений и других материалов, использование которых прямо не защищено.

Важно отметить различия в подходах к правовому регулированию ИИ, которое демонстрируют ЕС и некоторые страны-члены ЕС, такие как, например, Франция, Германия, Италия. Обращая внимание на то обстоятельство, что Закон об ИИ изначально предпола-

[6] Законопроект XIX Законодательного Собрания № 1146 в области искусственного интеллекта. URL: https://www.governo.it/it/articolo/comunicato-stampa-del-consiglio-dei-ministri-n-78/25501.

[7] Закон № 633 от 22 апреля 1941 г. «Об охране авторских и смежных прав» (с изменениями в соответствии с Декретом-законом № 142 от 21 сентября 2022 г.), Италия. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21564.

гался обязательным только для крупных поставщиков ИИ (происходящих в основном из США), названные страны предостерегают от создания явного конкурентного преимущества по сравнению с мелкими поставщиками ИИ, действующими в Европе, что в итоге может привести к снижению уверенности в безопасности услуг мелких игроков на рынке и, следовательно, к уменьшению числа их клиентов. Исходя из позиции, что правила поведения и прозрачность должны быть обязательными для всех, Германия, Италия и Франция выступили против регулирования базовых моделей, поддержав «обязательное саморегулирование через кодексы поведения», подчеркнув, что «неотъемлемые риски заключаются в применении систем ИИ, а не в самой технологии»[8].

В феврале 2021 года в целях борьбы с дезинформацией и фейками в Интернете была создана Коалиция по проверке подлинности и достоверности контента (*C2PA*)[9]. Коалиция C2PA представляет собой объединение вокруг инициативы *Adobe* под названием *Content Authenticity Initiative (CAI)*, которая фокусируется на системах обеспечения подлинности цифровых медиа, и *Project Origin*, проекта под руководством Microsoft и BBC, который был разработан для борьбы с дезинформацией в экосистеме цифровых новостей. Так, C2PA борется с распространением вводящей в заблуждение информации в Интернете путем разработки технических стандартов для сертификации источника и истории (или происхождения) медиаконтента.

В марте текущего года в Китае была обнародована Директива о маркировке материалов, созданных или составленных с помощью ИИ, которая вступит в действие с сентября 2025 года[10]. Директива предусматривает маркировку созданного ИИ онлайн-контента на всех этапах его производства и распространения, предъявляя требование, чтобы поставщики ИИ-услуг добавляли «видимые знаки к своему контенту в соответствующих местах». При этом закрепляется, что ни одна организация или частное лицо не вправе удалять, изменять, фальсифицировать или скрывать предусмотренные директивой идентификационные метки.

С 10 января 2023 г. в Китае «Положением о глубоком интегрированном управлении информационными интернет-услугами» была введена обязательность маркировки любых цифровых продуктов, созданных ИИ, с целью нивелировать распространение незаконной информации, клеветы и подмены личностей[11], что в первую очередь связывалось с производством дипфейков (первые правила о необходимости маркировать фейковые новости и дипфейки, были введены в Китае еще в 2019 году). При этом компании, предоставляющие синтезированный с помощью ИИ контент, обязаны вносить информацию о таком контенте в специальный реестр.

30 октября 2023 г. президентом США был подписал указ, предписывающий разработку эффективных механизмов для обеспечения происхождения контента, чтобы можно было определять, «когда контент создается с использованием ИИ, а когда нет. Эти действия обеспечат жизненно важную основу для подхода, который устраняет риски ИИ, не уменьшая его преимущества»[12].

В ноябре 2024 г. в США был представлен законопроект «О защите и целостности контента от редактированных и дипфейк медиа»[13] *(S. 4674 — Content Origin Protection and Integrity from Edited and Deepfaked Media Act of 2024 или COPED Act)*, направленный на борьбу с дезинформацией и манипуляциями в цифровом пространстве. Он устанавливает общий запрет на использование в коммерческих целях контента, происхождение которого неизвестно другим лицам, и предлагает обязательную маркировку ИИ-контента (раздел 6.6). Согласно его положениям платформы обязаны внедрять технологии, позволяющие автоматиче-

[8] Exclusive: Germany, France and Italy reach agreement on future AI regulation // Reuters. 2023. Nov. 21. URL: https://www.reuters.com/technology/germany-france-italy-reach-agreement-future-ai-regulation-2023-11-18/.

[9] An open technical standard providing publishers, creators, and consumers the ability to trace the origin of different types of media. URL: https://c2pa.org/.

[10] Власти Китая выпустили директиву по маркировке созданного искусственным интеллектом онлайн-контента // ИА Синьхуа. 2025. 15 марта. URL: https://russian.news.cn/20250315/eb4a7f669a42476f9462e7ed3f5c8042/c.html.

[11] Cyberspace Administration of China. URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949318230.htm.

[12] Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence: A Presidential Document by the Executive Office of the President on 11/01/2023. URL: https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283/safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence.

[13] S.4674 — Content Origin Protection and Integrity from Edited and Deepfaked Media Act of 2024. URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/4674.

ски определять и маркировать редактированные или дипфейк материалы; социальные сети и другие онлайн-сервисы должны разработать и внедрить политику, касающуюся управления контентом, а также создать инструменты для пользователей, позволяющие проверять подлинность информации; а пользователи могут сообщать о подозрительном контенте. В качестве мер ответственности законопроект предусматривает значительные штрафы, а также меры судебного характера (раздел 7.7).

Примечательно, что почти одновременно Гильдия авторов США (*US Authors Guild*) вышла с инициативой сертифицировать книги, написанные людьми, а не ИИ (за исключением минимальных, тривиальных случаев использования, таких как приложения ИИ, проверяющие орфографию и грамматику, или для мозгового штурма или исследований)[14]. Гильдия планирует вносить такие книги в свою базу данных, доступ к которой получит любой желающий. Этот проект сертификации работ, созданных творческим трудом человека (и получивший название *Human Authored Certification*), нацелен на то, чтобы предоставить авторам возможность «выделить свою работу на все более насыщенном рынке ИИ».

В мае 2025 г. в Казахстане был принят закон «Об искусственном интеллекте»[15], закрепляющий право граждан на защиту персональных данных, на информирование о работе ИИ, а также возможность оспаривать автоматизированные решения. Кроме того, он предусматривает обязанность владельца систем ИИ осуществлять, среди прочего, управление рисками систем ИИ, принимать меры для обеспечения безопасности и надежности систем ИИ, квалифицируемых по степени риска (от минимальной до высокой), а также по уровню автономности (помощники, полуавтономные и полностью автономные). Статья 22 указанного закона предусматривает информирование пользователей «путем предоставления четкой, доступной и однозначной предупреждающей информации, без применения методов, затрудняющих восприятие пользователем указанной информации», запрет на автоматическую генерацию дипфейков, а также ответственность владельцев систем ИИ за нарушения.

В России вопрос о введении обязательной маркировки контента поднимался не единожды.

Так, в 2023 г. Российский технологический университет (РТУ МИРЭА) обратился с письмом[16] к главе Министерства цифрового развития РФ М. И. Шадаеву с просьбой ввести обязательную маркировку контента, созданного с помощью нейросетей, а также подготовить программу защиты критически важной инфраструктуры от возможных кибератак с использованием таких систем. В 2024 г. прошла информация, что в Государственной думе «уже ведется разработка концепции закона о маркировке контента, созданного при помощи нейросетей, в частности, изучается законодательный опыт других стран, идут консультации с экспертами, работа над формулировками базовых дефиниций»[17]. При этом подчеркивалось, что маркировка контента должна стать первым шагом в законодательном регулировании этой сферы[18], что объяснялось следующим: «Наверное, не менее половины аудиовизуального контента в социальных сетях на сегодняшний день является продуктом нейросетевой генерации, практически неотличимой от фотографий, аудио или видео, созданного людьми»[19]. В мае 2025 года к премьер-министру РФ М. В. Мишустину обратился директор Института социально-экономического анализа и программ развития (ИСАПР) с предложением «обязать физические и юридические лица маркировать контент, созданный с использованием технологий ИИ при его размещении в сети Интернет»[20].

---

[14] Human Authored Certification. Distinguish human creativity in an increasingly AI world // US Authors Guild. URL: https://authorsguild.org/human-authored.

[15] Досье на проект Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» (январь 2025 года). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071&pos=5;-88#pos=5;-88.

[16] Минцифры предложили ввести маркировку контента, созданного с помощью нейросетей // ТАСС. 2023. 15 мая. URL: https://tass.ru/ekonomika/17746919 ; см. также: Российские ученые предложили маркировать произведения нейросетей // Единая Россия. Пермский край. URL: https://permkrai.er.ru/activity/news/rossijskie-uchenye-predlozhili-markirovat-proizvedeniya-nejrosetej.

[17] В Госдуме разрабатывают закон о маркировке контента, созданного нейросетями // РИА Новости. 2024. 14 мая. URL: https://ria.ru/20240514/markirovka-1945757794.html.

[18] Круглый стол фракции «Новые люди» на тему «Мировая ИИ-гонка: стратегия России» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : офиц. сайт. URL: http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/113384/.

[19] В России призвали внедрить единые правила маркирования нейросетевого контента // RT. 2025. 8 апр. URL: https://russian.rt.com/russia/news/1460391-markirovka-pravila-neirosetevoi-kontent.

[20] Правительство попросили обязать юрлица в РФ маркировать созданный ИИ контент // Известия. 2025. 27 мая. URL: https://iz.ru/1892961/2025-05-27/pravitelstvo-poprosili-obazat-urlica-v-rf-markirovat-sozdannyi-ii-kontent.

Изложенное позволяет поддерживать инициативы по разработке в Российской Федерации правового регулирования маркировки результатов, автономно создаваемых ИИ. Вместе с тем, мы склоняемся к тому, что вначале необходимо закрепить общее (рамочное) правило о маркировке таких результатов, которое будет более подробно раскрываться в законодательстве или подзаконных нормативных актах, относящихся к разным сферам применения ИИ (изменения могут коснуться Закона об информации, законодательства о рекламе, о средствах массовой информации, о персональных данных и иных законов, в зависимости от избранной политики в отношении ИИ). Представляется, что маркировка контента может служить двум целям: первая — указать, что контент был создан с использованием ИИ, вторая — показать, что контент может ввести в заблуждение, независимо от того, создан он ИИ или нет.

Применительно к результатам, автономно создаваемым ИИ по запросу пользователя, представляется абсолютно правильной идея маркировки создаваемого генеративным ИИ контента по аналогии с той, что применяет видеохостинг YouTube: при генерации ИИ нового контента пользователь должен отмечать факт его создания[21]. Учитывая, что именно пользователю принадлежит волевой элемент начала генерации ИИ, именно он и должен осуществлять маркировку контента, если она не проставляется автоматически.

Следует отметить, что до перехода в область права, тема маркировки объектов, создаваемых ИИ, затрагивалась во многих документах этического характера.

Так, в США в «Blueprint for an AI Bill of Rights»[22] нашло закрепление следующее указание: «Проектировщики, разработчики и разработчики автоматизированных систем должны предоставлять общедоступную документацию на простом языке, включая четкие описания общего функционирования системы и роли, которую играет автоматизация, уведомления об использовании таких систем, лица или организации, ответственных за систему, и объяснения результатов, которые являются ясными, своевременными и доступными. Такое уведомление должно обновляться, и люди, на которых влияет система, должны быть уведомлены о существенных вариантах использования или ключевых изменениях функциональности».

В Китае были представлены «Пекинские принципы искусственного интеллекта»[23], в пункте 30 которых содержались следующие предложения: «Скорректировать существующие или принять новые нормативно-правовые рамки для обеспечения ответственной разработки и использования инструментов на основе ИИ в области образования и обучения. Содействовать проведению исследований, связанных с этикой ИИ, конфиденциальностью и безопасностью данных, а также с обеспокоенностью по поводу негативного воздействия ИИ на права человека и гендерное равенство».

В России был принят «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» (далее — Кодекс), в пункте 2.5 раздела 2 которого специально предусмотрено: «Акторам ИИ рекомендуется осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с ИИ, когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни, и обеспечивать возможность прекратить такое взаимодействие по желанию пользователя»[24]. На момент подготовки настоящего исследования к Кодексу присоединилось 935 участников, среди которых участники из 51 иностранного государства, что свидетельствует о приверженности большого количества организаций и государств высоким этическим стандартам, обеспечению и защиты прав человека, безопасности, а также прозрачности в сфере ИИ.

В целях практической реализации обозначенных в настоящем исследовании выводов в рамках участия в рабочей группе по разработке проекта[25] Федерального закона «О регулировании систем искусственного интеллекта» автором были сформулированы и

[21] Российские сервисы могут обязать маркировать ИИ-контент // Российская газета. 2024. 27 марта. URL: https://rg.ru/2024/03/27/rossijskie-servisy-mogut-obiazat-markirovat-ii-kontent.html.

[22] Blueprint for an AI Bill of Rights, The White House (Washington) Office of Science and Technology Policy. 2022. p. 40. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Blueprint-for-an-AI-Bill-of-Rights.pdf.

[23] Beijing Consensus on Artificial Intelligence and Education. UNESCO. 2019. p. 39. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000368303.

[24] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 окт. 2021 г.) // Гарант : информ.-правовая система. URL: https://base.garant.ru/406862712/.

[25] Проект закона об ИИ: маркировка вместо защиты авторов // Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности : сайт. URL: https://xn--h1apes.xn--p1ai/about/press/proekt-zakona-ob-ii-markirovka-vmesto-zashity-avtorov.

предложены следующие нормативные положения, носящие рамочный характер:

«3. При использовании систем генеративного искусственного интеллекта в целях создания новых результатов, включая текст, изображения, аудио или видео:

1) такие результаты должны содержать маркировку, указывающую на использование генеративного искусственного интеллекта;

2) при отсутствии автоматически предустановленной маркировки результатов, создаваемых генеративным искусственным интеллектом, обязанность по их маркировке лежит на пользователе системы искусственного интеллекта или на лице, осуществляющем использование таких результатов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игнатенков Г. К. Технология дипфейк как угроза информационной безопасности // Наука. Исследования. Практика : сб. избр. статей по материалам Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 2022). — Санкт-Петербург : Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2022. — С. 74—77.

2. Каспарьянц Д. Маркировка контента, сгенерированного искусственным интеллектом. Обзор // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ». — URL: https://rdc.grfc.ru/2025/04/ai_content/.

3. Корних Е. М. Deepfakes как угроза информационной безопасности // Бюллетень II международной молодежной конференции по информационной безопасности. 24 октября 2024 г. (сб. тезисов). — Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2025. — С. 62—67.

4. Липанова Л. Бесконечный диапазон логотипов за секунды: «Студия Артемия Лебедева» рассказала, как работает нейросеть «Николай Иронов» // vc.ru. — 2020. — 18 июля. — URL: https://vc.ru/design/143096-beskonechnyi-diapazon-logotipov-za-sekundy-studiya-artemiya-lebedeva-rasskazala-kak-rabotaet-neiroset-nikolai-ironov.

5. Маслова О. Мировой бум маркировки контента придет ли в Россию? // vc.ru. — 2023. — 16 нояб. — URL: https://vc.ru/legal/918032-mirovoi-bum-markirovki-kontenta-pridet-li-v-rossiyu#A-chto-v-Rossii-Day-spisat-.

6. Попонина Е. О чем стоит подумать, если вы покупаете логотип в «Студии Артемия Лебедева» // vc.ru. — 2022. — 17 апр. — URL: https://vc.ru/legal/404397-o-chem-stoit-podumat-esli-vy-pokupaete-logotip-v-studii-artemiya-lebedeva.

7. Cameron Martel, Rand David G. Misinformation warning labels are widely effective: A review of warning effects and their moderating features // *Current Opinion in Psychology*. — 2023. — Vol. 54. — DOI:10.1016/j.copsyc.2023.101710.

8. Lalla Vejay, Mitrani Adine, Harned Zach. Artificial intelligence: deepfakes in the entertainment industry // *WIPO Magazine*. — 2022. — № 2. — P. 12—17. — URL: https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/artificial-intelligence-deepfakes-in-the-entertainment-industry-42620.

9. Wittenberg Chloe, Epstein Ziv, Berinsky Adam J., Rand David G. *Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Directions*. — MIT : Schwarzman College of Computing, 2023. — 14 p. — URL: https://computing.mit.edu/wp-content/uploads/2023/11/AI-Policy_Labeling.pdf.

10. Zhong Wei, Sanderson Zeve, Tucker Joshua A. *The Effect of AI Labeling on Perceptions of Images*. — MIT. — 2024. — URL: https://osf.io/zjhd4.

REFERENCES

1. Ignatenkov G. K. Deepfake Technology as a Threat to Information Security. *Nauka. Issledovaniya. Praktika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Saint Petersburg, 2022* [Science. Research. Practice. Themed Collection of Papers from the International Scientific Conferences, Saint Petersburg, 2022]. Saint Petersburg, HNRI National development Publ., 2022, pp. 74—77. (In Russian).

2. Kasparyants D. *Labeling of Content Generated by Artificial Intelligence. Review*. URL: https://rdc.grfc.ru/2025/04/ai_content/. (In Russian).

3. Kornikh E. M. Deepfakes as a threat to information security. *Byulleten 2-i mezhdunarodnoi molodezhnoi konferentsii po informatsionnoi bezopasnosti, 24 oktyabrya 2024. (sbornik tezisov)* [Bulletin of the 2nd International Youth Conference on Information Security, October 24, 2024 (Collection of Abstracts)]. Moscow, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry Publ., 2025, pp. 62—67. (In Russian).

4. Lipanova L. An Endless Range of Logos in Seconds: Artemy Lebedev Studio Explains How The Nikolay Ironov Neural Network Works. *vc.ru*. 2020. 18 July. URL: https://vc.ru/design/143096-beskonechnyi-diapazon-logotipov-za-sekundy-studiya-artemiya-lebedeva-rasskazala-kak-rabotaet-neiroset-nikolai-ironov. (In Russian).

5. Maslova O. Will the Global Boom in Content Labeling Come to Russia? *vc.ru*. 2023. 16 Nov. URL: https://vc.ru/legal/918032-mirovoi-bum-markirovki-kontenta-pridet-li-v-rossiyu#A-chto-v-Rossii-Day-spisat-.(In Russian).

6. Poponina E. What Should You Think About if You Buy a Logo from Artemy Lebedev Studio. *vc.ru*. 2022. 17 Apr. URL: https://vc.ru/legal/404397-o-chem-stoit-podumat-esli-vy-pokupaete-logotip-v-studii-artemiya-lebedeva. (In Russian).

7. Cameron Martel, Rand David G. Misinformation warning labels are widely effective: A review of warning effects and their moderating features. *Current Opinion in Psychology*, 2023, vol. 54. DOI:10.1016/j.copsyc.2023.101710.

8. Lalla Vejay, Mitrani Adine, Harned Zach. Artificial intelligence: deepfakes in the entertainment industry. *WIPO Magazine*, 2022, no. 2, pp. 12—17. URL: https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/artificial-intelligence-deepfakes-in-the-entertainment-industry-42620.

9. Wittenberg Chloe, Epstein Ziv, Berinsky Adam J., Rand David G. *Labeling AI-Generated Content: Promises, Perils, and Future Directions*. MIT, Schwarzman College of Computing, 2023. 14 p. URL: https://computing.mit.edu/wp-content/uploads/2023/11/AI-Policy_Labeling.pdf.

10. Zhong Wei, Sanderson Zeve, Tucker Joshua A. *The Effect of AI Labeling on Perceptions of Images*. MIT, 2024. URL: https://osf.io/zjhd4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самарцева Мария Викторовна (Москва) — руководитель практики интеллектуальной собственности и технологий «Дякин, Горцунян и Партнеры», вице-президент IP CLUB, соискатель ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки в Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС) (117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а, e-mail: mvsamartseva@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samartseva, Maria V. (Moscow) — Head of the Intellectual Property and Technology Practice at Dyakin, Gortsunyan and Partners, Vice President IP CLUB, Candidate of Law degree in the field of 5.1.3 Private Law (Civil Law) Sciences at the Russian State Academy of Intellectual Property (55a Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117279, e-mail: mvsamartseva@yandex.ru).

УДК 347.65

Э. В. Мирзоев
Байкальский государственный университет,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0009-0000-6767-602X
ResearcherID: LKK-2038-2024

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ БИЗНЕСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 68—76.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.6.68-76
Дата поступления 23.01.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования статьи являются проблемные вопросы теории и практики наследования по закону бизнеса, который велся физическим лицом, имеющим статус индивидуального предпринимателя. Анализируются теоретические положения и судебная практика по факту существующих механизмов наследования по закону отдельных видов имущества, в частности, имущественного комплекса, посредством которого велась предпринимательская деятельность. Сравниваются положения действующего российского законодательства относительно особенностей статуса индивидуального предпринимателя и юридического лица, а также правовые механизмы наследования бизнеса в зарубежных странах. Рассматриваются проблемные вопросы, возникающие в оперативной работе бизнеса в случае смерти индивидуального предпринимателя. Выявлено отсутствие эффективных механизмов наследования принадлежавшего при жизни индивидуальному предпринимателю имущественного комплекса, посредством которого осуществлялся бизнес, который позволил бы оперативно продолжить ведение бизнеса. Актуализируется проблема целесообразности введения преимущественного права наследования отдельных видов имущества индивидуального предпринимателя по аналогии со ст. 1178 ГК РФ. Также в работе исследуется возможность и порядок наследования права на интеллектуальную собственность, права на фирменное наименование и товарные знаки наследниками без статуса индивидуального предпринимателя. Обосновывается необходимость рассмотрения возможности введения ускоренного порядка принятия наследства, если в составе наследственной массы имеется имущество, посредством которого умершим физическим лицом, имевшим статус индивидуального предпринимателя, велась предпринимательская деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наследование, индивидуальный предприниматель, имущественный комплекс, нотариус, бизнес.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Мирзоев Э. В. Правовые проблемы, возникающие при наследовании бизнеса индивидуального предпринимателя // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 68—76. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.6.68-76.

UDC 347.65

E. V. Mirzoev
Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0009-0000-6767-602X
ResearcherID: LKK-2038-2024

LEGAL ISSUES ARISING FROM THE INHERITANCE OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR'S BUSINESS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 68—76.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.6.68-76
Received 23.01.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT The subject of the article's research is problematic issues of the theory and practice of inheritance under the law of business, which was conducted by an indi-vidual with the status of an individual entrepreneur. The article analyzes the theoret-ical provisions and judicial practice on the fact of the existing mechanisms of inher-itance by law of certain types of property, in particular, the property complex through which entrepreneurial activity was conducted. The provisions of the current Russian legislation on the specifics of the status of an individual entrepreneur and a legal entity, as well as the legal mechanisms of business inheritance in foreign coun-tries, are compared. The problematic issues arising in the operational work of a business in the event of the death of an individual entrepreneur are considered. It has been revealed that there are no effective inheritance mechanisms for the property complex owned by an individual entrepreneur during his lifetime, through which the business was carried out, which would allow him to continue doing business promptly. The problem of the expediency of introducing the preemptive right to in-herit certain types of property of an individual entrepreneur is being actualized by analogy with art. 1178 of the Civil Code of the Russian Federation. The paper also examines the possibility and procedure of inheritance of intellectual property rights, brand name rights and trademarks by heirs without the status of an individual entre-preneur. The article substantiates the need to consider the possibility of introducing an accelerated procedure for accepting inheritance if there is property in the inher-itance estate through which a deceased individual who had the status of an individ-ual entrepreneur conducted business.

KEYWORDS Inheritance, individual entrepreneur, property complex, notary, business.

FOR CITATION Mirzoev E. V. Legal Issues Arising From the Inheritance of an Individual Entrepreneur's Business. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 68—76. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.6.68-76.

В связи с тем, что право частной собственности и право на ведение предпринимательской деятельности в сравнении в другими государствами появились в нашей стране относительно недавно, с течением времени становится всё актуальней вопрос о наследовании бизнеса, ведение которого было начато в 90-е годы прошлого века.

В ряде государств, где на протяжении долгих лет вырабатывался механизм наследования бизнеса внутри семьи, уже сформировано понимание того, каким образом будет происходить наследование, в том числе в зависимости от организационно-правовой формы бизнеса.

Например, в США существуют специальные посреднические фирмы, которые предлагают предпринимателю после его ухода на пенсию или на время длительного отдыха передать им активы в целях сохранения и дальнейшего развития бизнеса.

Во Франции практикуется предварительная подготовка преемника (наследника). Такое лицо с юного возраста погружается в работу на аналогичных предприятиях и начинает карьерный рост с рядовой позиции. Примечательно, что преемниками могут выступать как дети предпринимателей, так и наемные работники [4, с. 305].

В качестве специфического примера можно привести законодательство Британских Виргинских островов, согласно которому правом на наследство могут обладать только специально уполномоченные судом лица.

Российское законодательство позволяет урегулировать вопрос о наследовании бизнеса посредством оформления наследственного договора, но смерть владельца бизнеса в очень редких случаях является чем-то предсказуемым, поэтому заблаговременно позаботиться о вопросе наследования удается далеко не всегда.

Наиболее трудным для разрешения остается вопрос наследования бизнеса по закону, при условии, что предпринимательская деятельность велась лицом, имевшим статус индивидуального предпринимателя. В данном случае ситуация осложняется тем, что ряд прав и обязанностей такого предпринимателя связаны с его личностью как физического лица.

Данная тема заслуживает особого внимания также и потому, что ведение бизнеса в нашей стране посредством получения статуса индивидуального предпринимателя является распространенным явлением в силу простых требований к получению данного статуса и других упрощенных процедур. Кроме того, политика нашего государства в целом нацелена на поощрение ведения бизнеса индивидуальными предпринимателями, что следует из ряда льгот и программ, позволяющих достаточно легко начать ведение бизнеса.

За последние годы появилось много примеров, когда ведение бизнеса индивидуальным предпринимателем по своему объему и активам ничуть не уступает бизнесу, оформленному посредством создания юридического лица. Даже если предприниматель ведет свою деятельность единолично или с небольшим коллективом наёмных работников, у него, как правило, уже имеются договорные обязательства с контрагентами, а также активы: от недвижимого имущества и транспорта до интернет-сайтов и зарегистрированных товарных знаков.

В настоящее время между специалистами отсутствуют споры о том, что индивидуальный предприниматель является лицом, обладающим правами смешанного характера, так как помимо всех прав, присущих физическим лицам, он обладает и правами, характерными для юридических лиц.

Несмотря на такое особенное положение данного статуса ввиду его двойственной правовой природы, после смерти индивидуального предпринимателя его статус как лица, занимавшегося предпринимательской деятельностью, не учитывается, и наследование происходит по общим правилам, установленным на случай смерти физического лица.

Т. А. Филиппова объясняет это тем, что смерть индивидуального предпринимателя влечет прекращение данного статуса, так как государственная регистрация при прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в связи со смертью осуществляется автоматически на основании поступивших в регистрирующий орган в установленном законодательством РФ порядке сведений о государственной регистрации смерти данного лица [9, с. 183].

Также Т. А. Филиппова, опираясь на мнение ряда специалистов, наглядно демонстрирует пробелы действующего законодательства, опираясь на которое не получается дать однозначный ответ о том, какими механизмами необходимо руководствоваться при наследовании имущественного комплекса индивидуального предпринимателя. Даже анализируя такой инструмент, как заключение договора доверительного управления, через который теоретически можно спасти бизнес индивидуального предпринимателя от закрытия, видно, что есть ещё много вопросов по непосредственной реализации данного механизма. Одно из затруднений состоит в том,

что доверительный управляющий наследственным имуществом не вправе исполнять обязательства наследодателя за счет переданного ему в управление имущества до выдачи одному из наследников свидетельства о праве на наследство (ст. 1173 ГК РФ). Хоть ГК РФ и позволяет управляющему нести расходы, необходимые для управления наследуемым имуществом, но их перечень не конкретизирован, в силу чего последний всегда будет находиться под угрозой возможного признания необоснованными тех или иных затрат.

В случае, если какие-либо из затрат, произведенные управляющим, будут признаны необоснованными, он будет вынужден возмещать такие затраты в виде убытков. Данные условия практически полностью исключают возможность ведения им предпринимательской деятельности, которая рискованна сама по себе.

Кроме того, в нашем государстве сложилась практика, когда нотариусы в редких случаях готовы рассмотреть вопрос о доверительном управлении долями или акциями юридических лиц — о доверительном управлении имуществом индивидуальных предпринимателей говорить не приходится.

Таким образом, применение доверительного управления имуществом наследодателя-индивидуального предпринимателя потенциально возможно, но крайне тяжело с точки зрения реализации.

Согласно позиции Конституционного суда, гражданин, имеющий статус индивидуального предпринимателя использует свое имущество не только для занятия предпринимательской деятельностью, но и в качестве собственно личного имущества[1].

Рассматривая вопрос ответственности гражданина, который на момент смерти обладал статусом индивидуального предпринимателя, встречаются мнения о необходимости выработки правовых моделей обособления имущества таких лиц, чтобы узаконить регистрацию их дел (бизнеса) в качестве отдельных субъектов, то есть ряд специалистов, напротив, призывают к необходимости разделения личных активов индивидуального предпринимателя и активов в целях ведения предпринимательской деятельности [3, с. 73]. Насколько данное предложение целесообразно, вопрос спорный, требующий дополнительной аргументации и более глубокого анализа, ведь в таком случае происходит противоречие действующим нормам, согласно которым индивидуальный предприниматель несет ответственность по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. При формировании и введении в законодательство статуса индивидуального предпринимателя это было обозначено одним из ключевых различий с ответственностью юридических лиц, так как в ином случае для недобросовестных людей открываются возможности злоупотребления правом.

Рассматривая наследование по закону, не получится не опереться на действующие нормы об обязательствах граждан и моменту их прекращения. Так, согласно ст. 418 ГК РФ, обязательства, тесно связанные с личностью гражданина, прекращаются с его смертью.

Отсюда можно сделать вывод о том, что в первую очередь в случае смерти гражданина, имевшего статус индивидуального предпринимателя, негативные последствия несут его наёмные работники, так как трудовой договор расторгается в случае смерти работника или работодателя-физического лица (п. 6. ст. 81 ТК РФ).

Также в случае смерти работодателя-физического лица аннулируются все выданные им доверенности, что даже в краткосрочной перспективе скажется на оперативной работе бизнеса умершего.

В настоящее время единственным способом удержать имеющихся работников видится их наем потенциальным наследодателем, который еще не принял наследство. Но это будет возможно только в том случае, если у такого наследника имеются дополнительные средства для реализации такого механизма. В противном случае повышается риск распада коллектива, что логично приведет к более высоким рискам окончательного закрытия всего бизнеса.

Иные договоры (поставки, подряда и т. п.), конечно, могут не расторгаться в случае смерти индивидуального предпринимателя, заключившего их, так как данные договоры не требуют личного исполнения, а могут быть исполнены другими лицами. Однако в реальности мало кто из контрагентов согласится ожидать 6 месяцев до появления нового наследника, которому, возможно, удастся в кратчайшие сроки возобновить финансовые и производственные обороты и который исполнит обязательства по договору. В случае, если индивидуальный предприниматель осуществлял, например, деятельность по перевозке или

[1] По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 ч. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» : Постановление КС РФ от 17 дек.1996 г. № 20-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1996. № 5.

экспедированию, то описанные выше последствия могут наступить очень быстро.

Также в качестве примера можно привести правоотношения, вытекающие из договора аренды, который сам по себе может не расторгаться в случае смерти индивидуального предпринимателя, если обратное не указано в договоре (п. 2 ст. 617 ГК РФ), но обязательства по оплате аренды будут копиться до тех пор, пока наследники не начнут вносить арендные платежи.

Если же наследники решат начать исполнять обязательства по договору аренды до принятия наследства, то, исходя из позиций судов, арендные платежи необходимо продолжать перечислять на расчётный счет умершего, указанный в договоре аренды[2].

Во избежание накопления долга наследники также могут обратиться за содействием к нотариусу, так как последний вправе принимать на депозит денежные средства для передачи их кредитору[3].

Кроме того, как следует из судебной практики, большинство договорных правоотношений, например, обязательства по договорам подряда или поставки, не прекращаются со смертью индивидуального предпринимателя.

В свою очередь, положения статьи 22.3 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» не могут рассматриваться как нормы закона, исключающие переход в порядке наследования прав и обязанностей по всем сделкам, совершенным гражданином-предпринимателем в процессе осуществления предпринимательской деятельности[4].

Также суды обозначают, что государственная регистрация лица в качестве индивидуального предпринимателя прекращается с момента его смерти, но его права и обязанности могут перейти его наследникам, поскольку такой предприниматель является одновременно и физическим лицом, на которого распространяются нормы наследственного права[5].

Есть и обратная судебная практика[6], которая указывает, что подобные договоры тесно связаны с личностью индивидуального предпринимателя как физического лица. С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как руководствуясь такой логикой можно утверждать, что и остальные договорные обязательства (например, кредитные) не должны переходить по наследству. При рассмотрении данного вопроса необходимо четко различать, какие из договорных обязательств тесно связаны с личностью умершего (алиментные обязательства; обязательства, вытекающие из причинения вреда жизни и здоровью), а какие нет.

Необходимо отметить, что для наследников имеет значение не только вид договора и его правовое регулирование, позволяющее сторонам проявить собственное усмотрение, но и решение вопроса о личном характере обязательства [10. с. 163]. Даже если наследнику действительно удастся продолжить бизнес индивидуального предпринимателя, то потерянные за срок принятия наследства клиенты и контрагенты могут вернуться нескоро, что приведет к негативным последствия для такого бизнеса.

Вопрос наследования осложняется еще больше, когда речь заходит о транснациональном бизнесе, в составе которого имеются зарубежные активы, что не редкость для нашего времени [5, с. 183].

Говоря о том, что один или несколько из наследников могут при принятии наследства получить бизнес умершего индивидуального предпринимателя, не стоит забывать об обязательных долях в наследстве и равенстве наследников одной очереди при их получении. Ряд специалистов считают, что фактически может сложиться ситуация, когда один из наследников мог бы лучше других справиться с управленческими функциями, но данное имущество подлежит равномерному разделу между наследниками.

---

[2] Апелляционное определение Московского городского суда от 18 августа 2017 г. по делу № 33-30409/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1) (ред от 28 дек. 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2009 г. № 2 А33-6141/2002-03АП-3240/2008 по делу № А33-6141/2002 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2021 г. № 18АП-15568/2021 по делу № А76-14896/2021. Кассационная жалоба по делу была оставлена без удовлетворения (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 марта 2022 Г. № 2 Ф09-241/22 по делу №2 А76-14896/2021 // СПС «КонсультантПлюс»).

[6] См., например, Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2022 г. по делу № 889054/2022, 2-794/20211 // СПС «КонсультантПлюс».

При таких обстоятельствах думается логичным рассмотреть вопрос о возможности и целесообразности введения приоритетности наследования имущественного комплекса (бизнеса) умершего определенным наследником.

По мнению А. А. Волос, в связи с быстрой цифровизацией общества необходимо вводить специальные правила, регулирующие преимущественное право на наследование некоторых категорий активов наследодателя для лиц, обладающих специальными знаниями. В качестве примера автор приводит аккаунты в компьютерных играх, преимущественное право на наследование которых целесообразнее предоставлять тем наследникам, которые обладают специальными навыками и знаниями, необходимыми для правильного управления и распоряжения данными активами. В данном случае, по мнению автора, подобные цифровые нововведения прямым образом не изменят подход к понимаю основных принципов наследования по закону, но поспособствуют созданию новых исключений из общих правил о наследовании [2, с. 131].

Хоть А. А. Волос и приводит в пример передачу аккаунта компьютерной игры, имеющего реальную стоимость, но данную идею можно перенести и на наследование других активов наследодателя, требующих специальных навыков для сохранения и приумножения их ценности.

Развивая данную мысль, можно смоделировать ситуацию, когда имущественной комплекс наследодателя, посредством которого вёлся бизнес и который можно исчерпывающе установить, передавался бы наследнику, который обладает всеми необходимыми знаниями и умениями, необходимыми для управления наследуемым бизнесом. Однако необходимо учитывать и понимать, что данная концепция стоит на грани противоречия общим доктринальным и законодательным положениям о наследовании, а именно, положениям о равенстве наследников одной очереди и нормам об обязательной доле в наследстве (1150 ГК РФ).

Стоит оговориться, что законодатель в ст. 1178 ГК РФ ввел право преимущественного наследования предприятий лицами, которые на момент принятия наследства обладают статусом индивидуального предпринимателя, или если наследником становится коммерческая организация.

Преимущественным правом является возможность наследника по особым основаниям и условиям приобрести право собственности на некоторые виды имущества, входящего в состав наследства [7, с. 132].

Рассматривая вопрос о применении аналогии и введения схожей нормы в отношении бизнеса, который велся индивидуальным предпринимателем, нужно учитывать, если при наследовании предприятия есть возможность оценить стоимость доли или акций наследодателя, принадлежащее предприятию имущество и т. п., то при наследовании бизнеса индивидуального предпринимателя возникает ряд осложняющих обстоятельств.

Например, остается открытым вопрос, как определить наиболее целесообразного либо достойного наследника, ведь фактически только лишь наличие статуса индивидуального предпринимателя в данном случае не позволяет прийти к выводу о том, что данный наследник должен быть наделен преимущественным правом. Также нужно определить, как нотариусу оценить, что именно один из наследников сможет справиться с управлением бизнесом умершего, а другие нет, тем более, если между самими наследниками может не быть согласия.

Также неясно, как нотариусу или законодателю определить исчерпывающий перечень имущества, посредством которого велся бизнес для его отделения от общей наследственной массы. Если межу наследниками начнется спор, то нотариусу придётся выступать в качестве некого арбитра, что может только затянуть процедуру принятия наследства или вызвать излишние судебные тяжбы между наследниками.

Е. Г. Белькова и Е. Л. Полетаева также обращают внимание на то, что имеет место сложность определения действительной стоимости имущественного комплекса (предприятия), так как в него включаются как активы, так и пассивы, которые могут изменяться даже в течение одного месяца [1, с. 24—27]. С указанной позицией нельзя не согласиться, так как даже после смерти индивидуального предпринимателя состав активов и пассивов может быть изменен в силу, например, прекращения действия ряда договоров, в том числе в виду истечения срока их действия и т. п.

Хоть статьей 1170 ГК РФ и предусмотрена компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, А. Е. Казанцева считает, что необходимо учитывать, что, получив такую компенсацию, другие правопреемники лишаются источника дохода на будущее, что может не отвечать их интересам [6, с. 132]. С данным доводом нельзя согласиться в полном объеме, так как он будет иметь силу только в том случае, если получение имущественного комплекса для ведения бизнеса

безоговорочно позволило бы соответствующему наследнику прийти к систематическому извлечению прибыли, что конечно же, нельзя предугадать хотя бы из рискового характера предпринимательской деятельности.

К тому же в случае несогласия иных наследников с размером компенсации они вправе признать её несоразмерной в судебном порядке. Исходя из судебной практики, компенсация несоразмерности получаемого наследственного имущества с наследственной долей, возникающей при осуществлении наследником своего преимущественного права, предоставляется другим имеющимся наследникам, которые такого права не имеют, вне зависимости от их согласия на это, величины их доли, а также наличия интереса в использовании общего имущества, но до осуществления преимущественного права (если соглашением между наследниками не установлено иное). При этом суды могут отказать в удовлетворении указанного преимущественного права, если установят, что такая компенсация не является соразмерным возмещением наследственных долей остальных наследников, которые не имеют преимущественного права, или ее предоставление не является гарантированным[7].

Таким образом, рассмотрение вопроса о введении преимущественного права на наследование имущественного комплекса (бизнеса) индивидуального предпринимателя одним из наследников, имеет право на существование, но оно должно быть выстроено таким образом, чтобы не умалять прав иных наследников. Также данный механизм должен обладать четкими критериями по выявлению того, кому из наследников будет принадлежать преимущественное право на наследование определенного имущества, что представляется сложной задачей. Думается, что аргументирование только лишь наличием статуса индивидуального предпринимателя не будет достаточным в данном случае, так как при необходимости любой из трудоспособных наследников сможет приобрести этот статус в целях принятия наследства, поскольку процедура получения данного статуса не занимает много времени и усилий.

Немаловажно принимать во внимание, что в состав бизнеса, который осуществлялся индивидуальным предпринимателем, могут входить также права на интеллектуальную собственность, товарные знаки и фирменное наименование. В данном случае наследники вправе получить по наследству имущественные права, связанные с интеллектуальной собственностью наследодателя. Хотя право на репутацию от наследодателя и не переходит, но наследники имеют право защищать неимущественные права наследодателя от любых нарушений со стороны третьих лиц [11, с. 244 – 249].

Если законодателем будет вводиться право преимущественного наследования на имущественный комплекс (бизнес) умершего, необходимо учитывать, что в данный имущественный комплекс должно также входить исключительное право на пользование товарным знаком, так как принадлежавшее индивидуальному предпринимателю исключительное право на товарный знак и знак обслуживания, унаследованное лицом, не имеющим статуса индивидуального предпринимателя, должно быть отчуждено им в течение одного года со дня открытия наследства (за исключением случая, если в течение этого срока он зарегистрируется в качестве индивидуального предпринимателя). До истечения годового срока правовая охрана товарного знака или знака обслуживания не может быть прекращена (п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» в редакции от 24 декабря 2020 г.).

Также нотариусам необходимо иметь ввиду, что право на товарный знак может перейти только к одному из наследников, который будет иметь статус индивидуального предпринимателя. Если таких наследников несколько, спор придётся разрешать в судебном порядке. В таком случае наследнику необходимо будет представить доказательства, свидетельствующие о его намерении использовать товарный знак в предпринимательских целях [7, с. 334].

Итак, исходя из анализа действующих норм и мнений ряда специалистов, наиболее целесообразно было бы рассмотреть вопрос о введении в качестве исключения из общего правила возможности сокращенных сроков для принятия наследства, если в наследственной массе фигурирует имущественный комплекс, посредством которого умерший индивидуальный предприниматель вел бизнес.

При рассмотрении вопроса о наследовании бизнеса индивидуального предпринимателя немаловажно учесть, что, как правило, данный бизнес ведется под единоличным управлением, то есть в случае смерти индиви-

[7] О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 // СПС «КонсультантПлюс».

дуального предпринимателя зачастую может отсутствовать полноправный партнер, который сможет заняться ведением бизнеса в период принятия наследства. Простой в течение шести месяцев (срок на принятие наследства) при подобных обстоятельствах объективно может привести, например, к потере клиентов, просрочкам по договорам и потере рыночных позиций, что будет иметь следствием прекращение бизнеса.

Например, если индивидуальный предприниматель занимался экспедиторской деятельностью, в рамках которой сам принимал ряд ключевых решений, то полугодовой простой может привести не только к срыву сделок, но и к образованию задолженностей по текущим обязательствам.

Данная концепция имеет право на существование, так как законодательством уже предусмотрены сокращенные сроки для принятия наследства при определенных обстоятельствах (п. 3 ст. 1154). То есть введение права на принятие наследства (или его части, необходимой для функционирования бизнеса) умершего гражданина, обладавшего статусом индивидуального предпринимателя, в сокращенные сроки не будет каким-либо образом нарушать действующее законодательство.

Такой способ наследования может работать по аналогии с порядком, установленным ст. 1178 ГК РФ, но с акцентом не на особенности статуса определенного наследника, а на сроки принятия наследства или его части.

Кроме того, в абз. 2 п. 1 ст. 1162 ГК РФ уже предусмотрена возможность нотариуса выдавать свидетельство только на часть имущества (то есть отдельно вводить такой механизм не потребуется). А закрепление права на применение сокращенных сроков на принятие наследства, например, по мотивированному заявлению одного из наследников, позволит удержать бизнес в финансово стабильном положении (вовремя погашать задолженности и исполнять обязательства).

Таким образом, когда известен перечень наследников и наследуемого имущества (фигурировавшего при ведении бизнеса и строго отделимого от имущества, не использовавшегося в таковом), применение сокращенных сроков на принятие в наследство именного этого имущественного комплекса в отдельности от всей остальной наследственной массы позволило бы предотвратить распад бизнеса и оперативно совершить переход прав на имущество, принять все договорные права и обязанности, а также наладить операционную работу бизнес-процессов.

В данном случае не пришлось бы вводить и новые механизмы по выбору приоритетных наследников (которые также вступили бы в него только по истечение шести месяцев), а в случае наличия спора между претендентами на наследство, они могли бы решить его в судебном порядке уже после принятия наследства и без вреда для бизнеса, так как все необходимые активы уже будут переданы одному из наследников, у которого будет возможность удержать бизнес в конкурентной рыночной среде.

В настоящее время этот путь развития законодательства является наиболее целесообразным и наименее энергозатратным не только для наследников, но и для нотариусов. Введение таких изменений также будет отвечать экономическим интересам нашего государства, так как увеличивается вероятность сохранения уровня предпринимательской активности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белькова Е. Г., Полетаева Е. Л. Наследование предприятий // Наследственное право. — 2024. — № 3. — С. 24—27. — DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-24-27.

2. Волос А. А. Институт наследования по закону и цифровизация общества // Правовая политика и правовая жизнь. — 2022. — № 1. — С. 126—131.

3. Григорянц С. А., Григорьева К. В. О некоторых аспектах гражданско- правовой ответственности индивидуального предпринимателя // Legal Bulletin. — 2023. — Т. 8, № 3. — С. 65—73.

4. Демешкин И. А. Отношение к наследованию бизнеса в предпринимательских семьях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2022. — № 2. — С. 304—308.

5. Казакова А. А. Правовое положение индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2018. — № 33 (219). — С. 101—103.

6. Казанцева А. Е. Раздел предприятия, входящего в состав наследства // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2012. — № 2 (31). — С. 130—134.

7. Каменева З. В. Преимущественные права по наследственному законодательству // Мониторинг правоприменения. — 2014. — № 3 (12). — С. 35—41.

8. Моисеенко А. В. Наследование исключительных прав на товарный знак лицами, не имеющими статуса индивидуального предпринимателя // E-SCIO. — 2021. — № 11 (62). — С. 330—334.

9. Филиппова Т. А. Наследование имущества индивидуального предпринимателя // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. — 2021. — Т. 5, № 2 (18). — С. 182—190. — DOI:10.21603/2542-1840-2021-5-2-182-190.

10. Ходырева Е. А. Прекращение и изменение договорного обязательства смертью лица: проблемы правового регулирования // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2024. — Т. 34, № 1. — С. 157—163.

11. Kirillova E. A., Blinkov O. E. Modern Trends of Ways to Protect Intellectual Property on the Internet // Asian Social Science. — 2015. — Vol. 11, no. 6. — P. 244—249.

REFERENCES

1. Belkova E. G., Poletaeva E. L. Inheritance of Enterprises. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2024, no. 3, pp. 24—27. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-24-27.

2. Volos A. A. Institute of inheritance by law and digitalization of society. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal Policy and Legal Life*, 2022, no. 1, pp. 126—131. (In Russian).

3. Grigoryants S. A., Grigorieva K. V. Aspects of civil liability of an individual entrepreneur. *Legal Bulletin*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 65—73. (In Russian).

4. Demeshkin I. A. Attitude to business heritage in entrepreneurial families. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2022, no. 2, pp. 304—308. (In Russian).

5. Kazakova A. A. Legal Status of Individual Entrepreneurs in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2018, no. 33 (219), pp. 101—103. (In Russian).

6. Kazantseva A. E. Heritage division which contains of enterprise. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk university. Series "Law"*, 2012, no. 2 (31), pp. 130—134. (In Russian).

7. Kameneva Z. V. Preferential rights in inheritance law. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2014, no. 3 (12), pp. 35—41. (In Russian).

8. Moiseenko A. V. Inheritance of Exclusive Trademark Rights by Persons Who Do Not Have the Status of an Individual Entrepreneur. *E-SCIO*, 2021, no. 11 (62), pp. 330—334. (In Russian).

9. Filippova T. A. Inheriting the Property of an Individual Entrepreneur. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = Bulletin of Kemerovo State University Series Humanities and Social Sciences*, 2021, vol. 5, no. 2, pp. 182—190. (In Russian). DOI:10.21603/2542-1840-2021-5-2-182-190.

10. Khodyreva E. A. Termination and modification of a contractual obligation by the death of a person: Problems of legal regulation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ehkonomika i pravo" = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and law*, 2024, vol. 34, no. 1, pp. 157—163. (In Russian).

11. Kirillova E. A., Blinkov O. E. Modern Trends of Ways to Protect Intellectual Property on the Internet. *Asian Social Science*, 2015, vol. 11, no. 6, pp. 244—249.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мирзоев Эдуард Вадимович (Иркутск) — аспирант кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: eduard.mirzoev@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mirzoev, Eduard V. (Irkutsk) — Postgraduate Student of the Civil Law and Procedure Department, Baikal State University (11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia, e-mail: eduard.mirzoev@bk.ru).

УДК 347.4/.5

С. И. Суслова
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7487-6879
ResearcherID: R-7761-2016

Е. М. Сенотрусова
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8292-1193
ResearcherID: rid97982

О ДОСТУПНОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ОЦЕНКИ АВАРИЙНОСТИ ДОМА ДЛЯ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 77—84.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.7.77-84
Дата поступления 02.04.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

Исследуется вопрос социально-экономической обоснованности легально установленного требования к собственникам жилых помещений по предоставлению заключения специализированной организации об оценке дома в межведомственную комиссию в целях инициирования процедуры его оценки. Анализируются подходы судебной практики к разрешению споров о возложении подобного бремени на граждан в ситуациях, когда спорный дом исключается из программы капитального ремонта в связи с высоким процентом физического износа; орган местного самоуправления является собственником квартиры в многоквартирном доме; дом включен в сводный перечень объектов (жилых помещений), находящихся в границах зоны чрезвычайной ситуации; основанием для рассмотрения вопроса об аварийности дома является заключение органа государственного жилищного надзора. Обращается внимание на то, что если первые два обстоятельства вытекают из системного толкования нормативно-правовых положений, то последние — из прямого требования нормативно-правовых актов, которое, однако, не всегда принимается во внимание межведомственными комиссиями. Отмечается, что складывающаяся судебная практика исходит из приоритета возложения исследуемой обязанности на публичные органы, что предопределено их публичными функциями, а также необходимостью минимизации финансовых затрат граждан в тех случаях, когда этого можно избежать. Сформулированы предложения по оценке политико-правовых причин, которые положены в основу формирующихся подходов при разрешении обозначенных споров. Обосновывается необходимость корректировки подзаконных правовых актов,

в том числе в части установления в качестве самостоятельного основания проведения оценки дома сведений об его исключении из региональной программы по проведению капитального ремонта в связи с высокой степенью изношенности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Жилое помещение, многоквартирный дом, аварийный жилищный фонд, межведомственная комиссия, заключение специализированной организации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Суслова С. И., Сенотрусова Е. М. О доступности процедуры оценки аварийности дома для собственников жилых помещений // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 77—84. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.7.77-84.

UDC 347.4/.5

S. I. Suslova
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice
Irkutsk, Russian Federation
E. M. Senotrusova
IIrkutsk Law Institute (Branch),
University of Prosecutor`s Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8292-1193
ResearcherID: rid97982

ON AN ACCESSIBILITY OF THE PROCEDURE FOR ASSESSING ACCIDENT RATE OF A HOUSE FOR RESIDENTIAL PREMISES OWNERS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 77—84.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.7.77-84
Received 02.04.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The article examines the socio-economic justification for the legally established requirement for owners of residential premises to provide a specialized organization's assessment report on the house to an interdepartmental commission in order to initiate the assessment procedure. It analyzes approaches to judicial practice in resolving disputes on imposing such a burden on citizens in situations where the disputed house is excluded from the capital repairs program due to a high percentage of physical deterioration; the local government is the owner of an apartment in an apartment building; the house is included in the consolidated list of objects (residential premises) located within the boundaries of the emergency zone; the basis for considering the issue of the emergency status of the house is the conclusion of the state housing supervision body. It is noted that if the first two circumstances follow from the systemic interpretation of regulatory and legal provisions, the latter follow from the direct requirement of regulatory and legal acts, which, however, is not always taken into account by interdepartmental commissions. It is noted that the emerging judicial practice is based on the priority of imposing the duty under study on public bodies, which is predetermined by their public functions, as well as the need to minimize citizens' financial costs in cases where this can be avoided.

Proposals are formulated for assessing the political and legal reasons that form the basis for emerging approaches to resolving the disputes identified. The need to adjust by-laws is substantiated, including in terms of establishing information about its exclusion from the regional program for major repairs due to a high degree of depreciation as an independent basis for assessing a house.

KEYWORDS Residential premise, apartment building, emergency housing stock, interdepartmental commission, conclusion of a specialized organization.

FOR CITATION Suslova S. I., Senotrusova E. M. On an Accessibility of the Procedure for Assessing Accident Rate of a House for Residential Premises Owners. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 77—84. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.7.77-84.

Отношения в сфере признания жилищного фонда непригодным для проживания и устойчивого сокращения аварийного и ветхого жилья, безусловно, следует отнести к наиболее социально значимым и приоритетным[1]. При этом внимание ученых и практиков в этой сфере долгое время было сфокусировано на вопросах, связанных с основаниями признания объектов непригодными и аварийными; соотношением таких категорий, как «аварийное» и «ветхое» жилье; предоставлением гражданам взамен аварийных иных жилых помещений или выплатой компенсации; определением обоснованного размера последней; наличием и качеством маневренного жилищного фонда [1, 3—5, 7—9] и т. п. Являясь междисциплинарной, данная проблема активно обсуждается не только юристами, но и представителями экономической науки [6, 10].

Однако следует констатировать, что значительное количество злоупотреблений и нарушений прав граждан допускается уже на этапе решения технического вопроса о возможности отнесения жилых помещений и многоквартирных домов к непригодным и аварийным. В настоящее время наблюдается рост числа судебных споров по вопросам, связанным с деятельностью межведомственных комиссий, которые наделены полномочиями по оценке и обследованию помещений в целях признания их пригодными (непригодными) для проживания граждан, а многоквартирных домов — аварийными и подлежащими сносу или реконструкции.

Основополагающим документом, на основе которого межведомственные комиссии осуществляют свою деятельность, является Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 года № 47 (далее — Положение № 47)[2]. За 19-летний срок своего действия данный документ был существенно дополнен и изменен прежде всего в аспекте детализации работы комиссии, ее состава и полномочий, порядка работы, запрашиваемых у заявителя документов[3]. Указанные изменения были призваны обеспечить прозрачность процедуры оценки жилых помещений, повышение уровня компетентности и независимости межведомственных комиссий, минимизацию злоупотреблений со стороны публичных органов и эффективность защиты жилищных прав граждан.

Осенью 2024 года в Положение № 47 были внесены очередные изменения, затро-

[1] См.: Паспорт федерального проекта «Обеспечение устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда» : утв. Минстроем России // СПС «КонсультантПлюс». Срок действия данного федерального проекта продлен до 2030 года (Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию : утв. Президентом Российской Федерации 30 марта 2024 г. № Пр-616 // «КонсультантПлюс»).

[2] Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 янв. 2006 г. № 47 (ред. от 19 окт. 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] По данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» со 2 ноября 2024 г. вступила в силу шестнадцатая редакция Положения № 47.

нувшие порядок признания многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. Так, в качестве основания признания его аварийным названо его аварийное техническое состояние, установленное в соответствии с межгосударственным стандартом на основании выводов юридического лица, являющегося членом саморегулируемой организации, основанной на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания и имеющих право на осуществление работ по обследованию состояния грунтов оснований объектов капитального строительства, их строительных конструкций, работ по обследованию элементов ограждающих и несущих конструкций объекта капитального строительства, необходимых для принятия решения о признании объекта капитального строительства аварийным и подлежащим сносу или реконструкции. В определенных случаях без применения названного стандарта может быть установлено аварийное техническое состояние многоквартирного дома, количество этажей в котором не превышает двух[4].

Несмотря на кажущуюся полноту и ясность правового регулирования отношений в обозначенной сфере, очевидность и простоту вносимых в него изменений, судебная практика вынуждена корректировать сложившуюся формальную интерпретацию отдельных законодательных положений с целью усиления защиты жилищных прав граждан. В качестве иллюстрации данного утверждения обратимся к проблеме, связанной с возложением на собственников жилого помещения *обязанности по предоставлению в межведомственную комиссию документов об оценке дома специализированной организацией*, что, по сути, означает возложение на собственников дополнительных организационных и финансовых затрат по привлечению специализированных организаций.

Согласно пункту 45 Положения № 47 для рассмотрения вопроса о признании многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции заявитель представляет в комиссию пакет документов, в частности, заключение специализированной организации, проводившей обследование дома. Представление неполного пакета документов и невозможность истребования недостающих сведений комиссией на основании межведомственных запросов являются основанием возвращения заявления без рассмотрения (пункт 46 Положения). Более того, в соответствии с пунктом 44 Положения № 47 решение комиссии в части выявления оснований для признания многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции может основываться только на результатах, изложенных в заключении проводящей обследование специализированной организации, заверенном подписью специалиста по организации инженерных изысканий, сведения о котором включены в национальный реестр специалистов в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования.

В то же время суды полагают, что данные предписания должно толковаться с учетом принципа справедливости, фактических обстоятельств дела и необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов. Буквальное толкование пунктов 44-45 Положения и проверка исключительно формального соответствия представленных заявителем документов перечню документов и требований к ним не соответствуют конституционным принципам и целям. Как справедливо было отмечено В. В. Былковым, «... низкий уровень обеспеченности граждан, которые и составляют основную часть жителей таких домов, а также устоявшийся менталитет, при котором собственники многоквартирных домов не в состоянии эффективно и согласованно решать подобные вопросы, приводят к тупиковой ситуации...», когда получение заключения специализированной организации представляется затруднительным [2]. Кроме того, неясно, какому именно собственнику помещения в подобных случаях будет предложено представить заключение специализированной организации [Там же], как следует распределять расходы на проведение обследования между всеми собственниками, и имеется ли возможность их принудительного взыскания в случае отказа от добровольного участия в них.

В целом анализ предписаний Положения № 47 и правоприменительной практики позволяет выделить несколько ситуаций, при которых допускается возложение на органы местного самоуправления и межведомственные комиссии обязанности по самостоятельному привлечению специализированной организации:

1) спорный дом исключается из программы капитального ремонта в связи с высоким процентом физического износа;

2) орган местного самоуправления является собственником квартиры в многоквартирном доме;

3) дом включен в сводный перечень объектов (жилых помещений), находящихся в границах зоны чрезвычайной ситуации;

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47.

4) основанием для рассмотрения вопроса об аварийности дома является заключение органа государственного жилищного надзора.

При этом если первые два обстоятельства вытекают из системного толкования нормативно-правовых положений, то последние — из прямого указания Положения № 47, которое, однако, не всегда принимается во внимание межведомственными комиссиями.

Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Собственники квартир в доме обратились в комиссию с заявлением о признании дома аварийным и подлежащим сносу, поскольку дом *исключен из Региональной программы по проведению капитального ремонта в связи с высокой степенью износа* (свыше 70 %), капитальные ремонтные работы в доме не проводились, в результате чего его несущие конструкции находятся в неудовлетворительном состоянии. Заявление оставлено без рассмотрения ввиду непредставления жильцами дома заключения специализированной организации. Суды, признавая действие комиссии неправомерным, обосновано отметили, что непринятие своевременных мер ответчиком в условиях нецелесообразности проведения капитального ремонта, при наличии многочисленных обращений жителей дома и имеющихся документов о физическом износе дома свыше 70 % может повлечь за собой необратимые последствия в виде обрушения несущих конструкций дома или его части, создает угрозу жизни и здоровью проживающих в нем граждан и иных лиц[5]. Полагаем, суды в данном деле исходили из того, что основанием для исключения дома из региональной программы по проведению капитального ремонта стало заключение о высокой степени его износа, которое должно было стать достаточным для принятия межведомственной комиссией соответствующего решения. Требование предоставления от собственников еще одного заключения специализированной организации при таких обстоятельствах не является разумным и справедливым.

В другом деле суд снял обязанность с собственников по предоставлению заключения специализированной организации, указав, что толкование пункта 45 Положения № 47 в части обязанности собственников по предоставлению заключения специализированной организации позволяет сделать вывод о распространении данной нормы и на *публично-правовое образование, являющееся собственником помещений в доме*[6]. Другими словами, коль скоро муниципалитет сам является собственником одной или нескольких квартир в доме, то пусть и «спросит сам с себя», организовав привлечение специализированной организации. Более того, суд, возлагая на муниципалитет обязанность организовать проведение обследования специализированной организацией строительных конструкций многоквартирного дома с предоставлением заключения в межведомственную комиссию, аргументировал указанное тем, что администрацией не исполняются публичные полномочия по осуществлению муниципального жилищного контроля, а также иные полномочия, направленные на обеспечение безопасных условий проживания граждан на территории поселения[7].

Еще одним примером, когда обязанность по предоставлению заключения специализированной организации не может быть возложена на собственников помещений, является ситуация, при которой *основанием для рассмотрения вопроса об аварийности дома является наличие сведений о сводном перечне объектов (жилых помещений), находящихся в границах зоны чрезвычайной ситуации* (абзац 2 пункта 45.1 Положения № 47). Нельзя не заметить, что соответствующее предписание появилось сравнительно недавно, лишь в 2020 году, что, безусловно, следует считать серьезным достижением в части обеспечения оперативности и доступности процедуры признания жилья аварийным. Так, Верховный Суд Российской Федерации, обязывая администрацию поселения и межведомственную комиссию самостоятельно привлечь специализированную организацию для оценки дома, учел, что заявитель обратилась в орган местного самоуправления вследствие произошедших в Иркутской области обстоятельств

[5] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу № 33-7004/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 августа 2023 г. по делу № 88-17044/2023 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Апелляционное определение Свердловского областного суда от 1 июля 2021 г. по делу № 33-9430/2021 // СПС «КонсультантПлюс» ; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 дек. 2022 г. № 88А-21946/2022 // Там же ; Апелляционное определение Свердловского областного суда от 12 мая 2021 г. по делу № 33-6790/2021 // Там же.

[7] Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29 сентября 2022 г. по делу № 33-14922/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

чрезвычайного характера — наводнения[8]. Отказывая заявителю в рассмотрении заявления в связи с отсутствием заключения специализированной организации, комиссия неправомерно уклонилась от разрешения относящегося к ее компетенции вопроса[9].

Заключительный пример демонстрирует, что собственники могут быть освобождены от обращения к специализированной организации и в том случае, если *в межведомственную комиссию обращается орган государственного жилищного надзора*. Судебные инстанции указали, что в подобном случае межведомственная комиссия обязана оценить многоквартирный дом и принять решение по существу, при необходимости самостоятельно назначив дополнительные экспертизы и обследования. Именно данное обстоятельство было признано основополагающим и позволило суду заключить, что поскольку в администрацию города обращались не собственники помещений в доме, а орган государственного жилищного надзора, постольку комиссия не вправе требовать от собственников получения заключения специализированной организации и ставить рассмотрение обращения жилищной инспекции с принятием решения в зависимость от представления собственниками дополнительных документов[10]. Как обоснованно отмечено другим судом при рассмотрении аналогичного спора, отказ собственников помещений в доме от проведения технического обследования за счет собственных средств не является основанием уклонения комиссии от возложенных на нее обязанностей, поскольку решение таких вопросов относится к исключительной компетенции последней и не ставится в зависимость от финансово-экономических возможностей муниципалитета[11].

С точки зрения усиления аргументации судов по данной категории дел можно также предложить буквально толковать введенный в 2013 году абзац 1 пункта 45.1 Положения № 47, согласно которому в случае, если заявителем выступает орган государственного надзора (контроля), комиссия после рассмотрения его заключения *предлагает* собственнику помещения представить документы, указанные в пункте 45 Положения, в том числе заключение специализированной организации. Другими словами, подобное предложение комиссии носит сугубо рекомендательный характер, и в случае непредставления собственником *рекомендуемых* документов комиссия, тем не менее, обязана провести оценку дома и принять решение по существу вопроса.

Резюмируя приведенные примеры и изложенную в них аргументацию, следует констатировать тенденцию судебной практики последних лет по отходу от формальной интерпретации нормативных положений, закрепленных в Положении № 47, если это приводит к нарушению баланса прав граждан и публичных органов. Полагаем, что в основу таких подходов закладываются следующие политико-правовые соображения:

— целью предоставления заключения специализированной организации является установление объективных данных о состоянии жилого помещения или многоквартирного дома, а также исключение злоупотреблений со стороны отдельных собственников, которые не являются профессионалами в этой области. Другими словами, речь идет о «заградительном финансовом барьере», призванном снизить количество поступающих в межведомственные комиссии заявлений собственников, не имеющих под собой значимых оснований, и обеспечить сосредоточение усилий на жилищном фонде, действительно обладающим признаками аварийности и непригодности. В том же случае, когда факты наличия признаков аварийности или непригодности подтверждаются (или даже установлены) компетентными лицами (органами, специалистами или службами), то возлагать указанную обязанность на собственников уже не является разумным и справедливым;

— привлечение специализированной организации — достаточно длительный по времени и финансово затратный процесс. При этом безоговорочное и повсеместное возложение этого бремени на собственников может привести к грубому нарушению базового конституционного права граждан на жилище в связи с фактическим лишением их возможности самостоятельно инициировать процедуру оценки их домов. С учетом сказанного, в случае наличия среди собственников публично-правового образования, видится справед-

---

[8] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2022 г. № 66-КАД22-1-К8 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Там же.

[10] Апелляционное определение Курского областного суда от 18 апреля 2023 г. № 33а-1440/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2022 г. № 88А-24159/2022 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2025 г. № 88а-2815/2025 // СПС «КонсультантПлюс» ; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 декабря 2024 г. № 88А-26202/2024 // Там же.

ливым отнесение этого бремени на него как на лицо, обладающее необходимыми организационными, техническими, информационными и иными ресурсами.

Полагаем, что подобное разрешение указанных споров должно повлечь изменение законодательства и корректировку пункта 42 Положения № 47 в части установления такого самостоятельного основания проведения оценки соответствия многоквартирного дома установленным требованиям как сведения о его исключении из региональной программы по проведению капитального ремонта в связи с высокой степенью изношенности. Более того, подлежит законодательному закреплению и положение о допустимости возложения обязанности по предоставлению заключения на публичный орган, если основанием оценки дома является поступившее в комиссию заявление граждан, а одним из собственников помещений в доме является соответствующее публично-правовое образование.

Таким образом, предъявляемые к гражданам требования в целях инициирования процедуры оценки домов на предмет их аварийности не должны быть чрезмерными и возлагать на них необоснованное финансовое бремя, что противоречит конституционным целям, во исполнение которых указанный правовой институт был введен в отечественное право.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Басос Е. В. Основания признания жилого помещения непригодным для проживания: проблемы правового регулирования // Семейное и жилищное право. — 2023. — № 6. — С. 18—22.
2. Былков В. В. Новое в правовом регулировании признания жилья непригодным для проживания // Жилищное право. — 2006. — № 12. — С. 46—49.
3. Древаль Л. Н., Ярославцева И. Л. О заключении договора социального найма жилого помещения в случае признания его непригодным для проживания // Современное право. — 2022. — № 4. — С. 87—90.
4. Иващенко Е. Р., Репях А. Некоторые проблемы в сфере жилищного законодательства в контексте аварийных и непригодных для проживания домов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 5-3 (68). — С. 49—52.
5. Каменский А. Н. Практика регионального законодательства о признании жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным (на примере г. Санкт-Петербурга) // Журнал правовых и экономических исследований. — 2015. — № 1. — С. 33—36.
6. Канкулова М. И., Сетдеков А. А. Финансовое обеспечение программ переселения граждан из аварийного жилья // Экономика и предпринимательство. — 2022. — № 9 (146). — С. 475—478.
7. Ткаченко Т. В. Осуществление права на жилище гражданами при признании их жилья непригодным для проживания или аварийным // Власть Закона. — 2016. — № 4. — С. 114—130.
8. Фомина Н. Обеспечение жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции // Жилищное право. — 2015. — № 8. — С. 53—60.
9. Хлопцов Д. М. Порядок расчета выкупной цены жилых помещений в непригодном для проживания жилищном фонде // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2020. — № 2 (221). — С. 33—39. — DOI: 10.24411/2072-4098-2020-10201.
10. Янков К. В. О применении методов прогнозирования в целях устойчивого сокращения непригодного для проживания жилищного фонда // Проблемы прогнозирования. — 2019. — № 4 (175). — С. 117—119.

REFERENCES

1. Basos E. V. Grounds for Recognizing Residential Premises as Unfit For Habitation: Problems of Legal Regulation. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2023, no. 6, pp. 18—22. (In Russian).
2. Bylkov V. V. New in the Legal Regulation of Recognizing Housing as Unfit for Habitation. *Zhilishchnoe Pravo = Housing Law*, 2006, no. 12, pp. 46—49. (In Russian).
3. Dreval L. N., Yaroslavtseva I. L. About the conclusion of a social contract rental of residential premises in case of recognition of its unsuitable for living. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2022, no. 4, pp. 87—90. (In Russian).
4. Ivashchenko E. R., Repyakh A. Some problems in the sphere of housing legislation in the context of damaged and unsuitable houses. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International journal of humanities and natural sciences*, 2022, no. 5-3 (68), pp. 49—52. (In Russian).
5. Kamenskiy A. N. Regional legislation practice on recognition of living accommodation as uninhabitable and appartment house as under the threat of collapse (the city of Saint-Petersburg case study). *Zhurnal pravovykh i ehkonomicheskikh issledovanii = Journal of legal and economic studies*, 2015, no. 1, pp. 33—36. (In Russian).
6. Kankulova M. I., Setdekov A. A. Financial support of programs for resettlement of citizens from waste housing. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and Entrepreneurship*, 2022, no. 9 (146), pp. 475—478. (In Russian).

7. Tkachenko T. V. The Exercise of the Right to Housing by Citizens upon Recognition of Their Housing as Unsuitable for Habitation or Emergency. *Vlast zakona = The Reign of Law*, 2016, no. 4, pp. 114–130. (In Russian).

8. Fomina N. Ensuring the Housing Rights of Citizens in Case of Recognition of an Apartment Building as an Emergency and Subject to Demolition or Reconstruction. *Zhilishchnoe Pravo = Housing Law*, 2015, no. 8, pp. 53–60. (In Russian).

9. Khloptsov D. M. Procedure for calculating the purchasing price of residential spaces in an unfitable for residing housing fund. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2020, no. 2 (221), pp. 33–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2072-4098-2020-10201.

10. Yankov K. V. On the application of forecasting methods for a sustainable reduction in uninhabitable residential housing stock. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2019, no. 4 (175), pp. 117–119. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Суслова Светлана Игоревна (Иркутск) – доктор юридических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Иркутского юридического института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: svetsuslova@yandex.ru).

Сенотрусова Евгения Михайловна (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: evg-suranova@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Suslova, Svetlana I. – Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Senotrusova, Eugenia M. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law Disciplines Department, Irkutsk Law Institute (Branch), University of Prosecutor`s Office of the Russian Federation (1 Shevtsov St., Irkutsk, 664035, Russia, e-mail: evg-suranova@yandex.ru).

УДК 347.124:347.999

В. В. Хрулева
Центральный филиал
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
Воронеж, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6790-3333
ResearcherID: MFH-5036-2025

А. Н. Мануковская
Центральный филиал
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева,
Воронеж, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6677-547X
ResearcherID: MFJ-7746-2025

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 85—96.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.8.85-96
Дата поступления 16.02.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема злоупотребления процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве. Раскрываются основные характеристики данного явления, оказывающего негативное воздействие на эффективность правосудия и реализацию задач арбитражного процесса. Обозначается, что отсутствие нормативного определения рассматриваемого правового института, в том числе и неопределенность критериев его применения влечёт определенные трудности в формировании единообразной и предсказуемой правоприменительной практики. Анализ содержания и проявлений злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе осуществляется с использованием комплексного подхода, охватывающего изучение норм действующего процессуального законодательства, правовых выводов высших судебных инстанций, а также теоретико-правовых положений, представленных в научной литературе. Рассматриваются отечественные исследования, посвящённые сущности процессуального злоупотребления. Уделяется внимание проблеме квалификации пассивного поведения участников процесса, которое при определённых обстоятельствах может рассматриваться в качестве формы недобросовестного осуществления процессуальных прав. Подчёркивается, что в условиях отсутствия прямого законодательного регулирования, суды, разрешая подобные вопросы, опираются преимущественно на оценочные категории, сформулированные в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Делается вывод о том, что категория недобросовестности может применяться как вспомогательный ориентир при осуществлении

судебного усмотрения, однако неспособна заменить собой наличие чётких правовых критериев. Авторы обосновывают необходимость внедрения комплексной методики оценки поведения участников процесса, предполагающей анализ как объективных, так и субъективных признаков, подтверждённых совокупностью доказательств по делу. Указывается на потребность в дальнейшем совершенствовании нормативной базы и формировании устойчивой практики реагирования на процессуальные злоупотребления в арбитражных судах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Злоупотребление процессуальным правом, арбитражный процесс, добросовестность, судебное усмотрение, оценочный критерий суда, нарушение.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Хрулева В. В., Мануковская А. Н. Некоторые вопросы понятия злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 85—96. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.8.85-96.

UDC 347.124:347.999

V. V. Khruleva
Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6790-3333
ResearcherID: MFH-5036-2025
A. N. Manukovskaya
Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, Voronezh, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6677-547X
ResearcherID: MFJ-7746-2025

SOME QUESTIONS ABOUT THE CONCEPT OF ABUSE PROCEDURAL RIGHTS IN THE ARBITRATION PROCESS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 85—96.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.8.85-96
Received 16.02.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The article examines the problem of abuse of procedural rights in arbitration proceedings. It is revealed the main characteristics of this phenomenon, which has a negative impact on the effectiveness of justice and the implementation of the objectives of the arbitration process. It is indicated that the lack of a normative definition of the legal institution in question, including the uncertainty of the criteria for its application, entails certain difficulties in forming a uniform and predictable law enforcement practice. The analysis of the content and manifestations of abuse of procedural rights in the arbitration process is carried out using an integrated approach, covering the study of the norms of current procedural legislation, the legal conclusions of higher courts, as well as theoretical and legal provisions presented in the scientific literature. The domestic studies devoted to the essence of procedural abuse are considered. Attention is paid to the problem of qualifying the passive behavior of the participants in the process, which, under certain circumstances, can be considered as a form of unfair exercise of procedural rights. It is emphasized that in the absence of direct legislative regulation, the courts, resolving such

issues, rely mainly on the evaluative categories formulated in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. It is concluded that the category of bad faith can be used as an auxiliary guideline in the exercise of judicial discretion, but it cannot replace the existence of clear legal criteria. The authors substantiate the need to introduce a comprehensive methodology for assessing the behavior of participants in the process, involving the analysis of both objective and subjective signs, confirmed by the totality of evidence in the case. It is pointed out that there is a need for further improvement of the regulatory framework and the formation of a sustainable practice of responding to procedural abuses in arbitration courts.

KEYWORDS Abuse of procedural law, arbitration process, good faith, judicial discretion, evaluation criterion of the court, violation.

FOR CITATION Khruleva V. V., Manukovskaya A. N. Some Questions About the Concept of Abuse Procedural Rights in the Arbitration Process. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 85—96. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.8.85-96.

Вопросы, связанные с понятием злоупотребления процессуальными правами, в том числе в арбитражном процессе, остаются актуальными и широко обсуждаемыми. С ростом числа арбитражных споров и усложнением их структуры усиливается и проблема недобросовестного использования процессуальных прав. Подобные действия всё чаще применяются как инструмент искажения хода дела, что нарушает саму природу судебного разбирательства и ставит под угрозу основные процессуальные принципы, включая состязательность и добросовестность участников.

В научной литературе представлено множество подходов к определению злоупотребления процессуальными правами, однако в их основе лежит общая идея — реализация субъективного права вопреки его назначению, с целью причинения вреда другой стороне или уклонения от исполнения процессуальной обязанности. При этом основным ориентиром остается конституционное положение о недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ[1]).

Данное положение, на наш взгляд, служит универсальным критерием добросовестности поведения участников процесса. Оно выражает принцип баланса интересов и может применяться в качестве правового фильтра: если реализация процессуального права объективно препятствует осуществлению прав другой стороны или нарушает равенство процессуальных возможностей, то такое поведение следует квалифицировать как злоупотребление.

Согласно классическому подходу, злоупотребление процессуальными правами представляет собой внешне формально правомерные действия, преследующие недобросовестную цель. Так, В. В. Ярков [17, с. 41], М. К. Треушников [12, с. 24], А. В. Юдин [14, с. 19; 15, с. 210] подчеркивают, что такие действия в принципе и соответствуют букве закона, но нарушают цели и назначение права, направлены на недобросовестный результат.

Ряд исследователей исходит из функционального (материального) подхода. Так, Л. М. Алланина считает, что злоупотребление проявляется в действиях, направленных на затягивание разбирательства, дезорганизацию процесса, введение суда в заблуждение [1, с. 163]. При этом, по её мнению, заведомо ложные сведения не квалифицируются как злоупотребление, если не направлены на достижение указанных целей [Там же, с. 164]. Примером может служить дело № А75-8430/2012, в котором суд расценил повторяющиеся необоснованные ходатайства ответчика о замене судьи как способ затянуть процесс[2].

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013.

[2] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 12 марта 2013 г. по делу № А75-8430/2012 // Гарант : информ.-правовой портал. URL : https://base.garant.ru/54348779/.

Некоторые учёные подчеркивают субъективный элемент. А. Т. Боннер указывает на необходимость установления умысла на причинение вреда [7, с. 22]. Аналогичную позицию занимает О. В. Баулин, рассматривающий злоупотребление как сознательное препятствие реализации процессуальных прав другими лицами [4, с. 12]. А. В. Юдин представляет злоупотребление процессуальными правами как особую форму гражданского (арбитражного) процессуального правонарушения [17, с. 30].

Профессор В. В. Ярков отмечает: «Злоупотребление процессуальными правами проявляется в использовании процессуальных механизмов не для достижения законных целей, а ради извлечения необоснованных преимуществ либо создания препятствий другим участникам процесса» [18, с. 144]. Аналогичный подход прослеживается и в судебной практике. Так, в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 указано, что уменьшение истцом размера требований после получения доказательств их необоснованности может квалифицироваться как злоупотребление[3].

С учётом анализа различных подходов можно заключить, что множественность толкований данного понятия объясняется сложностью его правовой природы, необходимостью учета не только формальной стороны поведения участников процесса, но и их целей, мотивации, а также последствий таких действий. Это подтверждает междисциплинарный характер рассматриваемого явления, находящегося на стыке правомерности и недобросовестности, формального соответствия закону и фактического искажения его сущности.

Как и такие правовые категории, как «разумный срок», «грубая неосторожность», «значительный ущерб», «несовместимость поведения со статусом судьи», злоупотребление правом не поддаётся точному нормативному определению и не нашло своего отражения ни в одном из нормативных актов Российской Федерации. Ни Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ)[4] ни Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ)[5], ни Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[6] не содержат легального определения злоупотребления процессуальными правами.

Однако такое отсутствие не следует рассматривать в качестве пробела или упущения законодателя. Напротив, оно обусловлено необходимостью соблюдения конституционных гарантий, прежде всего, закреплённых в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой каждому гарантируется право на судебную защиту. Понимание этого права включает не только возможность беспрепятственного обращения в суд, но и использование всех предусмотренных процессуальных средств защиты на всех стадиях судопроизводства — гражданского, арбитражного и административного — с учётом особенностей конкретного вида судебного разбирательства. Чрезмерная же детализация нормативного определения злоупотребления процессуальным правом могла бы вступать в противоречие с конституционными принципами, ограничивая участников процесса в реализации их гарантированных прав.

Попытки выработать единую нормативную дефиницию злоупотребления процессуальными правами нам также представляются избыточными и теоретически необоснованными. Как справедливо пишет В. В. Ярков, «содержание злоупотребления правом определяется судом в каждом конкретном случае самостоятельно» [17, с. 40]. Профессор В. С. Анохин указывает на то, что отсутствие теоретического и законодательного определения понятия «злоупотребление правом» приводит к решению таких конфликтов на основе судейского усмотрения» [2, с. 100]. Можно обратиться и к мнению испанского юриста Альфредо Гарсии Лопеса, который также подчеркивает, что злоупотребление правом определяется судом в каждом конкретном случае. В частности, он отмечает, что злоупотребление правом является концептом юридической неопределенности, который не может быть заранее определен, а требует индивидуального анализа в каждом конкретном случае [19]. «Если судья будет рабом буквы закона, то он не сможет отличить добросовестную сделку от притворной и злонамеренной» [6, с. 33].

[3] О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дел : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 янв. 2016 г. № 1 // Российская газета. 2016. 1 марта.

[4] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. от 1 апр. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[5] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28 дек. 2024 г., с изм. от 16 янв. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

[6] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изм. от 1 апр. 2025 г.) // Там же. 2015. № 10. Ст. 1391.

Поэтому злоупотребление процессуальными правами, несмотря на свою правовую природу, является оценочной категорией, содержание которой определяется судом ad hoc с учётом конкретных обстоятельств и характера процессуального поведения. Оно не поддаётся строгому и универсальному определению. Его содержание формируется судом в каждом конкретном деле с учётом индивидуальных обстоятельств и характера процессуального поведения сторон, что и исключает возможность закрепления чётких, исчерпывающих критериев в законодательстве.

Конституционный Суд Российской Федерации также в ряде определений (например, № 1410-О/2016 п. 2 абз. 4[7], № 829-О/2016 п. 2 абз. 3[8], № 3114-О/2024 п. 2 абз. 2[9] и др.) последовательно подтверждает допустимость применения оценочных понятий при условии, что их неопределённость не ведёт к произвольному толкованию, что было бы несовместимо с принципом правовой определённости, являющимся элементом конституционного принципа равенства (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ).

Мы придерживаемся того мнения, что применение оценочных понятий при квалификации недобросовестного поведения обусловлено правовой природой злоупотребления, которая исключает его формализацию. Судебная оценка основывается на совокупности обстоятельств дела, целях, характере и последствиях действий стороны, а также на общих началах судопроизводства (разумность, добросовестность, состязательность), профессиональной интуиции и устоявшейся практике. В силу этого квалификация поведения как злоупотребления правом представляет собой проявление дискреционных полномочий суда.

Вместе с тем, право на судебную защиту не является безусловным оправданием недобросовестного поведения сторон. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами осуществляется на основе фундаментальных конституционных принципов: равенство всех перед законом, недопустимость произвола, обеспечение доступа к правосудию (ст. 17, 18 и 46 Конституции РФ). Неслучайно Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 17 июля 2014 г. № 1808-О указал, что запрет на злоупотребление правом представляет собой важный механизм реализации этих принципов. Он обеспечивает баланс между гарантией судебной защиты и необходимостью исключить использование процессуальных механизмов вопреки их назначению[10]. Следовательно, сущность злоупотребления процессуальными правами вытекает из конституционных норм и конкретизируется как в процессуальном и материальном законодательстве, так и в правоприменительной практике высших судебных инстанций. А подчёркивая необходимость борьбы со злоупотреблениями, нельзя не учитывать оценочный характер соответствующего понятия.

Раскрывая правовую природу злоупотребления процессуальными правами, следует сказать о ее тесной взаимосвязи с положениями материального права. Так, статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[11] формулирует общий запрет на злоупотребление правом, в том числе в виде уклонения от исполнения обязанностей или причинения вреда другим лицам. Вместе с тем последствия недобросовестного поведения по смыслу п. 2 указанной статьи связываются преимущественно с отказом в судебной защите права. По этому поводу А. В. Юдин указывает: «Норма ст. 10 ГК РФ описывает последствия злоупотребления преимущественно через отказ суда в защите права, осуществляемого недобросовестно (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Это может породить впечатление, что значимым для квалификации поведения в качестве злоупотребления является период вплоть до вынесения судом решения по существу спора, в котором могут иметь место факты не только "материальных", но и процессуальных злоупотреблений» [16, с. 31].

В связи с этим возникает вопрос о пределах действия указанной нормы: охватывает ли она также злоупотребление процессуальными правами? Представляется, что да. Особенно учитывая положения абз. 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25[12], в котором подчёркива-

---

[7] Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. № 1410-О // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 829-О // Там же.

[9] Определение Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2024 г. № 3114-О // Там же.

[10] Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1808-О // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. на 31 окт. 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[12] О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

ется, что поведение стороны может быть признано недобросовестным не только по заявлению другой стороны, но и по инициативе суда, если имеется очевидное отклонение от надлежащего поведения. Тем самым материальное злоупотребление переходит в процессуальную плоскость, находя там продолжение.

Примером подобного взаимодействия является правовая позиция, изложенная в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 46: «недобросовестное изменение сторонами договорной подсудности квалифицируется через положения статьи 10 ГК РФ, но влечёт процессуальные последствия — передачу дела в надлежащий суд»[13]. Таким образом, злоупотребление субъективным гражданским правом способно породить негативные процессуальные эффекты.

Подобные случаи требуют установления характера злоупотребления — материального либо процессуального — с целью надлежащей юридической квалификации и применения соответствующих правовых последствий. В ряде случаев формы недобросовестного поведения в обеих сферах совпадают по сути и цели, в частности при намеренном затягивании процесса с целью уклонения от исполнения обязательства, что подчёркивает необходимость комплексного подхода к правовой оценке поведения сторон.

Примером того, как нормы материального права могут влиять на оценку процессуального поведения сторон, служит позиция Верховного Суда РФ. В Определении от 4 августа 2022 г. № 305-ЭС21-21196(5) по делу № А41-70837/2017 Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что многократное занижение стоимости отчуждаемого имущества может свидетельствовать о недобросовестности покупателя. Суд отметил: «...если поведение стороны существенно отклоняется от нормального и разумного, и при этом не подтверждено убедительными объяснениями, оно может считаться недобросовестным»[14].

Хотя это дело касается материального права, такой подход суда может использоваться и при оценке поведения сторон в процессе. Он показывает, что недобросовестность определяется не только по закону, но и по фактическому поведению участника — насколько оно соответствует целям и духу права. Это важно и для процессуальной сферы, где поведение сторон также должно соответствовать принципам добросовестности и разумности.

В рамках арбитражной судебной практики встречаются различные примеры злоупотреблений: от подачи многочисленных необоснованных ходатайств до создания искусственных условий для отвода судей или сторон. Например, повторные необоснованные ходатайства о переносе судебных заседаний, подача иска с целью получения информации или давления на оппонента, жалобы на действия суда без достаточных оснований с целью затянуть процесс. Также распространена практика подачи заведомо необоснованных ходатайств о приостановлении производства по делу или о переносе заседаний, что препятствует своевременному и справедливому разрешению спора и др.

В этой связи АПК РФ предусматривает ряд мер, направленных на пресечение злоупотреблений процессуальными правами. Среди таких можно выделить следующие: отказ в реализации права на отказ истца от иска, уменьшение размера исковых требований, признание ответчиком иска или утверждение мирового соглашения между сторонами (ч. 5 ст. 49 АПК РФ); отказ в реализации права на признание стороной обстоятельств по делу (ч. 4 ст. 70 АПК РФ); возложение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ч. 2 ст. 111 АПК РФ); отказ в удовлетворении заявления или ходатайства лица, злоупотребляющего процессуальными правами (ч. 5 ст. 159 АПК РФ); наложение судебного штрафа на лицо, обращающееся в защиту прав и законных интересов группы лиц при условии злоупотребления процессуальными правами (ч. 3 ст. 225.10-1 АПК РФ).

Дополнительные меры предусмотрены иными актами: например, отказ в компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства (ч. 2 ст. 1 Федерального закона 30 апреля 2010 г. № 68 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[15], п. 43 Постановления

[13] О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2021 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.

[14] Верховный Суд: заниженная стоимость недвижимости может свидетельствовать о недобросовестности покупателя // Единый ресурс застройщика. URL: https://erzrf.ru/news/verkhovnyy-sud-zanizhennaya-stoimost-nedvizhimosti-mozhet-svidetelstvovat-o-nedobrosovestnosti-pokupatelya?search=%D0%B7%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F&tag=Urban%20Group (дата обращения: 12.02.2025).

[15] О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Федер. закон от 30 апр. 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.

Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 29 марта 2016 г.[16]).

Согласно ч. 5 ст. 119 АПК РФ арбитражный суд вправе наложить судебный штраф на лиц, проявляющих неуважение к суду. При этом неуважение к суду может выступать одной из форм злоупотребления процессуальными правами, если соответствующее поведение используется в качестве средства давления на суд или инструмента затягивания разбирательства. Например, в Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А72-1160/2017 отмечено, что «суд квалифицирует поведение представителей заявителя как нарушающее порядок судебного заседания и свидетельствующее о проявленном неуважении к суду», поскольку последние допускали «оскорбительные и беспочвенные суждения в адрес суда и недобросовестное пользование процессуальными правами», в том числе в форме повторных заявлений об отводе судей при тождественных основаниях и непредставлении доказательств в их обоснование. Такое поведение, нарушающее нормы статей 24 и 41 АПК РФ, суд расценил как умаляющее авторитет судебной власти[17]. Но не всякое проявление неуважения к суду следует квалифицировать как злоупотребление процессуальными правами. Основным критерием разграничения здесь выступает целевая направленность действий. Так, если сторона, к примеру, демонстративно покидает зал судебного заседания, использует в устных выступлениях грубые выражения или отказывается от соблюдения процессуального порядка, это может свидетельствовать о неуважении к суду, но не обязательно будет представлять собой злоупотребление процессуальными правами. Такое поведение может быть вызвано, например, эмоциональным состоянием участника, недостаточной правовой культурой или иными субъективными факторами, ненаправленными на искажение хода процесса. А если налицо неоднократные и необоснованные заявления об отводах, лишённые правового основания, то это свидетельствует о злоупотреблении процессуальными правами и о стремлении к затягиванию судебного разбирательства.

В юридической литературе подчеркивается, что не всякое противоправное поведение в процессе следует квалифицировать как злоупотребление правами. В частности, указывается на важное методологическое разграничение между собственно злоупотреблением процессуальными правами и процессуальным правонарушением. Так, если участник дела не исполняет прямое предписание суда, содержащееся, например, в определении об истребовании доказательств под угрозой судебного штрафа, то его поведение следует расценивать не как злоупотребление правом, а как нарушение процессуальной обязанности. В этом случае субъективные мотивы лица (например, желание затянуть процесс) теряют значение: для наступления юридической ответственности достаточно самого факта неисполнения судебного акта [16, с. 33].

Поэтому для правильной юридической квалификации поведения участников дела суду необходимо учитывать как формальные признаки (систематичность, повторяемость, отсутствие обоснования в действиях), так и оценивать их направленность, то есть выявлять недобросовестную цель как ключевой критерий злоупотребления. В противном случае существует риск подмены категорий и необоснованного расширения сферы применения института злоупотребления правом.

При рассмотрении форм злоупотреблений процессуальными правами в научной доктрине предлагается и классификация в зависимости от процессуального положения участника: злоупотребление правом на предъявление иска и злоупотребление правом на защиту [8, с. 6]. По нашему мнению, такая классификация способствует не только более точному определению целей злоупотребляющего лица (например, воспрепятствование рассмотрению спора по существу либо его неоправданное инициирование), а также облегчает формирование дифференцированных мер процессуального реагирования. В частности, в первом случае инициатива по подаче иска (заявления) реализуется исключительно формально, без действительной цели добиться судебной защиты нарушенного или оспариваемого права. Подобное поведение направлено, скорее, на вовлечение другой стороны в судебное разбирательство, с сопутствующими для неё издержками — временными, финансовыми и организационными, — нежели на разрешение спора по существу и свидетельствует о недобросовестности поведения истца. Од-

[16] О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 5.

[17] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда по делу № А72-1160/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ним из таких примеров является дело № А40-3342/05-100-34, рассмотренное Федеральным арбитражным судом Московского округа, в котором истец предъявил иск о солидарном взыскании денежных средств с двух ответчиков: ОАО «Рембыттехника» и ООО «Глобус». При этом в исковом заявлении отсутствовали основания для привлечения ООО «Глобус» в качестве ответчика. Суд установил, что указание ООО «Глобус», зарегистрированного в Москве, в качестве ответчика было направлено исключительно на изменение территориальной подсудности дела. Такие действия были квалифицированы как злоупотребление процессуальными правами с целью искусственного изменения подсудности. Суд обязал истца уточнить основания иска к ООО «Глобус», а в случае отказа — рассмотреть вопрос о правомерности подачи иска в Арбитражный суд города Москвы[18].

В случае злоупотребления правом на защиту таковое проявляется, как правило, в действиях, направленных на затягивание рассмотрения дела или воспрепятствование своевременному исполнению решения. К таким действиям могут относиться подача отзыва с недостоверными сведениями, неоднократное заявление необоснованных ходатайств и жалоб, а также злоупотребление институтом обжалования. Подобные действия хотя формально и укладываются в рамки допустимого поведения, по сути искажают назначение судебной защиты, нарушают принципы процессуальной экономии и справедливости. Так, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 октября 2021 г. по делу № А56-1031/2020 суд признал злоупотреблением процессуальными правами ходатайство о проведении экспертизы, поданное спустя 10 месяцев после поступления дела в суд. Суд указал, что такое поведение направлено на затягивание судебного разбирательства и отказал в удовлетворении ходатайства[19].

Следует отметить, что злоупотребление процессуальными правами может выражаться не только в активных действиях (подача заведомо необоснованных исков, ходатайств, жалоб), но и в форме умышленного бездействия, искажающего цели и задачи арбитражного судопроизводства. Такое поведение может проявляться, например, в сознательном уклонении от предоставления доказательств, игнорировании требований суда, систематическом неисполнении процессуальных обязанностей.

Однако именно в этих ситуациях встает методологически важный вопрос — разграничение собственно злоупотребления правом и простого неисполнения процессуальной обязанности. Как справедливо отмечается в литературе, не каждое бездействие влечет квалификацию как злоупотребление — необходимо установление его направленности на достижение недобросовестной цели и наличие негативных последствий для других участников процесса либо для правосудия в целом [9, с. 55].

Важно учитывать, что объективная сторона злоупотребления обычно характеризуется активным поведением. Бездеятельность в форме отказа от реализации процессуального права, как правило, не может квалифицироваться как злоупотребление. Тем не менее, ряд авторов обращает внимание на возможность реализации злоупотребления и в пассивной форме, когда бездействие используется в ущерб другим участникам и интересам правосудия. К примеру, Т. П. Подшивалов указывает, что действия (или бездействие), направленные на извлечение преимуществ при одновременном причинении вреда другим субъектам процесса, могут представлять собой форму злоупотребления [10, с. 17].

Обоснованность подобного подхода подтверждается и судебной практикой. Например, в Определении ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № ВАС-7256/12 по делу № А41-20318/2011 анализируется ситуация, при которой ответчик изменил правовую позицию на стадии надзорного пересмотра, ссылаясь на новые нормы иностранного права. Подобное поведение суд расценил как злоупотребление процессуальными правами, поскольку оно поставило истца в неблагоприятное положение, нивелировав ход ранее проведенного судебного разбирательства[20].

Тем не менее преждевременным представляется выделение пассивной процессуальной позиции как самостоятельной формы злоупотребления. Такой подход требует дальнейшего теоретико-правового осмысления, основанного на устойчивой практике и четких правовых критериях оценки поведения участников арбитражного процесса.

[18] Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа по делу № А40-3342/05-100-34 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 6 октября 2021 г. по делу № А56-1031/2020 // Там же.

[20] Определение ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № ВАС-7256/12 по делу № А41-20318/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

Итак, представленные формы злоупотребления нельзя рассматривать как исчерпывающий перечень. Их выделение обусловлено необходимостью структурировать типичные проявления недобросовестного поведения в арбитражном процессе. Окончательное решение о наличии злоупотребления принимается судом в зависимости от конкретных обстоятельств дела, с использованием механизма оценки и внутреннего убеждения судьи.

Раскрывая вопрос понятия злоупотребления правом, нельзя не обратить внимание еще на один аспект. С. В. Баганова пишет: «Осуществление субъективных прав ни в коем случае не должно быть реализацией намерения причинить вред другому лицу, обойти закон или иным действием, связанным с заведомо недобросовестным осуществлением гражданских прав» [3, с. 755]. М. А. Боловнев также пишет, что «своеобразным ядром определения злоупотребления является недобросовестность» [5, с. 33]. И. В. Решетникова обозначает злоупотребление правом и добросовестность как два взаимосвязанных начала. Она рассматривает «злоупотребление правом как результат недобросовестного поведения субъекта с возложением на него соответствующей ответственности [11, с. 248].

Действительно, понятия злоупотребления правом и недобросовестности в правовой науке и практике часто отождествляются, что находит своё отражение и в законодательстве. Например, в ст. 10 ГК РФ, посвящённой злоупотреблению правом, прямо используется формулировка «иное заведомо недобросовестное поведение».

Термин «недобросовестность» широко применяется и в различных отраслях права, которые регулируют отношения с элементами злоупотребления правами. Так, в п. 2 ст. 5 Федерального закона «О рекламе»[21] даётся определение недобросовестной рекламы, которая рассматривается как одна из форм недобросовестной конкуренции, регулируемой Федеральным законом «О защите конкуренции» (ст. 1). При этом недобросовестная конкуренция признана одной из форм злоупотребления правом. С учётом этого в литературе не раз предлагались нововведения в АПК РФ и ГПК РФ на уровне статьи, которая подробно описывала бы идею добросовестности — по аналогии с обособленными статьями данных нормативных актов, посвященных различным принципам. Такая идея закрепления принципа добросовестности в процессуальном законодательстве позволила бы более чётко выделять грани между добросовестным использованием процессуальных прав и их злоупотреблением. И. Г. Федин, например, полагает, что «использование понятия недобросовестности в контексте процессуальных правоотношений арбитражного процесса представляется обоснованным и целесообразным. Более того, а арбитражном процессе противоречие между действиями участников, соответствующими принципу добросовестности, и действиями, нарушающими этот принцип, формирует основу для квалификации поведения как злоупотребления процессуальными правами» [13, с. 4].

Признавая ценность понятия добросовестности, мы все же склоняемся к более взвешенной и процессуально обоснованной позиции В. В. Яркова, который акцентирует внимание на оценочном характере таких категорий и считает злоупотребление процессуальным правом производным юридическим фактом. В частности, В. В. Ярков пишет: «Как бы ни определялось оно — через противоправность, "неправо", добросовестность или недобросовестность поведения, — все приведенные понятия также носят оценочный характер и поэтому вряд ли приведут нас к точному понятийному определению данного юридического явления. Причина достаточно проста — злоупотребление процессуальным правом выступает как производный (вторичный) юридический факт, который устанавливается судом на основе других юридических фактов» [17, с. 40].

Даная позиция представляется нам более убедительной, поскольку опирается на системно-правовой подход и учитывает специфику процессуальных правоотношений. В отличие от предложений о прямом нормативном закреплении категории «добросовестность» в арбитражном процессе, подход В. В. Яркова предупреждает опасность чрезмерной абстрактности и усмотрения в правоприменении. Он указывает на то, что злоупотребление процессуальными правами не существует в отрыве — оно всегда проявляется в конкретных действиях или бездействии, которые нарушают нормы процессуального закона и препятствуют достижению целей правосудия.

Введение же в законодательство самостоятельной статьи о принципе добросовестности может быть полезным лишь при условии высокой степени определённости содержания этого принципа. Однако на практике в процессуальной плоскости оценка поведе-

[21] О рекламе : Федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (с изм. от 1 апр. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

ния участников спора должна строиться не столько на морально-этических категориях, сколько на объективно установленных юридических фактах. Именно это подчёркивает В. В. Ярков: суд, прежде чем квалифицировать поведение как злоупотребление правом, должен установить первичные юридические факты — например, умышленное затягивание разбирательства, неоднократное направление необоснованных ходатайств, иные действия, направленные не на защиту права, а на воспрепятствование её реализации другой стороной.

Следовательно, оценочная категория «недобросовестность» может использоваться как дополнительный ориентир в рамках судебного усмотрения, но не как универсальное основание правовой квалификации. Это делает подход В. В. Яркова более реалистичным и соответствующим конституционному требованию правовой определённости, позволяющему избежать произвольного или репрессивного толкования со стороны суда.

Таким образом, злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе характеризуется рядом взаимосвязанных признаков. Речь идёт о действиях лиц, участвующих в деле, которые внешне соответствуют форме предоставленных им процессуальных прав, но фактически направлены на искажение целей судебной защиты либо на воспрепятствование осуществлению правосудия. Существенным элементом такого поведения выступает наличие у субъекта противоправной цели и соответствующих мотивов: стремления использовать процессуальные возможности вопреки их назначению или же отказа от их реализации в ущерб интересам правосудия. Подобные действия противоречат задачам арбитражного судопроизводства, закреплённым в ст. 2 АПК РФ, а также нарушают его основополагающие принципы, включая принципы добросовестности, состязательности, равноправия сторон, разумности и справедливости. Важно отметить, что формы злоупотребления процессуальными правами не подлежат исчерпывающему перечислению, что обусловлено их оценочным характером. Суд, выявляя злоупотребление, опирается на совокупность первичных юридических фактов, которые либо доказываются заинтересованными лицами, либо устанавливаются самим судом в процессе рассмотрения дела. В результате злоупотребление приводит к неблагоприятным последствиям, выражающимся в воспрепятствовании движению дела, затягивании процесса, нарушении прав других участников судебного разбирательства, например, в срыве судебного заседания, необоснованной подаче заявлений о фальсификации доказательств, ходатайствах, направленных исключительно на умышленную задержку рассмотрения спора и иных аналогичных проявлениях недобросовестного поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алланина Л. М. Злоупотребление правом в процессе: нежелательное поведение или руководство к действию? // Право. — 2024. — № 1. — С. 163—168. — DOI: 10.24412/2411-2275-2024-1-163-168.
2. Анохин В. С. О злоупотреблении правом в арбитражном судопроизводстве: теория и судебная практика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2009. — № 2. — С. 97—118.
3. Баганова С. В., Копылова К. А. Злоупотребление процессуальными правами как основание возникновения ответственности в гражданском процессе // Baikal Research Journal. — 2023. — № 14. — С. 753—763. — DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(2).753-763.
4. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. — Москва : Городец, 2004. — 272 с.
5. Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. — Омск, 2018. — 234 с.
6. Боннер А. Т. Избранные труды : в 7 т. — Москва : Проспект, 2017. — Т. 1: История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных отношений. — 336 с.
7. Боннер А. Т. Законность и справедливость судебного решения // Советское государство и право. — 1978. — № 2. — С. 22—30.
8. Борбат А. В., Кошелева М. В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2018. — № 4. — С. 6—9.
9. Качмарев М. В. Определение и классификация понятия «злоупотребление процессуальными правами» в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве // Закон и Власть. — 2022. — № 4. — С. 54—58.
10. Подшивалов Т. П. Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе // Российская юстиция. — 2014. — № 9. — С. 17—20.
11. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве : Избранное. — Москва : Статут, 2019. — 510 с.
12. Треушников М. К. Судебные доказательства. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Городец, 2005. — 371 с.

13. Федин И. Г. Актуальные вопросы развития принципа добросовестности в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 3. — С. 3—7. — DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-3-7.

14. Юдин А. В. Разграничение злоупотреблений процессуальными правами в цивилистическом процессе со смежными правовыми явлениями // Закон. — 2022. — № 7. — С. 19—25.

15. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 208—211.

16. Юдин А. В. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Гражданский процесс: наука и преподавание / под ред. М. К. Треушникова, Е. А. Борисовой. — Москва : Городец, 2006. — 783 с.

17. Ярков В. В. Доказывание злоупотребления процессуальным правом // Закон. — 2022. — № 7. — С. 40—51. — DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-7-40-51.

18. Ярков В. В. Познание и доказывание процессуальных юридических фактов // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. — № 2. — С. 144—156.

19. García López A. Abuse of Rights in Civil Law: Judicial Discretion and Legal Uncertainty. — Madrid : Editorial Jurídica, 2018. — 256 p.

REFERENCES

1. Allanina l. M. Abuse of process: undesirable behavior or a guide to action? *Pravo = Law*, 2024, pp. 163—168. (In Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2024-1-163-168.

2. Anokhin V. S. About the right abusing in arbitration legal proceedings: Theory and judiciary practice. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2009, no. 2, pp. 97—118. (In Russian).

3. Baganova S. V., Kopylova K. A. Abuse of Procedural Rights as a Basis for Liability in Civil Proceedings. *Baikal Research Journal*, 2023, vol. 14, no. 2, pp. 753—763. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(2).753-763.

4. Baulin O. V. *Bremya dokazyvaniya pri razbiratelstve grazhdanskikh del* [Burden of Proof in Civil Cases]. Moscow, Gorodets Publ., 2004. 272 p.

5. Bolovnev M. A. *Ehffektivnost protivodeistviya zloupotrebleniyam protsessualnymi pravami. Kand. Diss.* [Effectiveness of Counteracting Abuse of Procedural Rights. Cand. Diss.]. Omsk, 2018. 234 p.

6. Bonner A. T. *Izbrannye trudy: Istoriya grazhdanskogo protsessualnogo prava. Spetsifika grazhdanskikh protsessualnykh otnoshenii* [Selected Works: History of Civil Procedural Law. Specifics of Civil Procedural Relations]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. Vol. 1. 336 p.

7. Bonner A. T. Legality and Fairness of the Court Decision. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1978, no. 2, pp. 22—30. (In Russian).

8. Borbat A. V., Kosheleva M. V. Abuse of procedural laws in arbitration process. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, no. 4, pp. 6—9. (In Russian).

9. Kachmarev M. V. Definition and Classification of the Concept of "Abuse of Procedural Rights" in Civil, Arbitration and Administrative Proceedings. *Zakon i Vlast = Law and Power*, 2022, no. 4, pp. 54—58. (In Russian).

10. Podshivalov T. P. Prohibition of Abuse of Procedural Rights in Arbitration Proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2014, no. 9, pp. 17—20. (In Russian).

11. Reshetnikova I. V. *Razmyshlyaya o sudoproizvodstve. Izbrannoe* [Reflections on Legal Proceedings. Selected]. Moscow, Statut Publ., 2019. 510 p.

12. Treushnikov M. K. *Sudebnye dokazatelstva* [Forensic evidence]. 4th ed. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 371 p.

13. Fedin I. G. Relevant Issues of the Development of the Principle of Good Faith in an Arbitration and Civil Procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2005, no. 7, pp. 36—39. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-383X-2021-3-3-7.

14. Yudin A. V. Distinction Between Abuse of Procedural Rights in Civil Law Proceedings and Related Legal Phenomena. *Zakon = Law*, 2022, no. 7, pp. 19—25. (In Russian).

15. Abuse of procedural rights in civil proceedings. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 8, pp. 208—211. (In Russian).

16. Yudin A. V. Counteracting the Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings. In Treushnikov M. K., Borisova E. A. (eds). *Grazhdanskii protsess: nauka i prepodavanie* [Civil Procedure: Science and Teaching]. Moscow, Gorodets Publ., 2006. 783 p. (In Russian).

17. Yarkov V. V. Proving the Abuse of Procedural Law. *Zakon = Law*, 2022, no. 7, pp. 40—51. (In Russian). DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-7-40-51.

18. Yarkov V. V. Knowledge and proof of procedural legal facts. In Yarkov V. V. (ed.). *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa* [Russian Yearbook of Civil and Arbitration Procedure]. Saint Petersburg State University Publ., 2003, iss. 2, pp. 144—156. (In Russian).

19. García López A. *Abuse of Rights in Civil Law: Judicial Discretion and Legal Uncertainty*. Madrid, Editorial Jurídica, 2018. 256 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Хрулева Вера Владимировна (Воронеж) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева (394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95, e-mail: pravosud36@mail.ru).

Мануковская Алевтина Николаевна (Воронеж) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева (394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95, e-mail: man-an@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khruleva, Vera V. (Voronezh) — Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Civil Law Disciplines Department, Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (95 20th Anniversary of October St., Voronezh, 394006, Russia, e-mail: pravosud36@mail.ru).

Manukovskaya, Alevtina N. (Voronezh) — Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Civil Law Disciplines Department, Central Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (95 20th Anniversary of October St., Voronezh, 394006, Russia, e-mail: man-an@mail.ru).

УДК 343.915:343.222.7

К. А. Зарубина
Юго-Западный государственный университет,
Курск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2725-6906
ResearcherID: rid84985

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ В СВЕТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 29 МАЯ 2024 ГОДА № 111-ФЗ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 97—104.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.9.97-104
Дата поступления 11.03.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В представленном исследовании анализируется содержание статьи 150 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений. Определено, что первоначально к квалифицирующим признакам данной нормы относилось совершение указанного деяния: а) педагогом, родителем или лицом, на которое возложены по закону обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (часть 2 статьи 150 УК РФ); б) с применением насилия или с угрозой его применения (часть 3 статьи 150 УК РФ); в) сопряженное с вовлечением в совершение тяжкого или особо тяжкого (часть 4 ст. 150 УК РФ). Позднее часть 4 статьи 150 УК РФ была дополнена такими признаками, как «вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу», а также «совершение преступления по мотивам идеологической, политической, расовой, религиозной или национальной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Однако современные вызовы привели к ещё одному изменению указанной нормы. Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации» часть 4 статьи 150 была дополнена новым пунктом «в», предусматривающим наказание за вовлечение несовершеннолетнего в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести. Анализ правоприменительной практики, мнений современных учёных и пояснительной записки к законопроекту № 512731-8 «О внесении изменений в статью 150 УК РФ» показал, что введение указанного квалифицирующего признака обусловлено необходимостью усиления противодействия вовлечению несовершеннолетних не просто в преступную, а профессиональную преступную деятельность. Для повышения правоприменительного потенциала указанной нормы предложено ужесточить ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение трех и более тождественных и (или) однородных преступлений небольшой и (или) средней тяжести, а также дать официальные разъяснения о порядке применения пункта «в» части 4 статьи 150 УК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Профессиональная преступность, вовлечение в совершение преступления, несовершеннолетний преступник, преступная деятельность, криминальный профессионализм, уголовный закон.

СВЕДЕНИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ

Статья подготовлена в рамках выполнения Госзадания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010)». Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зарубина К. А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений: вопросы квалификации в свете Федерального закона от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 97—104. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.9.97-104.

UDC 343.915:343.222.7

K. A. Zarubina
Southwestern State University,
Kursk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2725-6906
ResearcherID: rid84985

INVOLVEMENT OF MINORS IN THE COMMISSION OF SEVERAL CRIMES: ISSUES OF QUALIFICATION IN LIGHT OF THE FEDERAL LAW OF MAY 29, 2024 NO. 111-FZ

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 97—104.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.9.97-104
Received 11.03.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The presented study analyzes the content of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for involving minors in committing crimes. It was determined that initially the qualifying features of this norm included the commission of the said act: a) by a teacher, parent or person who is legally responsible for the upbringing of a minor (Part 2 of Article 150 of the Criminal Code); b) with the use of violence or the threat of its use (Part 3 of Article 150 of the Criminal Code); c) associated with involvement in the commission of a grave or especially grave crime (Part 4 of Article 150 of the Criminal Code). Later, Part 4 of Article 150 of the Criminal Code was supplemented with such features as "involving a minor in a criminal group" and "commission of a crime motivated by ideological, political, racial, religious or national hatred or enmity, or motivated by hatred or enmity towards any social group." However, modern challenges have led to another change in this norm. Federal Law No. 111-FZ of May 29, 2024 "On Amending Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation" supplemented Part 4 of Article 150 with a new paragraph "c", providing for punishment for involving a minor in committing three or more crimes of minor and (or) moderate severity. An analysis of law enforcement practice, opinions of modern scientists and the explanatory note to bill No. 512731-8 "On Amending Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation" showed that the introduction of this qualifying feature is due to the need to strengthen counteraction to the

involvement of minors not just in criminal, but in professional criminal activity. In order to increase the law enforcement potential of this norm, it is proposed to toughen the liability for involving a minor in the commission of three or more identical and/or similar crimes of minor and/or moderate severity, and also to provide official clarifications on the procedure for applying paragraph "c" of Part 4 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation.

KEYWORDS

Professional crime, involvement in the commission of a crime, juvenile offender, criminal activity, criminal professionalism, criminal law.

ACKNOWLEDGEMENTS

The article was prepared as part of the implementation of the State Assignment "Legal Measures to Ensure Strategic Priorities to Counter Threats to National Security (FENM-2025-0010)". Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

FOR CITATION

Zarubina K. A. Involvement of Minors in the Commission of Several Crimes: Issues of Qualification in Light of the Federal Law of May 29, 2024 No. 111-FZ. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 97—104. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.9.97-104.

Несовершеннолетние являются одной из наименее защищённых категорий граждан, которые ввиду особого психоэмоционального состояния личности, обусловленного особенностями развития человеческого организма, нередко вовлекаются в преступную деятельность. Однако самостоятельно криминальный образ жизни несовершеннолетние выбирают редко, — чаще всего подобное вовлечение происходит под влиянием «старших товарищей».

Первая редакция ст. 150 Уголовного кодекса РФ устанавливала ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путём обмана, обещаний, угроз или другим способом (основной состав). За это предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет. В качестве квалифицирующих признаков было обозначено совершение указанного деяния: а) педагогом, родителем или лицом, на которое возложены по закону обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 150 УК РФ); б) с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 3 ст. 150 УК РФ); в) сопряженное с вовлечением в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ)[1]. После эволюция отечественного уголовного законодательства привела к дополнению ч. 4 ст. 150 УК РФ такими признаками, как вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу, а также в совершение преступления по мотивам идеологической, политической, расовой, религиозной или национальной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Исследуя вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, укажем, что согласно п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в редакции от 28 октября 2021 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», при рассмотрении данной категории дел надлежит устанавливать характер взаимоотношений между несовершеннолетними и взрослыми лицами, достигшими 18-ти летнего возраста. При этом под вовлечением необходимо понимать соответствующие действия, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление, выражаемые в форме обмана, угроз, обещаний, а также в форме предложений совершить общественно опасные деяния.

Оконченным данное преступное деяние считается с момента совершения соответствующих деяний несовершеннолетним. При этом в том случае, если несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, то лицо, которое вовлекло его в совершение преступления несёт ответственность за соде-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

янное в качестве исполнителя (путём посредственного причинения)[2].

Новеллой 2024 г. является внесение Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ в ч. 4 ст. 150 УК РФ нового квалифицирующего признака. Указанный признак предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет либо без такового за вовлечение несовершеннолетнего в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести[3].

Введение в действие данной нормы вызвало широкие дискуссии в научном сообществе относительно определения причин ужесточения ответственности за повторное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность. В связи с этим считаем необходимым выявить цель разработки и внедрения указанного изменения в действующий УК РФ, основываясь на позиции законодателя, исходя из содержания проекта Федерального закона, мнениях представителей научного сообщества по данной проблематике и современных тенденциях правоприменительной практики.

В первую очередь в пояснительной записке к данному законопроекту обозначено, что целью его разработки является усиление противодействия вовлечению несовершеннолетних в совершение нескольких преступлений. Со ссылками на соответствующие статьи Конституции РФ (ч. 4 ст.67.1), действующей Стратегии национальной безопасности РФ (подп. 9 п. 47) дополнительно подчёркнуто, что профилактика преступной деятельности несовершеннолетних является одной из приоритетных задач отечественной государственной политики, а необходимость усиления ответственности за повторность такой деятельности обусловлена активизацией попыток деструктивных сил дестабилизировать обстановку в российском государстве путем вовлечения подростков в общественно опасную деятельность[4].

В пояснительной записке также указано, что в последнее время значительно выросли масштабы вовлечения несовершеннолетних в совершение таких преступлений, как хулиганство, вандализм, заведомо ложные сообщения о минировании зданий и сооружений, незаконные публичные мероприятия, умышленное уничтожение (повреждение) чужого имущества. Исходя из этого, напрашивается соответствующий вывод: по усмотрению законодателя рост именно данных преступных деяний детерминирует принятие указанного изменения. Однако так ли это в действительности? Считаем, что приведённый причинный комплекс необходимо проанализировать более детально и обозначить более чётко.

Отметим, что в приведенных в пояснительной записке примерах основной видовой объект преступных посягательств — это общественная безопасность, и лишь в случае с уничтожением (повреждением) чужого имущества — собственность. Однако это не совсем «укладывается» в дальнейшее выстраивание обоснования причинно-следственной связи предлагаемых изменений и общей концепции законопроекта. Так, после теоретического обоснования цели принятия данного Федерального закона в четырёх приводимых в документе примерах из судебной практики в качестве объекта преступных посягательств определяется именно отношения по поводу собственность, а не общественной безопасности, о которой ранее пишет автор законопроекта. Это даёт основание заключить, что в большинстве случаев несовершеннолетних вовлекают именно в корыстные преступления. И это не единственное, что обращает на себя внимание.

Отдельно укажем, что в приводимых примерах отмечается многоэпизодность совершаемых деяний. Так, в первом примере несовершеннолетних вовлекли в совершение 8 краж, во втором — к 7, в третьем — к 4, а в четвёртом — к 10. Это приводит к понимаю противодействия разработанной нормой уголовного закона вовлечению несовершеннолетних не просто в преступную, а профессиональную преступную деятельность, характеризующуюся как раз такой систематичностью, однородностью и (или) тождественностью совершения преступлений. В подтверждение также укажем, что в приведённых примерах из судебной практики взрослые лица, согласно материалам следствия, являлись настоящими преступниками-профессионалами, поскольку специализировались исключительно на совершении краж, имели необходимую криминальную квалификацию и получали систе-

---

[2] Российская газета. 2011. 11 февр.

[3] О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса : Федер. закон от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 23 (ч. 1). Ст. 3049.

[4] О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части уточнения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) : Законопроект № 512731-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/512731-8.

матическую прибыль от такой деятельности. Так, например, некто гражданин А. в 2022 г. в г. Казани совершил 44 кражи чужого имущества, являясь настоящим «профессионалом» криминального «ремесла», и 10 из 44 краж совершены совместно с несовершеннолетними[5] Полагаем, что именно в этой части пояснительной записки наиболее полно раскрывается основная цель введения нового квалифицирующего признака — противодействия вовлечению несовершеннолетних преступниками в профессиональную преступную деятельность корыстной направленности.

Указанная точка зрения находит подтверждение и в научной среде. Так, отдельные исследователи справедливо отмечают, что особую опасность в настоящее время представляет разлагающее влияние на несовершеннолетних, оказываемое со стороны ранее судимых лиц, а также членов криминальных структур [1, с. 52—57; 2, с. 68—75; 7, с. 42—51]. Как замечают исследователи, такое воздействие не просто приводит к разовому совершению несовершеннолетними преступных деяний, а способствует усвоению несовершеннолетними ценностей и норм криминальной субкультуры, восприятию противозаконного поведения как образа жизни, а главное — к подготовке из числа таких несовершеннолетних «кадрового резерва» для профессиональной преступности [10, с. 103—114]. Другие отмечают, что каждый второй преступник-профессионал свое первое преступление совершил именно в возрасте 14-18 лет [2, с. 68—75], и согласно данным некоторых экспертных оценок доля таких лиц среди профессиональных преступников составляет 80 % от их общей массы [4, с. 47—56]. При этом особую роль в формировании у подростков склонности к совершению преступлений учёные справедливо отводят именно «старшим товарищам» по криминальному «ремеслу» [3, с. 124—130; 9, с. 207—210].

Указанная проблематика также отражается в современной отечественной судебной практике. В судебных решениях прослеживается устойчивая связь между вовлечением несовершеннолетних в совершение преступлений небольшой и (или) средней тяжести и профессиональной преступной деятельностью.

Для примера приведём дело о совершении с вовлечением несовершеннолетней Н. в 2018-2019 годах в Краснодаре в пять эпизодов «магазинных» краж группой лиц по предварительному сговору. Согласно материалам следствия, Ф. намеренно установил дружеские отношения с несовершеннолетней с целью её вовлечения в преступную деятельность, осуществляемую на постоянной (профессиональной) основе. Первоначально, преступник попросил её «помочь» совершить кражу колонки для прослушивания музыки, предварительно обучив данному «ремеслу». Ф. пояснил, что для хищения колонки (как и любого другого товара из сетевого магазина) необходимо взять её со стеллажа, достать из коробки и, не попадая в поле зрения камеры видеонаблюдения и сотрудников охраны, аккуратно положить её во внутренний карман куртки, вернув пустую коробку на полку. Затем, не привлекая внимания, необходимо максимально спокойно и уверенно удалиться из магазина. По отработанной «схеме» было совершено несколько эпизодов краж цифровой техники из разных крупных сетевых магазинов города с дальнейшей перепродажей данных товаров и получением преступным путём денежных средств.

Криминологическая наука оценивает указанные деяния как промысел «магазинных воров» или «шоплифтинг», определяемый как профессиональная осознанная противоправная деятельность по совершению хищений товаров и денежных средств в розничных магазинах «современных форматов». Подобные систематические кражи товаров в крупных магазинах позволяют преступникам значительно обогащаться и получать от этого «ремесла» постоянную прибыль, что наряду с владением особыми криминальными умениями и навыками позволяет отождествлять указанную «активность» с деятельностью преступников-профессионалов [5, с. 38—46; 6, с. 45—50]. В свою очередь, вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность обеспечивает пополнение «кадрового резерва» профессионального преступного сообщества.

В указанном деле решением суда гражданин Ф. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 228 УК РФ, а также ч. 1 ст. 150 УК РФ с назначением наказания в виде 4 лет лишения свободы[6]. Однако негативное деструктивное воздействие на несовершен-

[5] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/512731-8.

[6] Приговор № 1-102/2021 1-726/2020 от 22 марта 2021 г. по делу № 1-102/2021, Советский районный суд г. Краснодара (Краснодарский край) // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vHdcRW9138oT/.

нолетнюю Н. всё же было оказано, что значительно повысило риск продолжения ведения подростком уже во взрослом возрасте криминального образа жизни.

Таким образом, примеры судебной практики также подтверждают актуальность активизации борьбы средствами уголовного закона с вовлечением подростков не просто в преступную, а профессиональную преступную деятельность. В связи с этим ещё раз подчеркнём, что более обоснованная и подтверждённая теорией и практикой цель введения нового квалифицирующего признака в ч. 4 ст. 150 УК РФ — это противодействие формированию у несовершеннолетних интереса к продолжению преступной деятельности на постоянной (профессиональной) основе и к криминальной жизни в целом.

Однако, как справедливо отмечает исследователь А. Н. Сунгатуллин, несмотря на весь положительный эффект от введения указанной нормы и значительный правоприменительный потенциал, у рассматриваемого квалифицирующего признака есть некоторые недостатки. К примеру, не совсем ясно, подлежит ли квалификации по п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ совершение нескольких тождественных преступлений, объединённых единым умыслом и направленных на достижение единой цели (по-другому, когда речь идёт о продолжаемом преступлении). Определим, что по характеру и степени общественной опасности такое преступное деяние не менее опасно, чем неоднократное вовлечение в преступную деятельность несовершеннолетних, поскольку в результате совершения такого преступления подростки также увеличивают свой криминальный «потенциал», обретают преступный опыт, однако, согласно устоявшейся уголовно-правовой традиции, указанные деяния должны быть оценены как одно преступление, вследствие чего привлечение к ответственности именно по п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ исключается [8, с. 65—74]. Полагаем, что по этому поводу необходимы соответствующие комментарии Пленума Верховного Суда РФ.

Также обозначим такой недостаток, как отсутствие в п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ указания не просто на неоднократное вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а на вовлечение в совершение однородных и (или) тождественных преступных деяний. Считаем, что это позволит вычленить среди иной деятельности криминальных элементов, направленной на вовлечение подростков и молодёжи в совершение преступлений, деятельность преступников-профессионалов, имеющих высокую квалификацию и специализирующихся исключительно на совершении тождественных и (или) однородных преступлений. Полагаем, это позволит усилить профилактирующий «эффект» и снизить потенциал криминального воздействия преступников-профессионалов на подрастающее поколение, а также в целом нивелировать рост «кадрового резерва» профессиональной преступности, «питающейся» и самодетерминирующейся как раз за счёт подобного привлечения к такой общественно опасной деятельности несовершеннолетних.

Анализ правоприменительной практики, действующего законодательства и мнений отечественных учёных, занимающихся исследованиями в данной области, даёт основание заключить, что введение в действие Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 150 Уголовного кодекса Российской Федерации» такого квалифицирующего признака, как вовлечение несовершеннолетнего в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести, предусмотренный п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ, действительно отвечает запросам современности, определяя в качестве одной из приоритетных задач действующего уголовного законодательства противодействие дальнейшей криминализации подростковой среды, а главное, противодействие вовлечению несовершеннолетних в занятие преступной деятельностью на постоянной (профессиональной) основе. Считаем, что вступившие в силу изменения имеют большой правоприменительный потенциал и значительную актуальность, препятствуя в глобальном масштабе дальнейшей самодетерминации сообщества преступников-профессионалов, воспринимающих несовершеннолетних как потенциальный «кадровый резерв». Однако, несмотря на это, указанный квалифицирующий признак не лишён недостатков, в связи с чем находим важным разъяснение особенностей применения указанной нормы Пленумом Верховного Суда РФ. С целью усиления борьбы с криминальной «профессионализацией» подростковой среды считаем необходимым ужесточение ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение трех и более тождественных и (или) однородных преступлений небольшой и (или) средней тяжести посредством внесения соответствующих изменений в п. «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демидова-Петрова Е. В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2013. — № 4 (14). — С. 52—57.

2. Жадан В. Н. О криминологической характеристике личности несовершеннолетних преступников // Юридическая наука. — 2019. — № 8. — С. 68—75.

3. Ивасюк О. Н., Калашников И. В. Криминологические особенности современной преступности несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. —2019. — Т. 5 (71), № 2. — С. 124—130.

4. Колесников Р. В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 1 (57). — С. 47—56. — DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005.

5. Лебедь А. Л. Магазинные кражи в России: направления исследования // Закон и жизнь. — 2017. — № 2. — С. 38—46.

6. Лебедь А. Л. Шоплифтинг в России: постановка проблемы // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 3 (37). — С. 45—50.

7. Петрянин А. В., Богомолов С. Ю., Неганов Д. А. Государственно-частное партнерство в предупреждении совершения новых преступлений в местах лишения свободы (на примере общественно опасных деяний экстремистской направленности) // Уголовно-исполнительное право. — 2023. — 18 (1-4), № 1. — С. 42—51. — DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.042-051.

8. Сунгатуллин А. Н. О перспективах усиления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2024. — № 3 (69). — С. 65—74.

9. Хомиченко Ю. В. Особенности преступных групп несовершеннолетних // Историческая и социально-образовательная мысль (ИСОМ). — 2011. — № 4. — С. 207—210.

10. Чебурёнков А. А. Криминалистические проблемы установления негативного влияния взрослых на несовершеннолетних с целью вовлечения их в совершение преступлений // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 2 (76). — С. 103—114. — DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.14.

REFERENCES

1. Demidova-Petrova E. V. On Juvenile Delinquency and Its Features. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2013, no. 4 (14), pp. 52—57. (In Russian).

2. Zhadan V. N. On the criminological characteristics of the personality of juvenile offenders. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2019, no. 8, pp. 68—75. (In Russian).

3. Ivasyuk O. N., Kalashnikov I. V. Modern criminological characteristics of juvenile crime. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskaie nauki = Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal science*, 2019, vol. 5 (71), no. 2, pp. 124—130. (In Russian).

4. Kolesnikov R. V. Current state of juvenile delinquency. *Penitentsiarnay nauka = Penitentiary Science*, 2022, vol. 16, no. 1 (57), pp. 47—56. (In Russian). DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.005.

5. Lebed A. L. Shoplifting in Russia: Directions of research. *Zakon i zhizn*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 38—46. (In Russian).

6. Lebed A. L. Shoplifting in Russia: posing the problem. *Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar university of Russian MIA*, 2017, no. 3 (37), pp. 45—50. (In Russian).

7. Petryanin A. V., Bogomolov S. Ju., Neganov D. A. Public-private partnership in preventing the commission of new crimes in places of deprivation of liberty (on the example of socially dangerous actsof extremist orientation). *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo = Penal law*, 2023, vol. 18 (1-4), iss. 1, pp. 42—51. (In Russian). DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).1.042-051.

8. Sungatullin A. N. On the prospects for strengthening the criminal liability for the involvement of minors in committing crimes. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitelnaya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2024, no. 3 (69), pp. 65—74. (In Russian).

9. Khomichenko Yu. V. Specific characterustics of under-age criminal groups. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl (ISOM) = Historical and Social-Educational Idea*, 2011, no. 4, pp. 207—210. (In Russian).

10. Cheburenkov A. A. Criminalistic problems of determining the negative influence of adults on minors with a view to involving them in the commission of crimes. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 103—114. (In Russian). DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарубина Кристина Александровна (Курск) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Юго-Западного государственного университета (305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: kris1996z@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zarubina, Kristina A. (Kursk) — Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Theory and History of State and Law Department, Faculty of Law, Southwestern State University (94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russia, e-mail: kris1996z@mail.ru).

УДК 343.1

Д. О. Чистилина
Юго-Западный государственный университет,
г. Курск, Россия
ORCID: 0000-0002-0115-8876
ResearcherID: AAG-9020-2020

О РАЗЛИЧИЯХ В ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 105—113.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.10.105-113
Дата поступления 07.03.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

Осуществляя какую-либо деятельность, человек всегда стремился к достижению результатов с наименьшей затратой ресурсов. Исходя из данных критериев чаще всего дается оценка эффективности деятельности. Однако на осуществление любой деятельности значительное влияние оказывают и иные факторы, как внешние, так и внутренние. В связи с этим количественная оценка не всегда может свидетельствовать о качестве. Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой регламентированную законом систему действий всех участников уголовного процесса в пределах их компетенции и правомочий. В контексте проведенного исследования особое внимание заслуживает деятельность властных субъектов уголовного процесса, от решения которых зависит направление и ход производства по уголовному делу. В большинстве случаев эффективной их деятельность будет считаться, если был достигнут определенный результат (установлено лицо, совершившее преступление; вынесен приговор по делу и др.). Однако ориентирование на результат не дает возможности объективно подойти к оценке эффективности уголовного процесса, так как отсутствие результата с приложением максимальных усилий для его достижения также может считаться положительным итогом уголовно-процессуальной деятельности. Очевидно, что в основу оценки эффективности уголовного процесса должны быть положены критерии, учитывающие обширный ряд факторов и обстоятельств. Таким образом, целью исследования является выработка критериев, которые могут применяться при осуществлении оценки эффективности уголовного процесса. Рассмотрение и анализ различных подходов к определению понятия «эффективность» позволили сделать вывод о том, что упрощенное ее понимание может привести к ошибочному мнению относительно факторов, влияющих на нее. Поэтому был сформулирован подход, согласно которому необходимо комплексно подходить к оценке эффективности уголовного процесса, учитывая не только результат деятельности, но и иные факторы, влияющие на нее (злоупотребление правом, сложность уголовного дела, допущенные ошибки и т. д.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Уголовный процесс, эффективность, уголовно-процессуальная деятельность, участники уголовного процесса, итоговое решение, разумный срок уголовного судопроизводства.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Чистилина Д. О. О различиях в подходах к определению критериев оценки эффективности уголовного процесса // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 105—113. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.10.105-113.

UDC 343.1

D. O. Chistilina
Southwest State University,
Kursk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0115-8876
ResearcherID: AAG-9020-2020

ON THE DIFFERENCES IN APPROACHES TO DEFINING CRITERIA FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 105—113.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.10.105-113
Received 07.03.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT Carrying out any activity, a person has always sought to achieve results with the least expenditure of resources. Based on these criteria, the effectiveness of the activity is most often assessed. However, the implementation of any activity is significantly influenced by other factors, both external and internal. In this regard, a quantitative assessment may not always indicate quality. Criminal procedural activity is a system of actions of all participants in the criminal process regulated by law within their competence and powers. In the context of the conducted study, special attention should be paid to the activities of authorities in the criminal process, on whose decisions the direction and course of proceedings in a criminal case depend. In most cases, their activities will be considered effective if a certain result has been achieved (the person who committed the crime has been identified; a sentence has been passed on the case, etc.). However, focus on the result does not allow an objective approach to assessing the effectiveness of the criminal process, since the absence of a result with the application of maximum efforts to achieve it can also be considered a positive outcome of criminal procedural activity. It is obvious that the assessment of the effectiveness of criminal proceedings should be based on criteria that take into account a wide range of factors and circumstances. Thus, the purpose of the study is to develop criteria that can be used in assessing the effectiveness of criminal proceedings. Consideration and analysis of various approaches to defining the concept of "effectiveness" allowed us to conclude that a simplified understanding of it can lead to an erroneous opinion regarding the factors influencing it. Therefore, an approach was formulated according to which it is necessary to take a comprehensive approach to assessing the effectiveness of criminal proceedings, taking into account not only the result of the activity, but also other factors influencing it (abuse of rights, complexity of the criminal case, errors made, etc.).

KEYWORDS Criminal procedure, efficiency, criminal procedural activity, participants in criminal procedure, final decision, reasonable period of criminal proceedings.

FOR CITATION Chistilina D. O. On the Differences in Approaches to Defining Criteria for Assessing the Effectiveness of Criminal Proceedings. *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 105—113. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.10.105-113.

В век активного развития информационных технологий и катастрофической нехватки времени мы стремимся оценивать любую человеческую деятельность с точки зрения эффективности. Цифровизация, совершенствование технологий производства, сокращение бюрократических процедур — все это создано, чтобы уменьшить затраты, используемые для достижения результата. Таким образом, фактически требование эффективности проникло во все сферы деятельности, уголовный процесс при этом не является исключением.

В исследованиях, посвященных уголовному процессу, нередко можно встретить упоминание об эффективности. Так, пытались оценивать эффективность судебной деятельности [16, с. 53—55], эффективность применения мер принуждения [1, с. 70—73], эффективность деятельности следователя и защитника [17, с. 156—158], эффективность контрольных механизмов [14, с. 227—230], а также эффективность всего уголовного процесса. При этом разные исследователи применяют различные критерии для этого.

Одной из самых распространенных точек зрения является оценка эффективности уголовного процесса исходя из количества оправдательных и обвинительных приговоров. Однако тут все не столь однозначно. С одной стороны, высокий процент обвинительных приговоров (в 2023 оду он составил 99,75 %) может свидетельствовать о должном уровне качества уголовно-процессуальной деятельности органов расследования и прокуратуры. Однако, с другой стороны, в таком случае ставится под вопрос эффективность реализации принципа состязательности и эффективность деятельности защитников в ходе всего уголовного судопроизводства [8, с. 134—136]. В связи с этим возникает вопрос: можно ли назвать в целом эффективным уголовный процесс, если не все его элементы функционируют на должном качественном уровне? Более того, является ли количество обвинительных приговоров показателем качества?

На наш взгляд, следует все же более комплексно подойти к изучению статистических показателей и учесть количество прекращенных в ходе предварительного расследования уголовных дел, а также число отмененных приговоров. Однако и в этом случае анализ статистических показателей не всегда дает нам возможность прийти к достоверным выводам. Так, нельзя не согласиться с вполне справедливым утверждением М. А. Газимагомедова, согласно которому «любые мнения, высказываемые на основе некоторой статистической закономерности, всегда носят частичный характер», то есть не исключают вероятности того, что в некоторых случаях противоположное суждение также может стать достоверным. Поэтому суждения, основанные на статистических данных, в большинстве случаев носят гипотетический характер [6, с. 160—165].

В связи с этим статистические показатели не дают нам возможности прийти к достоверному выводу, если только мы не будем оценивать эффективность лишь с точки зрения достигнутого результата. Кстати, именно так в большинстве словарей и определяется эффективность.

«Эффективный» согласно Толковому словарю русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой означает «дающий эффект, действенный». В свою очередь, под эффектом понимается д»ействие как результат чего-нибудь, следствие чего-нибудь» [13, с. 914]. По нашему мнению, применительно к уголовно-процессуальной деятельности это слишком упрощенное определение, которое при его применении в таком виде не сможет раскрыть сущность и назначение уголовного процесса.

На наш взгляд, необходимо выработать четкие критерии оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности, а также дать ее конкретное определение. Некоторые исследователи вообще предлагают ввести принцип эффективности в гл. 2 УПК РФ, что лишний раз заставляет задуматься о ее официальной дефиниции.

Отметим, что наукой не выработаны единые критерии оценки эффективности уголовного процесса, хотя были попытки оценивать отдельные его аспекты (эффек-

тивность деятельности отдельных участников, эффективность контрольных и надзорных механизмов и др.).

Так, исследователи в сфере уголовного процесса предлагают несколько вариантов определения термина «эффективность».

Прежде всего, заслуживает внимания подход, согласно которому эффективность является критерием законности, своевременности и оптимальности судебных процедур [12, с. 129—133]. С нашей точки зрения, это должно являться отправной точкой всех исследований, так как свидетельствует о комплексном подходе к рассмотрению данного понятия.

Г. С. Русман считает эффективность оценочной категорией и видит ее сущность в уголовном процессе в соотношении достигнутого результата с той целью, для достижения которой была принята правовая норма. К одному из путей повышения эффективности уголовно-процессуальной деятельности она относит институт правового поощрения, который станет действенным стимулом, побуждающим к положительно оцениваемым действиям участников уголовного процесса, позволяющим удовлетворить интересы и потребности, а также соблюдать уголовно-процессуальную форму [15, с. 54—57]. Причем такой метод позволит воздействовать на сознание людей, поэтому все действия они будут осуществлять не под угрозой применения негативных санкций, а исходя из собственного желания и понимания важности следования правовым нормам для поддержания режима законности.

А. Н. Конев еще одним аспектом, влияющим на эффективность уголовного процесса, считает «идеологический подход» к нормотворчеству. По его мнению, современная идеология уголовного процесса должна отражать общественное правосознание и учитываться при правотворчестве [11, с. 92—95]. Данный подход, безусловно, имеет разумное зерно, однако проблема современного общества заключается в отсутствии не только идеологии, но и единого подхода к нормотворчеству. Конечно, можно считать защиту прав и законных интересов граждан некой объединяющей идеей, но для законотворческого процесса, на наш взгляд, необходимо определить более четкое направление уголовно-процессуальной политики. В противном случае можно получить либо слишком гуманный, либо инквизиционный подход к раскрытию и расследованию преступлений.

Коллектив исследователей в монографии под редакцией В. Т. Томина в общем плане под эффективностью предлагает понимать «достижение цели уголовного процесса по каждому конкретному уголовному делу при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство». Таким образом, в этом определении прослеживается четкая взаимосвязь эффективности с достижением цели уголовного процесса, что является вполне логичным и отвечающим требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальной политикой. Авторы даже выделили основные черты эффективного уголовного процесса. К ним они отнесли качество реакции сотрудников правоохранительных органов на поводы к возбуждению уголовного дела; возможность достичь цели уголовного процесса и удовлетворить чувство справедливости достигнутым результатом; выполнение задач уголовного процесса, используя лишь находящиеся в распоряжении сотрудников средства; независимость исхода уголовного судопроизводства от финансовых и иных внесудебных возможностей стороны; адекватность оценочно-учетных показателей ведомств относительно необходимости достижения цели уголовного процесса [19, с. 12—15].

В целом такой подход нам видится вполне приемлемым с той точки зрения, что нельзя оценивать эффективность уголовного процесса в отрыве от тех задач, которые поставлены законодателем перед всей уголовно-процессуальной деятельностью. Она должна осуществляться в строгом соответствии с законом, предусматривающим такую процедуру, которая гарантирует соблюдение прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс, и должна быть адекватна затрачиваемым на нее ресурсам.

Относительно затрачиваемых ресурсов интересна позиция М. Л. Григорьевой, согласно которой в данном контексте необходимо говорить «не о минимуме затрат, а о необходимом и достаточном для достижения результата, разумном их расходовании, о бережливости и исключении расточительства (не только материальных ресурсов, но и временных, и человеческих), то есть об оптимальности затрат» [7, с. 180—183]. Из данного утверждения, по нашему мнению, важным является то, что сотрудники правоохранительных органов при осуществлении своей деятельности должны стремиться не к экономии, а к оптимизации своей деятельности с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов. Причем верен подход и в том, что учитываться должны не только финансовые, но и иные затраты на судопроизводство.

Кроме того, некоторые исследователи прямо указывают на то, что процессуальная экономия не должна становиться самоцелью и негативно относятся к упрощению и ускорению процедур, считая их компромиссом, вынужденной мерой [5, с. 344]. Мы согласны с данным подходом, так как нельзя ставить в зависимость достижение цели уголовного процесса и гарантии прав лиц, в него вовлеченных, от того, насколько быстро будут осуществлены все процедуры. Безусловно, быстрое раскрытие и расследование преступлений может свидетельствовать об эффективности уголовного процесса, однако в угоду им нельзя жертвовать достижением истины по делу и восстановлением социальной справедливости при осуществлении правосудия.

Более того, уже существующие сокращенные процедуры уголовного судопроизводства нуждаются в доработке и совершенствовании механизмов их реализации, что в последующем положительно скажется на эффективности всего уголовного процесса [4, с. 9—13]. Все уголовно-процессуальные институты должны быть универсальны с точки зрения возможности разрешения задач уголовного судопроизводства и минимизации используемых ресурсов [3, с. 116—120]. Законодателю при совершенствовании существующих процедур и введении новых следует ориентироваться не только на результат, но и процесс его достижения, что позволит прийти к оптимальной модели судопроизводства в каждом конкретном случае, для чего необходимо предусмотреть их разнообразие. Фактически у правоприменителя должен быть выбор, который с затратой наименьшего количества ресурсов приведет к достижению поставленной цели.

В своем исследовании О. И. Даровских обратила внимание на то, что методологические подходы к выработке понятия «эффективность» можно свести к трем группам: 1) связь эффективности с достижением результата; 2) связь эффективности с достижением результата при наименьших затратах; 3) выделение множества признаков эффективности.

Однако ни один из подходов она не считает вполне удачным, так как они не охватывают все сущностные черты эффективности уголовного процесса. Более того, она полагает, что эффективность зависит не только от достигнутого результата — важен и сам процесс. В связи с этим О. И. Даровских сформулировала собственное определение эффективной уголовно-процессуальной деятельности, под которой понимается «деятельность, направленная на достижение поставленной цели и решения промежуточных задач, осуществляемая строго в рамках закона и в соответствии с предъявляемыми к ней требованиями, охватываемыми данным понятием (справедливости, объективности, качественности, доступности, экономичности, своевременности, достаточности и результативности)» [10, с. 24—25]. Фактически она предлагает проводить оценку эффективности уголовного процесса в целом, начиная с оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности, охватывая все важные ее направления.

Интересна позиция О. И. Даровских и в том, что, помимо прочего, важно, какими средствами и способами будет достигнут результат уголовного процесса. Так, в качестве подтверждения своей точки зрения она приводит позицию Европейского Суда по правам человека, который в 2006 году в постановлении по делу «Михеев против России» (Mikheyev v. Russia), указал что «отсутствие результатов проведенного расследования само по себе не свидетельствует о его неэффективности: обязательство провести расследование — это не обязательство получить результат, а обязательство принять меры» [9, с. 39—44]. Таким образом, действия органов расследования и суда не всегда могут привести к какому-то результату, причем это может зависеть от ряда объективных причин, поэтому в данном случае нельзя оценивать данную деятельность как неэффективную. Здесь как раз необходимо руководствоваться различными критериями, чтобы дать адекватную оценку эффективности уголовно-процессуальной деятельности правоприменителя.

Сущность эффективности не в результате, а в самом процессе видит и И. Г. Смирнова. Она связывает эффективность уголовно-процессуальной деятельности с выбором, формированием и реализацией уголовно-процессуальной стратегии. При этом четко нужно разграничить эффективность и экономичность. По ее мнению, аксиологическая сущность эффективности уголовного судопроизводства заключается в его способности, готовности и возможности обеспечить и поддержать баланс интересов общества, личности и государства [18, с. 160—165].

Также некоторые исследователи связывают эффективность с соблюдением такого принципа уголовного процесса, как разумный срок уголовного судопроизводства. Считается, что только путем обеспечения прав участников уголовного процесса и высоким

качеством деятельности судебных органов и органов, осуществляющих расследование, можно добиться справедливого правосудия [2, с. 193—198]. В рамках данной позиции обращает на себя внимание еще и необходимость учета срока, на протяжении которого были произведены различные процессуальные действия и принято итоговое решение по уголовному делу.

Значительное влияние на эффективность уголовного процесса оказывают ошибки в уголовно-процессуальной деятельности (действия и решения правоприменителей) и злоупотребление правом другими участниками процесса. В данном случае время, затрачиваемое на исправление ошибок, увеличивает общий срок уголовного судопроизводства, из-за чего страдает обеспеченность прав граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Злоупотребление же правом нарушает нормальный ход уголовного процесса и приводит к излишним действиям, направленным на его оптимизацию (обращение в суд с ходатайством об ускорении производства).

В некоторых нормативных правовых актах, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и постановлениях Конституционного Суда встречается указание на эффективность уголовного процесса. Согласно приведенным в них положениям, эффективным считается уголовный процесс, в рамках которого гарантируются права граждан, обеспечивается своевременное обращение в суд и торжествует справедливость. Безусловно, данные факторы являются важными при оценке эффективности, но не единственными.

Таким образом, рассмотрев различные подходы к пониманию сущности эффективности уголовного процесса, можно прийти к следующим выводам:

1) при определении эффективности уголовного процесса внимание необходимо обращать не только на достигнутый результат, но и сам процесс его достижения, а также затрачиваемые ресурсы. При этом процессуальная экономия не должна становиться определяющей в этом вопросе. Сотрудникам правоохранительных органов следует максимально использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы для оптимизации своей деятельности и решения поставленных задач;

2) срок уголовного судопроизводства в контексте оценки эффективности также не может стать определяющим фактором, так как уголовные дела отличаются объемом и сложностью, поэтому при оценке продолжительности уголовного процесса нужно учитывать различные аспекты и объективные препятствия, возникающие на пути органов, осуществляющих расследование, и суда;

3) статистические показатели могут помочь в оценке эффективности уголовного процесса только в том случае, если помимо них учитывать другие факторы и проводить более глубокий анализ уголовно-процессуальной деятельности. Учетно-оценочные показатели работы сотрудников правоохранительной системы должны быть адекватны достижению цели уголовного процесса и свидетельствовать в большей степени о качестве, а не о количестве;

4) эффективность уголовного процесса напрямую связана с гарантиями прав личности. От того, насколько будут обеспечены права участников уголовного процесса, будет зависеть оценка эффективности уголовно-процессуальной деятельности. Нельзя придавать приоритетное значение скорости раскрытия преступления и процессуальной экономии, если при этом права лиц, вовлеченных в уголовный процесс, будут чрезмерно ограничиваться и нарушаться. Не стоит забывать, что современное уголовно-процессуальное законодательство главной целью уголовного процесса ставит защиту прав личности, а не борьбу с преступностью (ст. 6 УПК РФ);

5) суд, должностные лица и органы, осуществляющие расследование должны быть обеспечены всем необходимым в процессе осуществления ими своей деятельности. Кроме того, система поощрений, развитие и внедрение в уголовный процесс информационных технологий, должное материально-техническое обеспечение также будут оказывать существенное влияние на эффективность уголовного процесса;

6) на основании приведённых подходов можно сделать вывод о том, что на данный момент отсутствует единое мнение среди учёных и практиков относительно критериев оценки эффективности уголовного процесса. В связи с этим представляется целесообразным аккумулировать имеющиеся точки зрения по данному вопросу и предложить в качестве основных критериев следующие: результат уголовно-процессуальной деятельности; средства и ресурсы, затрачиваемые на его получение; уровень обеспеченности прав граждан. Кроме того, могут быть выработаны и дополнительные критерии для отдельных видов уголовно-процессуальной деятельности, так как полностью идентичные критерии применять невозможно ввиду её специфических направлений (так, невоз-

можно оценивать по одним и тем же критериям следственную и судебную деятельность). Таким образом можно примирить как теоретические, так и практические подходы по данному вопросу;

7) эффективность уголовного процесса — оценочная категория, поэтому для того, чтобы сложить адекватное мнение о ней, необходимо учитывать множество аспектов, которые должны составлять единую систему оценки как самого процесса и достигнутого результата, так и объективных факторов, влияющих на уголовно-процессуальную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабенкова В. Р., Крюкова М. И., Труфанова А. Ю., Ревина И. В. Проблемные вопросы применения некоторых уголовно-процессуальных мер принуждения на практике // Современное общество и право. — 2023. — № 4 (65). — С. 70—79.
2. Бедняков И. Л., Развейкина Н. А. Категория «Эффективность» в уголовном процессе // Вестник СамГУ. — 2014. — № 11-2 (122). — С. 193—198.
3. Биляев В. А., Чухраев Д. А. Правовая эффективность механизмов уголовного процесса в кризисных ситуациях: определение подхода к исследованию // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — Т. 4 (70), № 2. — С. 115—124.
4. Вахмистров В. Н. Оптимизация уголовного процесса как воплощение принципа процессуальной экономии и средство повышения эффективности уголовного судопроизводства // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2023. — № 5. — С. 9—13. — DOI: 10.17805/trudy.2023.5.2.
5. Вилкова Т. Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.4. — Москва, 2022. — 603 с.
6. Газимагомедов М. А. Вопросы теории статистики судебных решений в уголовном процессе // Образование и право. — 2018. — № 2. — С. 160—165.
7. Григорьева М. Л. Эффективность уголовно-процессуальной деятельности: понятие и критерии // Закон и право. — 2024. — № 8. — С. 180—183. — DOI:10.24412/2073-3313-2024-8-180-183.
8. Гриненко А. В., Чистилина Д. О. Состязательный характер уголовного процесса: проблемные аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2021. — Т. 11, № 5. — С. 130—140. — DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-5-130-140.
9. Даровских О. И. Методологические подходы к понятию «эффективность уголовно-процессуальной деятельности» // Юридическая наука. — 2021. — № 10. — С. 39—44.
10. Даровских О. И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. — Челябинск, 2022. — 60 с.
11. Конев А. Н. Уголовно-процессуальная идеология как основа эффективного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3 (31). — С. 92—98.
12. Муратова Н. Г., Муратов К. Д. Эффективность принуждения, обвинение и защита и другие актуальные проблемы уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2018. — № 1. — С. 129—133.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е изд., доп. — Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
14. Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 423. — С. 225—235. — DOI: 10.17223/15617793/423/31.
15. Русман Г. С. Роль правового поощрения в повышении эффективности уголовного судопроизводства // Юридический вестник Самарского университета. — 2022. — Т. 8, № 2. — С. 54—59. — DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-54-59.
16. Рябинина Т. К. Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. — 2013. — № 2. — С. 53—62.
17. Ряполова Я. П., Снегирева Д. Е. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2018. — Т. 8, № 4 (29). — С. 151—161.
18. Смирнова И. Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 158—168.
19. Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса : монография / под ред. проф. В. Т. Томина. — Москва : Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 164 с.

REFERENCES

1. Babenkova V. R., Kryukova M. I., Trufanova A. Yu., Revina I. V. Problematic issues of the application of certain criminal procedural coercive measures in practice. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern society and law*, 2023, no. 4 (65), pp. 70—79. (In Russian).

2. Bednyakov I. L. Razveikina N. A. Category of "effectiveness" in the criminal procedure. *Vestnik SaMGU = Vestnik of Samara State University*, 2014, no. 11-2 (122), pp. 193—198. (In Russian).

3. Bilyev V. A., Chukhrayev D. A. Legal efficiency of mechanisms of criminal trial in crisis situations: Definition of approach to a research. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*, 2018, vol. 4 (70), no. 2, pp. 115—124. (In Russian).

4. Vakhmistrov V. N. Optimization of the criminal process as an embodiment of the principle of procedural economy and a means of increasing the efficiency of criminal proceedings. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta = Moscow University for the Humanities*, 2023, no. 5, pp. 9—13. (In Russian). DOI: 10.17805/trudy.2023.5.2.

5. Vilkova T. Yu. *Sistema printsipov rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [The system of Principles of Russian Criminal Proceedings. Doct. Diss.]. Moscow, 2022. 603 p.

6. Gazimagomedov M. A. Questions of the theory of statistics of judgments in criminal proceedings. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2018, no. 2, pp. 160—165. (In Russian).

7. Grigorieva M. L. Efficiency of criminal procedural activities: concept and criteria. *Zakon i pravo = Law and legislation*, 2024, no. 8, pp. 180—183. (In Russian). DOI:10.24412/2073-3313-2024-8-180-183.

8. Grinenko A. V., Chistilina D. O. The Aadversarial Nature of the Criminal Procedure: Problematic Aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriay i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, no. 11 (5), pp. 130—140. (In Russian). DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-5-130-140.

9. Darovskikh O. I. Methodological approaches to the concept of "the effectiveness of criminal procedural activity". *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2021, no. 10, pp. 39—44. (In Russian).

10. Darovskikh O. I. *Teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy obespecheniya ehffektivnosti ugolovno-protsessualnoi deyatelnosti. Avtoref. Dokt. Diss.* [Theoretical, Legal and Organizational Foundations for Ensuring the Effectiveness of Criminal Procedural Activities. Doct. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2022. 60 p.

11. Konev A. N. Criminal procedure ideology as a basis for efficient proceedings. *Yuridicheskaya nauka praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practical: Journal of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 3 (31), pp. 92—98. (In Russian).

12. Muratova N. G., Muratov K. D. Efectiveness of Forcession, Accusation and Protection and Other Topical Issues Of A Criminal Process. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ehkonomika i pravo" = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and law*, 2018, no. 1, pp. 129—133. (In Russian).

13. Ozhegov S. I., Shvedova M. Yu. (ed.) *Tolkovyi Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p.

14. Rossinskiy S. B. Reflections on the effectiveness of judicial control over the conduct of investigative actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 225—235. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/423/31.

15. Rusman G. S. Role of legal encouragement in improving the effectiveness of criminal proceedings. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2022, vol. 8, no. 2, pp. 54—59. (In Russian). DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-54-59.

16. Ryabinina T. K. Preliminary Hearing as a Means of Ensuring Reasonableness of the Duration of Criminal Proceedings. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2013, no. 2, pp. 53—62. (In Russian).

17. Ryapolova Ya. P., Snegireva D. E. Conscience as a Moral Criterion of Activity in Evaluating Evidence in the Criminal Process. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriay i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 151—161. (In Russian).

18. Smirnova I. G. Efficiency of Criminal Legal Proceedings as one of Indispensable Conditions of Criminal Procedure Strategy: In Development of I. V. Smolkova's Ideas. *Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal procedure and criminalistic readings*, 2014, no. 2 (6), pp. 158—168. (In Russian).

19. Tomin V. T., Polyakov M. P., Popov A. P. *Ocherki teorii ehffektivnogo ugolovnogo protsessa* [Essays on the Theory of Effective Criminal Procedure]. Moscow, Berlin, Direkt Media Publ., 2015. 164 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чистилина Дарья Олеговна (Курск) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета (305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, e-mail: darya-chistilina@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chistilina, Daria O. (Kursk) – Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Southwest State University (94 50 let Oktyabrya St., Kursk, 305040, Russia, e-mail: darya-chistilina@yandex.ru).

УДК 347.999(091)

В. Г. Нестолий
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016

ТОРГОВОЕ ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО (РЕЦЕНЗИЯ НА СОЧИНЕНИЕ ТАРАСЕНКО ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА «СУДЪ ТОРГОВЫЙ» (БРЯНСК : АВЕРС, 2023. 192 С.)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 114—124.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.11.114-124
Дата поступления 24.03.2025, дата принятия к печати 12.06.2025, дата онлайн-размещения 19.06.2025.

АННОТАЦИЯ

В рецензии изложены первые впечатления от книги о развитии торгового суда в России. Рецензент не только знакомит с рецензируемым произведением, но и формулирует текущие задачи науки торгового права, именуемой коммерсиалистикой, или коммерциалистикой, в связи с реформой судопроизводства. Предлагается отнести к компетенции торгового (арбитражного) суда рассмотрение всех торговых дел, в том числе торговых споров, независимо от наличия статуса предпринимателя. Высказывается мысль о том, что наличие торгового права в России подтверждается не только кодексом арбитражного судопроизводства, но и кодификацией морского торгового права. Предлагается кодифицировать законодательство об арбитражном судопроизводстве без дублирования Гражданского процессуального кодекса и Кодекса административного судопроизводства. Рецензент подчеркивает, что стремление политического руководства к восстановлению российского суверенитета («самовластия») в полном объеме предопределяет стремление к изучению и осмыслению истории российского государства и права. Оценивая рецензируемое учебное пособие в целом, рецензент полагает, что оно может быть в последующем развернуто в полноценную монографию, если автор пособия познакомит сведущего читателя с новыми, неизвестными широкому читателю источниками знаний о становлении и развитии российского торгового судопроизводства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Торговое судопроизводство, торговый суд, коммерческое судопроизводство, коммерческий суд, арбитражное судопроизводство, арбитражный суд, коммерческая сделка, торговая сделка, предпринимательский договор.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Нестолий В. Г. Торговое право и судопроизводство (Рецензия на сочинение Тарасенко Юрия Александровича «Судъ торговый» (Брянск : Аверс, 2023. 192 с.) // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 2. — С. 114—124. — DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.11.114-124.

UDC 347.999(091)

V. G. Nestoliy
Irkutsk Institute (Branch),
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016

COMMERCIAL LAW AND LEGAL PROCEEDINGS (REVIEW OF THE WORK BY TARASENKO YURI ALEXANDROVICH "TRADING COURT" (BRYANSK : AVERS, 2023. 192 P.)

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2025, no. 2, pp. 114 — 124.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.11.114-124
Received 24.03.2025, accepted 12.06.2025, available online 19.06.2025.

ABSTRACT

The review presents the first impressions of the book about the development of the commercial court in Russia. The reviewer not only introduces the reviewed work, but also formulates the current tasks of the science of commercial law, called commercialistics, or commercialistics, in connection with the reform of judicial proceedings. It is proposed to transfer to the competence of the commercial (arbitration) court the consideration of all trade cases, including trade disputes, regardless of the status of an entrepreneur. It is suggested that the existence of commercial law in Russia is confirmed not only by the code of arbitration proceedings, but also by the codification of maritime commercial law. It is proposed to codify the legislation on arbitration proceedings without duplicating the Code of civil procedure and the Code on Administrative proceedings. The reviewer emphasizes that the desire of the political leadership to restore Russian sovereignty ("autocracy") fully determines the desire to study and comprehend the history of the Russian state and law. Evaluating the reviewed textbook as a whole, the reviewer believes that it can later be expanded into a full-fledged monograph if the author of the manual introduces new sources of knowledge about the formation and development of Russian commercial shipbuilding unknown to the general reader.

KEYWORDS

Commercial proceedings, commercial court, arbitration proceedings, arbitration court, commercial transaction, trade transaction, business agreement.

FOR CITATION

Nestoliy V. G. Commercial Law and Legal Proceedings (Review of the Work by Tarasenko Yuri Alexandrovich "Trading Court" (Bryansk, Avers Publ., 2023. 192 p.). *Prologue: Law Journal*, 2025, no. 2, pp. 114 — 124. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2025.2.11.114-124.

1. Нет оснований сомневаться в актуальности произведения Юрия Александровича Тарасенко, которое посвящено истории русского, советского и современного российского торгового судопроизводства. Стремление руководства Российской Федерации к обретению самостоятельности (суверенности) закономерно вызывает интерес к истории российского государства и права, в том числе к истории российского гражданского и торгового судопроизводства. Как суверенитет требует исторического обоснования, так и разделение судопроизводства на гражданское и торговое (коммерческое) требует такого же обоснования. Часть 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации провозглашает, что судебная власть осуществляется посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства[1]. Поэтому важно установить тождество между арбитражным и торговым судопроизводством, с одной стороны, и объяснить, почему наряду с гражданским и административным судопроизводством существует арбитражное судопроизводство, коль скоро в арбитражном судопроизводстве мы встречаем и гражданское, и административное судопроизводство, и судопроизводство по делам из административных правонарушений. И почему не следует разбирать уголовных дел в отношении предпринимателей и руководителей хозяйственных организаций в арбитражном суде? Коль скоро арбитражный суд принимает постановления по делам об административных правонарушениях, почему ему нельзя поручить уголовное судопроизводство по торговым делам?

Из авторской аннотации к сочинению следует, что автор видит свою задачу в реконструкции компетенции суда по торговым делам, этапов торгового судебного процесса, положения участников процесса, системы доказательств; автор желает дать классификацию видов судов, занимавшихся торговыми делами.

Каковая структура произведения? Работа состоит из введения, двух разделов, которые объединяют семь поименованных параграфов, заключения. Каждый из параграфов работы рассказывает об отдельном периоде развития торгового судопроизводства (суда торгового). Автор говорит о семи периодах: 1) Русь древняя; 2) Русь удельная; 3) Русь московская (московское централизованное государство); 4) становление империи; 5) абсолютная монархия; 6) советское государство; 7) современный постсоветский период. Авторская периодизация развития торгового судопроизводства отличается от периодизаций иных авторов. На взгляд рецензента, нетрудно выявить смысловую связь авторской периодизации торгового суда с периодизацией истории русских сословий в работе В. О. Ключевского «История сословий в России» [5]. Профессор В. О. Ключевский различал: первый период (Древняя Русь) — от образования Киевского государства (Русской земли. — В. Н.) в конце IX века до конца XII века. Второй период — удельный (Русь удельная) — от начала XIII в. до половины XV в. Третий период — московское централизованное (сословно-представительное) государство, или Русь московская — со второй половины XV в. до первой половины XVII в. Четвертый период — становление империи — от Соборного уложения 1649 года до сословных жалованных грамот Екатерины II 1785 года — года, в котором становление империи можно считать завершившимся. Само собой, по понятным причинам профессор воздержался от суждений о сословиях в условиях расцвета абсолютной монархии.

Текст работы снабжен глоссарием, который позволяет не обращаться к энциклопедии при чтении. Хорошо, что глоссарий расположен не после заключения, а перед введением. С терминами следует знакомиться или перед знакомством с текстом, либо при первом их упоминании в тексте. Однако современные стандарты таковы, что приложения размещают после текста работы. К сожалению, с глоссарием читатель знакомится тогда, когда текст он уже прочитал. В рецензируемой книге глоссарий предваряет текст. Глоссарий призван вызвать любопытство обучающегося, побуждает его познакомиться с сочинением.

Каков жанр рецензируемого произведения? Работу можно считать полноценным учебным пособием. Перечень рекомендованной литературы сопровождает каждый ее параграф. Литературу полезно обучающимся читать, да не каждый обучающийся прочтет хоть что-то из рекомендуемого перечня. Однако законы жанра требуют, чтобы текст сопровождался рекомендациями автора относительно литературы для чтения. По наличию перечня литературы, который предваряет основной текст, читатель может безошибочно различать учебные пособия и монографии. Вместе тем, автором может быть создана и мо-

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013.

нография об истории торгового суда как института[2]. Для монографии, по мнению рецензента, важно написать значительный обзор литературы о торговом судопроизводстве с анализом использованных в данной литературе методов научного познания. Обычно монографии сопровождаются библиографическим описанием источников, на которые опирался автор. Источники специалистам, как правило, хорошо знакомы. Поэтому первое, что интересует читателя, сведущего в теме, это перечень источников, источниковая база[3]. Сведущего читателя интересуют новые источники.

Указания на литературу на страницах рецензируемого пособия имеются. Может быть, автор сможет ввести научный оборот новые источники знаний о торговом судопроизводстве прошлого, ранее неизвестные исторической и юридической науке, либо источники известные, но наукой по каким-то причинам невостребованные. Почему новые источники крайне важны для нас? Задача, которую ставит автор, может показаться тривиальной, имеющей решение очевидное, хотя и требующее значительных задач времени. Но если автор опирается на новые источники знаний, задача, поставленная автором перед собой, всегда будет новой, а ее решение актуальным. Так, например, одна известная историческая монография построена на архиве илимской воеводской приказной избы (канцелярии), благодаря которому можно восстановить (реконструировать) картину развития экономики северного Предбайкалья. Обращение к архивным материалам является сложным делом, поскольку требует сплошного изучения каждого документа архива, «каким бы малоценным, с точки зрения излагаемой темы, он не казался» [13, с. 4].

Чем отличается пособие от монографии? Ведь наличие литературного обзора и обзора источников есть признак скорее формальный, чем сущностный, невзирая на то, что книгу без литературного обзора коллеги могут не счесть за научную монографию. Учебное пособие, учебник и даже монографический учебный курс отличается от научной монографии тем, что в учебнике излагается готовое знание. Пособие предназначено для обучающихся, им требуется чистое знание для его реализации на практике, а также для демонстрации на экзаменационных испытаниях. Монография же излагает путь ученого к знаниям, излагает метод получения знаний об исследуемом объекте. Монография предназначается для других ученых-юристов. Они могут изучить метод, избранный автором монографии, для получения новых знаний и постижения знаний имеющихся, а также взять на вооружение метод изложения текста исследования. Монография позволяет проверить выводы автора, а также заимствовать элементы его метода для проведения собственных научных исследований. Монография позволяет сведущему читателю построить свой собственный метод. Такова идеальная монография.

Есть учебники и учебные пособия, которые можно назвать монографическими. Во-первых, поскольку они принадлежат одному автору, во-вторых, поскольку автор стремится решать и решает на страницах своего учебника не только учебные, но и научные задачи.

Будучи учебным пособием, рецензируемая работа может быть развернута в монографию. Работу завершают выводы, которые требуют дальнейшей проверки и обсуждения. В частности, автор видит суть дуализма частного права в том, что одновременно работают два самостоятельных кодекса (гражданский и коммерческий). Наличие двух кодексов обусловлено дуализмом частного права[4]. Если руководствоваться данным тезисом, то следует признать, что в российской правовой системе имеется дуализм частного права. Дуализм объясняется наличием двух самостоятельных кодексов: Гражданского кодекса Российской Федерации и Кодекса торгового мореплавания. О «дуализме» может свидетельствовать также наличие гражданского и семейного кодекса. Однако автор рецензии не считает уместной подробную критику положений, завершающих работу Юрия Александровича Тарасенко.

Каковая задача настоящей рецензии? Следует познакомить читателей с введением к рецензируемому сочинению, ведь введение — самая важная часть любого академического про-

[2] Известны издания, посвященные судам как учреждениям в отдельных регионах [1, 9].

[3] Так, например: «Важнейшее место среди привлеченных источников занимают делопроизводственные документы и судебная практика Московского коммерческого суда, находящаяся на хранении в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ). В фондах архива содержатся материалы конкретных судебных дел, рассмотренных коммерческим судом». [См.: 3, с. 11].

[4] «Дуализм частного права приводит к возникновению обособленного законодательства (общегражданского и коммерческого), что в свою очередь, влечёт, на этапе кодификации, образование самостоятельных кодексов. В этом суть дуализма», — пишет Ю. А. Тарасенко [12, с. 187].

изведения. Познакомив читателя с введением, рецензент тем самым познакомит читателя с произведением в целом. Далее, настоящая рецензия может быть полезной и благодаря тому, что рецензент не только познакомит читателя с произведением автора, но и выскажет некоторые собственные суждения по затронутым в произведении вопросам.

2. Автор сочинения правильно, на взгляд рецензента, исходит из того, что особенности регулирования коммерческих (торговых) отношений налагают отпечаток на процедуры, в которых разбираются торговые споры (иные торговые дела). Важно только уточнить: особенности процедуры определяются не только особенностями регулирования отношений материальными нормами, но и непосредственно спорными отношениями. Дело в том, что спор следует разрешать и в том случае, если отсутствуют материальные нормы, регулирующие спорные отношения. Найденное удачное решение выступит в качестве нормы (образца), которым станут следовать в дальнейшем. Поэтому говорят — судебные процедуры создают материальное право. Затем, материальное право определяет особенности судебных процедур. Таким образом, особенности отношений детерминируют особенности процедур и материального права, потом особенности материального права воздействуют на процедуры и определяют особенности данных процедур. И, наконец, результаты применения материального права в соответствующих процедурах воздействуют на урегулированные отношения[5]. Для иллюстрации: процедуры рассмотрения дела о возмещении вреда (о вознаграждении за причиненный вред) будут различаться, в зависимости от того, были ли судьи непосредственными очевидцами причинения вреда или нет. Если судьи лично наблюдали за причинением вреда, то им нет надобности допрашивать свидетелей для установления обстоятельств дела. Так, например, путешественники, проезжавшие на автомобиле по территории пастушеского племени, подверглись нападению со стороны мальчика-пастуха. Мальчик бросал камни в автомобиль, автомобиль получил повреждения. Путешественники пресекли нападение, мальчик отбивался и получил несколько ударов. Появились пастухи — хозяева здешних мест. Пастухи просили бить мальчика без жалости. Затем начали благодарить путешественников за науку. Оказалось, что за нападение, согласно местным представлениям, следует платить большой штраф, а именно отдать несколько коров потерпевшим. Но, поскольку потерпевшие получали удовлетворение, избивая мальчика, то вред возмещен. Аборигены не стали опрашивать ни путешественников, ни мальчика об обстоятельствах дела, так как были очевидцами нападения, причинения вреда и воздаяния[6].

Особенности коммерческих отношений могут быть неизвестны гражданскому суду либо гражданский суд может стремиться единообразно применять одну и ту же норму для разрешения коммерческих и гражданских споров, без учета особенностей спорных правоотношений. Такое стремление будет вызывать неудовольствие субъектов коммерческой деятельности. Это предопределяет возникновение коммерческого (торгового) суда и коммерческого (торгового) судопроизводства.

Например, известно, что по договорам, заключаемым коммерческими представителями, приобретают субъективные права и отвечают представляемые, а не представители. В свое время арбитражная комиссия Русско-Азиатской товарно-сырьевой биржи возбуждала третейские разбирательства по искам брокеров (представителей) к другим представителям (брокерам) по договорам, неисполненным представляемыми. При этом считалось моветоном говорить в третейском разбирательстве, что иск по договору должен предъявлять представляемый к представляемому. И арбитражная комиссия списывала денежные средства с депозитного счета брокера на основании своего решения, невзирая на то, что отвечать за неисполнение договорного обязательства должен не брокер (коммерческий представитель), а доверитель, поручивший брокеру заключение договора. Соответствующий обычай характерен для обычной товарной биржи, где идет торговля фьючерсами, а договоры, когда-то заключавшиеся на

[5] «Процесс, — по словам проф. Ю. Барона, — может быть рассматриваем с двух сторон, во-первых, со стороны частей производства, во-вторых, со стороны своего влияния на спорное право; изложение производства процесса относится к науке гражданского судопроизводства; рассмотрение же материального влияния процесса на спорное право относится к учению о правах, т. е. к Общей части системы» (гражданского права. — *В. Н.*) [2, с. 235].

[6] В данном случае имеет место «суд отвечающей стороны». Сторона, отвечающая за причинение вреда, считает, что предоставила надлежащее удовлетворение потерпевшей стороне, коль скоро непосредственный причинитель вреда был избит потерпевшей стороной. Если бы потерпевшие учинили расправу над отвечающей стороной, имел бы место «суд истцовой стороны».

Русско-Азиатской товарно-сырьевой бирже, были договорами поставки реального товара.

3. Несомненна связь между торговым судом и торговым сословием. Суд торговый может иметь место, если имеют место регулярные торговые операции (обороты). В свою очередь, торговые операции имеют возможность совершать коммерсанты, относящиеся к торговому сословию.

Торговое сословие в России окончательно не оформилось, наблюдалась только тенденция к оформлению данного сословия. Климатические условия в России таковы, что земледелие, которое считалось в минувшие времена самым доходным и наименее рискованным занятием[7], не приносит и не может приносить желаемых доходов при весьма значительных трудовых затратах. Поэтому заниматься торговлей стремились представители самых разных сословий. «Князья и дружинники сами участвовали в торговых предприятиях. Церковь православная не выражала нетерпимости к торговому промыслу, как это делала западная, а потому торговому обороту не было необходимости скрывать свои операции, измышлять фиктивные сделки, чтобы осуществить желаемые, но запрещенные. Отсюда понятно, что в России не было основания для появления отдельных прав каждого сословия, следовательно, не могло и возникнуть и особое купеческое право», — писал профессор Г. Ф. Шершеневич [15, с. 71]. Нет замкнутого торгового сословия, нет и специального торгового суда, разбирающего споры между торговцами по торговым операциям. Интересны, однако, следующие замечания на страницах монографии о сибирских пашенных крестьянах: «И предприниматель-хлеботорговец и батрак писали в приказную избу одинаковые заявления, представляли однообразные одобрения от крестьянского общества и получали трафаретные паспорта. Все они числились крестьянами». И далее: «Кулак, совершая крупные и сложные торговые операции, смело предъявлял властям покормежную, это удостоверение батрака» [14, с. 55, 56]. Затем, «... создается уездный суд, как чисто судебное учреждение, подчиненное палате суда и расправы. В уездном суде решаются дела городских и сельских жителей, за исключением купеческих дел, которые разбирались в городовых магистратах. Но так как в Киренске городового магистрата не полагалось, то большинство купеческих дел стало решаться на месте, в уездном суде» [14, с. 64—65].

Отсутствие торгового сословия и торгового суда не говорит о том, что отсутствовала тенденция к оформлению торгового сословия и институционализации судов, которые могли быть созданы данным сословием. Так, например, по словам профессора В. О. Ключевского, 26 августа 1613 г. высшему столичному купечеству была дана важная льгота: торговые дела купцов («гостей»), их детей и приказчиков не подлежали местному суду, «иски на них принимал только Московский Казенный Приказ» [5, с. 217—218]. Известен словесный третейский суд с двумя выбираемыми судьями для рассмотрения дел между купцами, который следовало создавать в уездных городах [14, с. 63].

4. В начале прошлого века была опубликована Объяснительная записка к проекту новой редакции судебных установлений в нескольких томах. О коммерческих (торговых) судах в названной записке сказано следующее. Коммерческие суды возникают в Западной Европе под влиянием сословной исключительности: равные желают, чтобы судили их равные, купцы желают быть судимыми только купцами. В России же идея коммерческого суда есть идея французская, заимствованная из Франции. Торговые суды появились потому, что существовавшие до реформы общие суды имели значительные недостатки и страдали медлительностью. Законодатель, когда утверждал Учреждение коммерческих судов и устав их судопроизводства[8], вовсе не стремился дать купечеству привилегию, или льготу. Законодатель, учреждая коммерческие суды, исходил из интересов торговли (казны. — *В. Н.*), а не из интересов купечества как сословия. Впоследствии, принимая Устав гражданского судопроизводства, законодатель учитывал правила о судопроизводства в коммерческих судах: «Сверх общих улучшений,

[7] «И хорошего человека когда хвалили, — писал Марк Порций Катон, — то хвалили его так: "хороший землевладелец и хороший хозяин". Считалось, что кого так похвалили, тот взыскан наивысшей похвалой. Я считаю купца человеком стойким и ревностным к наживе, только жизнь его ... и опасна, и бедственна. А из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» [4, с. 7].

[8] Рецензент пользуется современным изданием: Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. Москва : Статут, 2018. 512 с.

заимствованных из судопроизводства торгового, в устав гражданского судопроизводства введены многие другие, не встречавшиеся в первом, так что все правила этого устава представляют несравненно более средств к достижению быстрого и справедливого правосудия». Резолюция Объяснительной записки: «Комиссия пришла к заключению, что в дальнейшем сохранении коммерческих судов не представляется необходимости, и предполагала подчинить дела торгового свойства мировым и общим судебным установлениям для производства по правилам устава гражданского судопроизводства, с немногими лишь к ним дополнениями ...»[9].

Суждение о том, что идея торгового (коммерческого) суда есть идея французская не осталось без внимания. Журнал юридического общества при Санкт-Петербургском университете опубликовал справку. В ней было сказано: «Мнение, будто бы коммерческие суды вообще произошли из сословной замкнутости, уже само по себе не внушает доверия и могло возникнуть только вследствие недостаточности документальных сведений о возникновении торговых судов». И затем, «...мнение комиссии, будто бы наши коммерческие суды получили свое начало с запада и возникли принципиально из сословных понятий, требовавших, чтобы каждый, был судим ему равными, не имеет подтверждения в истории русского права и судопроизводства» [8, с. 34].

Первая задача, таким образом, следующая: следует преобразовать законодательство об арбитражном судопроизводстве так, чтобы избежать нарушения конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Иначе говоря, сегодня индивидуальные предприниматели имеют право на обращение в арбитражный суд по коммерческим спорам между собой, а граждане, не обладающие таковым статусом, должны, по общему правилу, обращаться по коммерческим спорам в суд общей юрисдикции. Однако должно быть по-другому, а именно: все граждане должны иметь право на защиту в арбитражном суде по коммерческим спорам, включая споры по обязательствам поставки, кредита и проч., независимо от наличия у них статуса индивидуального предпринимателя.

Вторая задача такова: необходимо переработать законодательство об арбитражном судопроизводстве так, чтобы данное законодательство не дублировало законодательство о гражданском и административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции. Результат переработки, а именно, новый арбитражный процессуальный кодекс должен подробно регламентировать особенности рассмотрения и разрешения исковых споров по коммерческим отношениям, включая споры по коммерческим обязательствам, корпоративному управлению, а также по спорам в области биржевой торговли, банкротства, административного управления коммерческими отношениями (защита конкуренции и др.). Общие вопросы искового производства, а именно принципы судопроизводства, учение о судебном доказывании и доказательствах, подготовка к судебному разбирательству и порядок судебного разбирательства, принятие решения суда и порядок пересмотра решения, вступившего в законную силу, следует изложить в едином гражданском процессуальном кодексе, являющимся результатом унификации действующего гражданского и арбитражного процессуального законодательства. Арбитражные суды в своей работе должны будут руководствоваться и единым гражданским процессуальным кодексом, и арбитражным процессуальным кодексом.

Третья задача — важно объяснить, что применять кодекс арбитражного (коммерческого) судопроизводства должны именно арбитражные (коммерческие) суды, а не суды общей юрисдикции, которые вершат правосудие в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, а также судопроизводстве по делам об административных правонарушениях. Если суды общей юрисдикции применяют и гражданский процессуальный кодекс, и кодекс административного судопроизводства, и уголовно-процессуальный кодекс, то почему они не могут применять арбитражный процессуальный кодекс в торговом (коммерческом) судопроизводстве? В Российской Федерации функционируют военные суды, но это не означает, что существует отдельное военно-уголовное законодательство и военный уголовный процесс. И, наоборот, наличие уголовно-процессуального законодательства вовсе не доказывает, что должны существовать уголовные суды, отдельные от судов общей юрисдикции, которые разбирают гражданские и административные дела. То обстоятельство, что у нас работают арбитражные суды, вовсе не говорит о том, что у нас должно быть арбитражное судопроизводство,

[9] Проект новой редакции Учреждения судебных установлений / Выс. учрежд. комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1900. Т. 2, ч. 2 : Объяснительная записка. 220 с.

отличное от судопроизводства гражданского. Если же мы настаиваем на арбитражном судопроизводстве, не означает ли это, что мы имеем в виду возможное в будущем слияние третейского (арбитражного) разбирательства и гражданского искового судопроизводства в арбитражных судах?

Четвертая задача — следует предложить удовлетворительное решение вопроса о соотношении торгового права и торгового судопроизводства. Если существует отдельное арбитражное процессуальное законодательство, предназначенное для арбитражных судов, разбирающих, в том числе, коммерческие (торговые) споры, не означает ли это, что существует торговое (коммерческое) право, невзирая на отсутствие Торгового (Хозяйственного, Коммерческого) кодекса?[10] Ведь арбитражные суды, как известно, получили свое наименование не только потому, что создавались на базе системы государственного арбитража, но и для того, чтобы не называть их хозяйственными судами. Если бы арбитражные суды стали именовать хозяйственными, появились бы аргументы для обоснования наличия в российской правовой системе хозяйственного права. В связи с поставленным вопросом отметим, что российское торговое право частью растворено в гражданском, источниками торгового права являются законодательные акты об инвестициях, ценных бумагах, о хозяйственных обществах и несостоятельности (банкротстве) и др., частично торговое право кодифицировано в кодексе торгового мореплавания[11], других транспортных кодексах и уставах. Торговое право создается субъектами гражданского права при заключении торговых договоров, исходя из того, что договор создает право между его сторонами.

5. Автор верно, на взгляд рецензента, подчеркивает, что, невзирая на отсутствие торгового сословия, «особенности торгового оборота требовали особого подхода разрешению спорных ситуаций, возникающих среди купцов», поэтому под торговым судом следует понимать не столько отдельное учреждение, созданное специально для рассмотрения коммерческих споров, а в большей степени особенности судопроизводства». Рецензент считает подход, избранный автором, весьма продуктивным. В течении длительного времени представители науки коммерческого и предпринимательского права ищут определение коммерческой или предпринимательской сделки[12]. Такова традиция: в свое время существовало направление, занимавшееся поисками определения хозяйственного договора. Каково практическое значение поисков определения коммерческой сделки (договора)? Споры по коммерческим договорам и сделкам следует отнести к подсудности арбитражных судов независимо от субъектного состава на истцовой и ответной стороне[13].

Арбитражные суды предназначены для рассмотрения и разрешения экономических споров (ст. 4 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ[14]). Суды общей юрисдикции также могут рассматривать экономические споры, если на стороне истца или ответчика выступает физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем. Чтобы суд общей юрисдикции мог разрешить возможный экономический спор, достаточно при заключении договора поставки директору организации, выступающей в качестве покупателя, не имеющему статуса предпринимателя, ручаться за своевременную оплату поставляемого товара[15]. Споры по кредитованию коммерческими банками различных организаций вне всяких сомнений есть коммерческие (экономические) споры. Но если работники кредитуемых организаций или иные физические лица ручаются перед банками за возвращение кредитов, то данные

[10] Отсылка к словам: «С конца 60-х гг. XX в. наблюдается обратная тенденция: предпринимаются попытки доказать необходимость обособления сначала хозяйственного, а позднее торгового (предпринимательского, коммерческого) права в самостоятельную отрасль и принятия специального Хозяйственного (Торгового) кодекса РФ, который будет действовать наряду с Гражданским кодексом РФ» [11, с. 17 — 18].

[11] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 22 июня 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.

[12] «Цивилисты, признающие наличие предпринимательского договора, — писал проф. М. К. Сулейменов, — не могут определить его место в системе гражданского права» [10, с. 12].

[13] Лица, не являющиеся предпринимателями, могут заключать предпринимательские договоры. А. А. Маковская пишет: «Не представляется возможным говорить о сформировавшемся понимании корпоративных договоров как широкой группы договоров, к которым должны применяться правила о предпринимательских договорах, даже если их сторонами являются непредприниматели» [6, с. 40].

[14] Об арбитражных судах в Российской Федерации : Федер. конституц. закон от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589.

[15] См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2023 г. по делу № 88-16287/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

споры подлежат разрешению в судах общей юрисдикции[16]. Спор имеет экономический характер независимо от статуса сторон спора, поэтому важно передать все экономические споры для рассмотрения и разрешения арбитражным судам. К числу экономических споров следует отнести споры по коммерческим обязательствам и вспомогательным им договорам (сделкам). Для этого требуется прямо назвать некоторые гражданско-правовые договоры (купля-продажа ценных бумаг, поставка, коммерческий прокат, перевозка хозяйственных грузов) коммерческими договорами. Договоры, опосредующие операции, вспомогательные по отношению к коммерческим обязательствам, следует именовать вспомогательными договорами. Споры по коммерческим обязательствам и вспомогательным им договорам надо отнести к исключительной подсудности арбитражных судов. Что касается деликтов то, за исключением коммерческих деликтов, все деликты следует отнести к подсудности судов общей юрисдикции.

Почему требуется реформа подсудности коммерческих споров? Данная реформа требуется хотя бы для того, чтобы не существовало особенностей рассмотрения споров о причинении вреда посредством взаимодействия двух источников повышенной опасности, принадлежащих юридическим лицам, в сравнении с порядком рассмотрения данных споров в суде общей юрисдикции, а также для того, чтобы споры по поставке, контрактации, вексельным сделкам рассматривались в суде, специально предназначенном для рассмотрения таких споров, то есть в арбитражном (торговом, коммерческом) суде.

Почему необходимо прямо назвать ряд гражданско-правовых договоров и сделок коммерческими (торговыми) договорами? «Спорами *по торговле называются споры, проистекающие из торговых оборотов*. Под торговым же оборотом подразумеваются такие сделки, которые производятся между двумя лицами по торговле и для торговли, то есть когда одним возмездно приобретается что-либо от другого, продающего с целью получения прибыли, для дальнейшего возмездного отчуждения с такою же целью», — разъяснял В. Л. Исаченко [7, с. 25]. Не надо и объяснять, что торговыми являются и сделки, по которым товар приобретается не для немедленной реализации, как это имеет место при покупке оптовой партии для продажи в розницу, а для производства (переработки) в другой товар для реализации в последующем. Чтобы избавить суд от необходимости при принятии иска выяснять, не с торговой ли целью приобретена мелкооптовая партия товара в магазине розничной торговли, следует сразу в законе сказать, какие сделки являются торговыми.

Изложенное, на взгляд рецензента, предложение о реформе подсудности коммерческих споров наглядно демонстрирует актуальность рецензируемого сочинения. Актуальность работы, как полагает рецензент, хорошо подчеркнута в монографии об эволюции коммерческого суда: «Несмотря на интенсивный поиск ученых-правоведов, темы, связанные с историческим опытом функционирования коммерческих судов, так и не получили сколько-нибудь удовлетворенного освещения» [3, с. 10]. Применительно к рецензируемой книге следует сказать, что ее актуальность обусловлена тем, что опыт функционирования в России торгового суда «еще не получил удовлетворенного освещения». Сочинение Ю. А. Тарасенко надо читать, а затем делиться с иными читателями и автором своими впечатлениями.

[16] См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 января 2023 г. по делу № 8Г 27809/2022, 88-1155/2003, 88-31064/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамовский А. П., Кобзов В. С., Вериго Е. А. Челябинский областной суд, 70 лет: люди, события, факты. — 2 изд., испр. и доп. — Челябинск : Каменный пояс, 2004. — 280 с.

2. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. — Санкт-Петербург : Асланов : Юридический центр Пресс, 2005. — 1100 с. — (Серия: Антология юридической науки / Ассоц. юрид. центр).

3. Егоров В. Г., Ольшанская Л. В. Коммерческие суды в России: генезис, структурно-функциональная эволюция и ликвидация. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. — 210 с. — (Серия: Толкование источников права).

4. Катон Марк Порций. Земледелие / [отв. ред. И. И. Толстой] ; пер. с лат. и коммент. М. Е. Сергеенко. — Репр. воспроизведение изд. 1950 г. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — 219 с. — (Серия: Литературные памятники (ЛП) / Рос. акад. наук).

5. Ключевский В. О. История сословий в России : Курс, читанный в Московском университете в 1886 году / предисл. А. Юшков. — 3-е изд. — Петроград : Литературно-издательский отдел Комитета народного просвещения, 1918. — 282 с.

6. Маковская А. А. Корпоративный договор как предпринимательский договор // Хозяйство и право. — 2017. — № 11 (490). — С. 30—40.

7. Мировой суд : Практический комментарий на первую книгу Устава гражданского судопроизводства (Ст. 29—201) / сост. В. Л. Исаченко, сенатор. — Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1913. — 904 с.

8. Немиров Г. А. Торговый суд в России до 1832 года (Историческая справка) // Вестник права : Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. — 1901. — № 3 (Март). — С. 32—60.

9. Судебная система Орловской области: прошлое и настоящее / [сост. С. А. Цыпленков]. — Орел : Воробьев А. В., 2004. — 183 с.

10. Сулейменов М. К. Предпринимательский договор как комплексный институт гражданского права // Журнал российского права. — 2008. — № 1. — С. 10—20.

11. Суханов Е. А., Ем В. С., Козлова Н. В. Торговое право — право купеческого сословия // Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. — Москва : Статут, 2003. — Т. I: Введение. Торговые деятели. — С. 14—30.

12. Тарасенко Ю. А. Судъ торговый. — Брянск : Аверс, 2023. — 192 с.

13. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск : Иркутское областное государственное издательство, 1949. — Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — 593 с.

14. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. — Иркутск : Иркутское областное государственное издательство, 1957. — Т. 2: Илимский край во II-IV четвертях XVIII века. — 673 с.

15. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. — Москва : Статут, 2003. — Т. I: Введение. Торговые деятели. — 480 с. — (Серия: Классика российской цивилистики).

REFERENCES

1. Abramovskii A. P., Kobzov V. S., Verigo E. A. *Chelyabinskii oblastnoi sud, 70 let: lyudi, sobytiya, fakty* [Chelyabinsk Regional Court, 70 Years: People, Events, Facts]. 2nd ed. Chelyabinsk, Kamennyi poyas Publ., 2004. 280 p.

2. Baron Yu. *Sistema rimskogo grazhdanskogo prava* [The Roman Civil Law System]. Saint Petersburg, Aslanov Publ., Yuridicheskii tsentr Press, 2005. 1100 p.

3. Egorov V. G., Olshanskaya L. V. *Kommercheskie sudy v Rossii: genezis, strukturno-funktsionalnaya ehvolyutsiya i likvidatsiya* [Commercial Courts in Russia: Genesis, Structural and Functional Evolution and Liquidation]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2021. 210 p.

4. Katon, Mark Portsii; Tolstoi I. I., Sergeenko M. E. (eds). *Zemledelie* [Agriculture]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2008. 219 p.

5. Klyuchevskii V. O. *Istoriya soslovii v Rossii. Kurs, chitannyi v Moskovskom universitete v 1886 godu* [History of Estates in Russia. Course Given at Moscow University in 1886]. 3rd ed. Petrograd, 1918. 282 p.

6. Makovskaya A. A. Corporate Agreement as an Entrepreneurial Agreement. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2017, no. 11 (490), pp. 30—40. (In Russian).

7. Isachenko V. L. (ed.). *Mirovoi sud. Prakticheskii kommentarii na pervuyu knigu Ustava grazhdanskogo sudoproizvodstva (St. 29—201).* [Magistrates' Court. Practical Commentary on the First Book of the Civil Procedure Code (Articles 29—201)]. Saint Petersburg, M. Merkushev Publ., 1913. 904 p.

8. Nemirov G. A. Commercial Court in Russia before 1832 (Historical background). *Vestnik prava. Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete = Bulletin of Law. Journal of the Law Society at the Imperial Saint Petersburg University*, 1901, no. 3 (March), pp. 32—60. (In Russian).

9. Tsyplenkov S. A. (ed.). *Sudebnaya sistema Orlovskoi oblasti: proshloe i nastoyashchee* [The Judicial System of the Orel Region: Past and Present]. Orel, Vorobev A. V. Publ., 2004. 183 p.

10. Suleimenov M. K. Business Contract as a Comprehensive Institution of Civil Law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 1, pp. 10—20. (In Russian).

11. Sukhanov E. A., Em V. S., Kozlova N. V. Commercial Law is the law of the Merchant Class. In Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava* [Commercial Law Course]. Moscow, Statut Publ., 2003. Vol. I, pp. 14—30. (In Russian).

12. Tarasenko Yu. A. *Sud torgovyi* [Commercial Court]. Bryansk, Avers Publ., 2023. 192 p.

13. Sherstoboev V. N. *Ilimskaya pashnya* [Ilimsk Plowed Land]. Irkutsk Regional State Publishing House, 1949. Vol. 1. 593 p.

14. Sherstoboev V. N. *Ilimskaya pashnya* [Ilimsk Plowed Land]. Irkutsk Regional State Publishing House, 1957. Vol. 2. 673 p.

15. Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava* [Commercial Law Course]. Moscow, Statut Publ., 2003. Vol. I. 480 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестолий Вячеслав Геннадьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestoliy, Vyacheslav G. (Irkutsk) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).